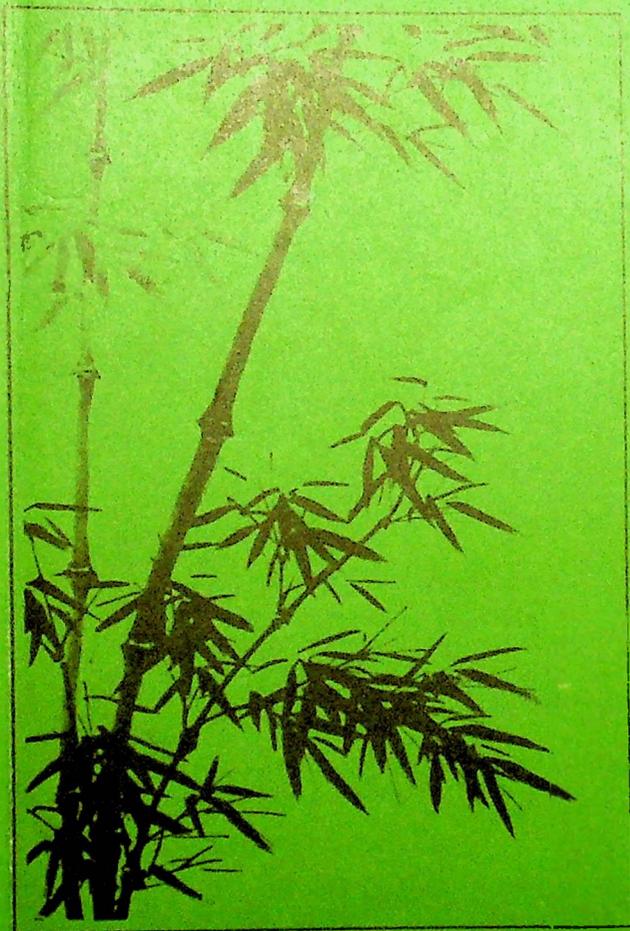


ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/97

ISSN 0131 — 2812



Россия и Тихоокеанском
экономическом сообществе

•
Международные режимы
безопасности в АТР

•
НАТО и политика России
на Дальнем Востоке

•
Сравнение реформ
в Китае и России

•
Московское совещание
министров иностранных дел
(декабрь 1945 г.)

200 013

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/97



Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- А.Гранберг. Россия в Тихоокеанском экономическом сообществе: роль РНКТЭС..... 3
- ✓ В.Петровский. Международные режимы безопасности в АТР: варианты российского участия..... 16
- В.Михеев. Гамбит "анти-НАТО" и политика России на Дальнем Востоке..... 31
- А.Сизоненко. Тихоокеанское - еще одно направление в развитии российско-латиноамериканских отношений..... 44
- Кан Бон Гу. Политика России в отношении Корейского полуострова в свете решения ядерной проблемы Северной Кореи..... 49
- В.Бунин. Япония и проблемы нераспространения оружия массового уничтожения..... 60
- Л.Гудошников, К.Кокарев. Организация правосудия и конституционного контроля на Тайване..... 67

ЭКОНОМИКА

- Фэн Шаолэй. Некоторые подходы к проблеме сравнения реформ в Китае и России..... 77
- Д.Шаринов. О жилищной реформе в КНР (на примере Шанхая)..... 84
- В.Курбатов. Социальная эволюция китайского крестьянства во второй половине XX века..... 89

200 экз.

ИСТОРИЯ

- Ки Кван Со.* Московское совещание министров иностранных дел (декабрь 1945 г.) и раскол Кореи.....97

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- М.Персиц.* Новый сборник документов о советской политике на Дальнем Востоке в 1920-1922 годах..... 109

КУЛЬТУРА

- А.Хисамутдинов.* В лесах Маньчжурии (К 125-летию Н.А.Байкова)..... 120

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Б.Рифтин.* Знаток, исследователь и популяризатор китайской культуры (К 70-летию В.Ф.Сорокина)..... 126

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ю.Песков.* Встреча ученых России и КНР..... 132
Б.Кулик. Международная научная конференция "Будущее Китая и Северо-Восточной Азии"..... 134

РЕЦЕНЗИИ

- А.Меликсетов.* С.Л.Тихвинский. Путь Китая к объединению и независимости. 1898-1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая..... 141
В.Глазычев. В.В.Малявин. Китай в XVI-XVII веках..... 145
В.Малявин. А.В.Ломанов. Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя..... 148
А.Круглов. Г.А.Ганшин. Экономическая реформа в Китае: эволюция и реальные плоды..... 151
Б.Пак. Г.Д.Тягай, В.П.Пак. Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX века..... 155

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (заместитель главного редактора), О.Н. Борох, Ю.М. Гарушанц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, В.В. Малявин, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Политика

Россия в Тихоокеанском экономическом сообществе: роль РНКТЭС

© 1997

А.Гранберг

Российский национальный комитет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РНКТЭС) является правопреемником Советского национального комитета по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СНКАТЭС), созданного в 1988 г. Комитет выполняет две главные функции: *внешнюю* - участие в деятельности международных экономических организаций Азиатско-Тихоокеанского региона в качестве официального представителя России и *внутреннюю* - распространение в России позитивного опыта экономического развития и интеграции стран АТР и содействие экономическим связям с этими странами. РНКТЭС объединяет на добровольной основе представителей центральных и региональных органов власти, деловых и научных кругов Российской Федерации.

В 1992 г. РНКТЭС стал полноправным членом Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС), а в 1994 г. был принят в Тихоокеанский экономический совет (ТЭС), получив все возможности для использования потенциала этих наиболее авторитетных международных неправительственных и неООНовских экономических организаций в АТР. Как известно, Россия пока не является членом межправительственного форума "Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество" (АТЭС). Но если принять во внимание, что СТЭС имеет в АТЭС статус наблюдателя, а ТЭС фактически выполняет роль коллективного консультанта и партнера в отношениях между АТЭС и крупным бизнесом, то в лице РНКТЭС Россия имеет своего правомочного проводника в АТЭС.

Для деятельности Комитета неизменным остается принцип подчиненности геополитическим и экономическим интересам России в АТР. При этом мы исходим из признания двух взаимосвязанных положений национальной стратегии.

Первое. Азиатско-Тихоокеанский регион должен стать для России по настоящему приоритетным направлением внешнеэкономической политики, и

Гранберг Александр Григорьевич - Председатель Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РНКТЭС), академик РАН.

В статье излагаются основные положения отчетного доклада на Конференции РНКТЭС, проходившей в Хабаровске 14-15 мая 1997 г.

поэтому Россия заинтересована быть активным участником интеграционных процессов в этом наиболее динамично развивающемся регионе мира.

Второе. Интенсификация экономического сотрудничества со странами АТР является одновременно важной частью региональной политики Российской Федерации, предусматривающей ускоренное социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Сибири в значительной мере на основе использования преимуществ их близости к рынкам АТР. При этом эффективность действий центральной власти по развитию внешнеэкономических связей восточных регионов становится важным индикатором конструктивного федерализма.

Тенденции экономической интеграции в АТР и перспективы для России

Азиатско-Тихоокеанский регион уверенно вышел в лидеры мировой экономики. Здесь образовалось несколько эшелонов динамично развивающихся экономик ("модель стаи летящих гусей"): высокоразвитые страны (США, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия), новые индустриальные страны (Республика Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур), вторая волна быстро развивающихся стран Азии и тихоокеанской Латинской Америки и особо - Китай и Вьетнам, осуществляющие стремительный экономический рост. Для большинства стран этого региона (кроме наиболее развитых) характерны устойчивые темпы экономического роста в 6-10%. При всей огромной экономической неоднородности данного региона мира нет ни одной страны, за исключением России (и, вероятно, Северной Кореи), со стагнирующей экономикой. По авторитетным прогнозам, Китай уже в первой трети XXI века выйдет на первое место в мире по масштабам производства, а последующие места в тройке мировых лидеров будут занимать США и Япония.

В течение последних десятилетий в АТР развивается процесс экономической интеграции, о котором свидетельствуют опережающий рост внутрирегиональной торговли (за счет стран Азии, а также изменения торговой ориентации США, Австралии, Новой Зеландии и отчасти Латинской Америки в сторону рынков АТР), быстро расширяющееся межстрановое движение инвестиций, технологий, рабочей силы и др. Интеграционный процесс в АТР качественно отличается от эволюции Европейского Сообщества, которое нередко воспринимается как единственный эталон интеграционной логики.

Можно выделить ряд особенностей азиатско-тихоокеанской модели интеграции, которые важны для оценки условий и перспектив вхождения России в этот процесс.

Во-первых, реальное создание общего рынка в АТР идет при ведущей роли бизнеса (особенно транснациональных компаний), создающего почву для межгосударственного сотрудничества. Это выразилось и в том, что образование *неправительственных* региональных экономических организаций - ТЭС (в 1967 г.) и СТЭС (в 1980 г.) - намного опередило создание *межправительственного* форума АТЭС (1989 г.). Вместе с тем ТЭС и СТЭС строились на базе *национальных* комитетов, которые имели сильные контакты со своими правительствами и получали от них всестороннюю поддержку (это обстоятельство интересно также в аспекте взаимоотношений между РНКТЭС и российскими правительственными кругами). *Во-вторых*, процесс интеграции в его различных организационных формах охватывает страны с существенно разными уровнями экономического развития, разными культурами и социально-политическими системами (достаточно посмотреть на составы ТЭС, СТЭС, АТЭС). *В-третьих*, интеграция в масштабах всего АТР (или лучше - "Тихоокеанско-

го кольца”) включает субрегиональные экономические союзы (АСЕАН, НАФТА, Южно-Тихоокеанский форум и др.), то есть допускает разные уровни интеграции, например по степени либерализации внешней торговли. (Заметим для последующих размышлений, что на карте “оформленных” субрегионов Тихоокеанского кольца есть свободный сегмент: Северо-Восточная Азия, в который входит Россия). В-четвертых, идеология тихоокеанского “открытого регионализма”, развитая в СТЭС и ТЭС, интерпретирует региональную интеграцию как элемент экономического глобализма и видит эволюцию мировой экономики как процесс постепенного объединения и взаимопроникновения региональных экономических союзов. Такая идеология органична для России, которая в силу евроазиатского расположения стремится интегрироваться, не теряя своего единства, и в Европейский Союз, и в АТР.

Российские политические лидеры довольно регулярно заявляют, что развитие взаимовыгодных торговых, научно-технических и других связей со странами АТР является одним из важнейших приоритетов внешнеэкономической политики России. Действительно, за 90-е годы объемы взаимной торговли со странами региона выросли более чем в полтора раза, а с рядом стран - в несколько раз. В 1995 г. товарооборот России со странами АТР составил 30 млрд. долл., в том числе с США - 7,2 млрд., с Китаем - 5,6 млрд., с Японией - 5,5 млрд., с Республикой Корея - около 4 млрд. долл.; уровень 1 млрд. долл. превысила торговля с Таиландом, Тайванем, Сингапуром. Зарегистрировано несколько тысяч предприятий с участием капитала из стран АТР, реализуются десятки инвестиционных и финансово-кредитных проектов. Однако на долю АТР приходится лишь 22,1% экспорта и 15,1% импорта России, что не соответствует потенциалу этого региона мира (около 50% мировой торговли). Еще меньше доля стран АТР в иностранных инвестициях, поступающих в Россию.

И во внешней торговле, и в иностранных инвестициях России превалирует евро-атлантическое направление. Это объясняется прежде всего тем, что 3/4 российской экономики сосредоточено в европейской части страны, очень удаленной от АТР, а современная экономика Дальнего Востока и Восточной Сибири пока не является достаточно сильным партнером для АТР. Конечно, изменения географических акцентов во внешней торговле и распределении иностранных инвестиций могут увеличивать масштабы экономического сотрудничества России с АТР. Но нереально уповать на увеличение доли АТР во внешнеэкономических связях России, например, в 2-3 раза при сохранении нынешней территориальной структуры российской экономики. Перелом может наступить только при резком ускорении развития азиатских регионов России.

Необходимо трезво признать, что современная Россия не играет заметной роли в экономике АТР, за исключением нескольких экспортно-импортных позиций. Доля России в общем экспорте стран АТР - только 0,4%, а в импорте - 0,8%. Небезынтересно знать взгляд на экономику России со стороны СТЭС - главного международного партнера РНКТЭС. По классификации СТЭС Россия по уровню экономического развития относится только к третьей, последней группе стран - членов СТЭС. В первую входят США, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Бруней (6 стран), во вторую - Республика Корея, Малайзия, Сингапур, Гонконг, Тайвань, Чили (также 6) и, наконец, в третью группу - Россия в окружении таких 8 стран, как Китай, Колумбия, Индонезия, Мексика, Перу, Филиппины, Таиланд, Вьетнам. При этом Россия непрерывно ухудшает свой экономический рейтинг после вступления в СТЭС. Ведь за 90-е годы объем годового ВВП в России сократился в 2,5 раза, а в большинстве стран АТР (за исключением наиболее развитых) он почти удвоился, то есть относительный “вес” России для этой группы стран упал в 4-5

раз! Если СССР (до 1992 г.) по объему ВВП занимал 3-е место среди стран АТР, то сейчас Россия находится на 7-м месте. Вступая на путь экономической интеграции в АТР, нужно понимать, что для завоевания достойного места в АТР экономика России должна пройти долгий путь.

Вопрос "быть или не быть?" России в интеграционных структурах АТР возник далеко не сегодня. Возвращаясь к истории нашего Комитета, напомним, что само образование СНКАТЭС в 1988 г. было свидетельством заинтересованности советских официальных кругов (несколько запоздалый) в изучении опыта азиатско-тихоокеанской интеграции с перспективой вхождения в развивающиеся институты интеграции, в первую очередь в СТЭС (тогда более зрелый, но "частнособственнический" ТЭС находился на периферии государственного интереса, а АТЭС еще не родился). Нынешний РНКТЭС как член СТЭС и ТЭС участвует в выработке документов о принципах, формах, инструментах региональной интеграции, начиная с Декларации об открытом регионализме, принятой на IX Генеральной сессии СТЭС в Сан-Франциско в сентябре 1992 г. Теперь наиболее актуальный для России организационный вопрос - вступление в АТЭС.

В практическом плане российские правительственные, деловые и научные круги участвуют в такой форме интеграционной деятельности, как разработка и осуществление *многосторонних* проектов. Это, например, проект ПРООН по развитию района реки Туманной на стыке границ России, Китая и КНДР, более масштабный проект развития экономической зоны Японского моря, проекты строительства магистральных газопроводов, линий электропередач и телекоммуникаций, проходящих через территории нескольких стран, уже начатое силами международных консорциумов освоение нефтегазовых ресурсов о. Сахалин и др. Для российских восточных регионов все более важным становится регулирование международной трудовой миграции. Вероятно, в ближайшее время Россия активизируется на финансовом рынке АТР.

Таким образом, Россия фактически участвует в различных формах интеграционного процесса в АТР, но еще недостаточно влияет на организацию и регулирование этого процесса. Поэтому ставится вопрос о целесообразности расширения *институционального* участия России в процессе экономической интеграции АТР. Безусловно, здесь много сложностей, неоднозначных последствий. Но не могу согласиться с мнением, высказанным в одном специальном журнале, что Россия сначала должна доказать свою интеграционную совместимость с Западной Европой и только потом задуматься о реальности своей совместимости с экономикой АТР.

К вышеизложенным аргументам о важности азиатско-тихоокеанского направления могу добавить, что для России "игра в АТР" может идти по более удобным правилам, нежели "игра в ЕС". При гипотетическом вступлении в ЕС Россия обязана будет выполнять условия, выработанные без нее. В строящемся же Азиатско-Тихоокеанском сообществе правила экономического поведения еще вырабатываются. Так, в АТЭС допускается деятельность на основе индивидуальных планов стран, критерии членства - также не универсальны. Поэтому, интегрируясь в АТР, Россия сохраняет возможности, не отказываясь от своей индивидуальности, защищать свои интересы при построении интеграционных механизмов. РНКТЭС видит свою роль на этом пути.

Деятельность в ТЭС и СТЭС

Постоянное участие РНКТЭС в работе ТЭС и СТЭС является нашим первым уставным требованием, поскольку только национальные комитеты,

опираясь на свою членскую базу и привлекаемые политические, административные, деловые и научные круги, правомочны представлять свои страны в этих международных организациях.

Ритмы функционирования ТЭС и СТЭС задают генеральные сессии (International General Meeting). ТЭС проводит свои главные форумы в разных странах - членах ТЭС ежегодно в мае, начиная с 1968 г. и без единого пропуска. СТЭС, ранее проводивший также в разных странах свои генсесии раз в полтора года, перешел на двухлетний цикл. Поэтому следующая после XI (Пекин, сентябрь 1995 г.) генсессия пройдет в сентябре 1997 г. (Сантьяго, Чили). Итак, в промежутке между двумя конференциями РНКТЭС (декабрь 1995 г., Москва - май 1997 г., Хабаровск) состоялась только очередная, 29-я Генеральная сессия ТЭС (Вашингтон, США, май 1996 г.).

Девиз Вашингтонского форума - *"Без риторики: достижение свободной торговли и инвестирования в Тихоокеанском регионе"* - подчеркивал главную цель ТЭС, полностью совпадающую с целями СТЭС и АТЭС.

Генсессия ТЭС сформулировала ряд общих выводов. Региональная либерализация является важной целью, но она должна быть частью усилий по достижению глобальной либерализации; поэтому никакие региональные инициативы не должны вступать в противоречие с многосторонними усилиями и соглашениями в рамках Всемирной торговой Организации (ВТО). Обязателен принцип взаимовыгодности. Официальные круги признают, что роль частного сектора является решающей в реализации региональных и национальных либерализационных инициатив. Состоялось 7 пленарных сессий, в том числе *"Что такое свободная торговля и как ее достичь: реализация целей АТЭС"*, *"Дебаты по азиатским ценностям"*, *"Капитал: кто будет финансировать азиатско-тихоокеанские экономики в XXI веке?"*, *"Безопасность в Тихоокеанском регионе"*.

На тематических сессиях рассматривались конкретные проблемы, стоящие перед Тихоокеанским регионом: потребности в коммуникационной и транспортной инфраструктуре и энергетических ресурсах; конкуренция в автомобильной промышленности между США, Японией, Кореей и странами АСЕАН, распределение продовольственных ресурсов и последствия ограничений или либерализации торговли ими; система природоохранных мероприятий при разработке природных ресурсов и многие другие. Значительный интерес, особенно для участников из стран с переходной экономикой, представлял сравнительный анализ трех моделей рыночного хозяйства (Запада, Японии и Юго-Восточной Азии) и возможностей их интеграции в глобальную систему.

С докладом о задачах ВТО, построенном в стиле доверительного диалога с предпринимателями, выступил генеральный директор ВТО Р. Рутгиеро. Замечу, что отчеты генерального директора ВТО - это традиция всех генсесий ТЭС и СТЭС последних лет. Вот где представляется прекрасная возможность для выяснения спорных вопросов.

29-я Генсессия ТЭС имела весьма высокий уровень представительства. Ключевой доклад сделал президент США У. Клинтон. С докладами выступали президент Перу А. Фуджимори, премьер-министр Малайзии М. Мохамад, министры большинства стран - членов ТЭС. Активно действовали ключевые фигуры американской администрации, пропагандируя взгляды на международную политику в АТР в преддверии президентских выборов. Парадоксально, что *неучастие* в Генсессии официальных лиц российской администрации мотивировалось также близостью выборов Президента. Это одно из проявлений различного восприятия значимости ТЭС (а также СТЭС) официальными кругами большинства стран АТР и России.

На специальной сессии "Россия и Тихоокеанский регион: задачи и возможности" с докладами выступили А.Г. Гранберг, глава администрации Хабаровского края В.И. Ишаев, депутат Государственной Думы РФ Т.Г. Нестеренко. Объединяющей темой докладов была активизация экономического сотрудничества восточных регионов России со странами АТР на основе Федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 годы. Акцентировалось внимание на новых условиях для иностранных инвесторов и приоритетных направлениях для иностранных инвестиций. "Российская" сессия привлекла значительную аудиторию, проявившую интерес к поставленным проблемам. Российская делегация распространила Обращение к деловым кругам азиатско-тихоокеанского бизнеса с предложениями о сотрудничестве, в заключительной части которого говорится: "Мы, участники 29-й Генеральной сессии СТЭС, надеемся, что полученная в ходе работы сессии информация о природном, производственном и научно-техническом потенциале Сибири и Дальнего Востока позволит деловым кругам стран АТР сделать правильный вывод и внести свой вклад в развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества с российскими сибирскими и дальневосточными регионами, в дело практической поддержки проводимых в России демократических, политических и экономических реформ".

Программа 30-й Генеральной сессии ТЭС в Маниле (Филиппины) была насыщенной и многоплановой². Ключевой доклад "Тихоокеанский регион на переходе: изменяющаяся динамика партнерства бизнеса и правительств" сделал президент Филиппин Ф. Рамос. С докладами выступили также вице-премьеры Китая - Л. Ли, Малайзии - Д.С. Анвар, Таиланда - Д. Корн, бывший президент Филиппин К. Акино, министры иностранных дел, финансов и торговли от большинства стран - членов ТЭС. К сожалению, и на этот раз на Генсессии не было членов российского правительства. Генеральный директор ВТО Р. Руггiero представил доклад "Прогресс ВТО", в котором большое внимание уделил вступающим в ВТО странам.

Состоялось семь пленарных сессий ("Адаптация к изменяющейся среде в Тихоокеанском регионе", "Дельта Меконга: новые рубежи Юго-Восточной Азии", "Технология и бизнес", "Что делает экономическая конкуренция?", "АТР и Латинская Америка", "Китай: движение к следующему тысячелетию", "Региональная безопасность: требования для продолжения экономического благосостояния"), двенадцать круглых столов по разнообразной тематике. Одна из двух специальных сессий была посвящена роли бизнеса в АТЭС, где был снова подтвержден курс партнерства с АТЭС. На другой специальной сессии обсуждалось будущее Гонконга. Надо отметить, что ТЭС с пристальным вниманием относится к гарантиям экономической свободы Гонконга, демонстрируя не только моральную, но и организационную поддержку его деловым кругам. По-прежнему Гонконг в лице его национального комитета является самостоятельным членом ТЭС, а вице-президентом ТЭС остается представитель Гонконга Сохмен (европейского происхождения). Гонконг выбран также местом проведения 32-й Генсессии ТЭС.

От российской делегации на пленарной сессии по региональной безопасности с докладом выступил заместитель секретаря Совета безопасности РФ Ю. С. Дерябин. Среди участников Генсессии был распространен доклад А. Г. Гранберга, В. И. Иванова, М. Нобукуни "Российско-японские экономические отношения в Северо-Восточной Азии" и доклад В. И. Ишаева о начале реализации Президентской федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья. Материалы 30-й

Генсессии ТЭС будут проанализированы в очередном Информационном бюллетене РНКТЭС.

В этом году ТЭС исполняется 30 лет. По последним данным, в нее входит 1153 компании, представляющие 20 стран Тихоокеанского кольца. По статистике ТЭС, оборот входящих в него компаний (без России) - 4686 млрд. долл. США! Для сравнения: ВВП России по паритету покупательной способности составил в 1994 г. 656 млрд. долл. Представление об экономической мощи ТЭС дает также рейтинг 500 крупнейших компаний мира, опубликованный недавно в "Файнэнш Таймс". В нем более 50 членов ТЭС из разных стран. От России в рейтинг вошел только Газпром (421-е место), не являющийся членом ТЭС. Пока среди российских членов ТЭС, которых представляет Нацкомитет, преобладают средние компании Дальнего Востока и Сибири. Закономерен вопрос: если крупный бизнес АТР заинтересован работать в ТЭС, то почему этим не пользуется серьезный российский бизнес?

ТЭС предоставляет лидерам бизнеса возможность коллективного рассмотрения актуальных вопросов экономики и сотрудничества, поддерживать контакты с правительствами стран, ВТО и другими международными организациями. Помимо упомянутых выше генеральных сессий, ТЭС проводит бизнес-форумы в разных странах, разрабатывает и распространяет документы по стимулированию разных видов предпринимательства, организует работу ряда специальных комитетов (по административным барьерам, окружающей среде, продовольствию, прямым иностранным инвестициям, технологиям, сервису). Среди последних документов (докладов) ТЭС можно выделить: "Осуществление свободной торговли и инвестиций в Тихоокеанском регионе", "Азиатско-Тихоокеанские рынки продовольствия и торговля в 2005", "Глобальная экономическая перспектива". Оценка подобных документов и отражение в них взглядов российских экспертов будут способствовать более успешному продвижению России на товарные, инвестиционные и другие рынки АТР, а также помогут скорректировать меры по привлечению в Россию иностранного бизнеса.

ТЭС предпринимает различные шаги по выполнению своего пятилетнего плана "ТЭС-2000". Основными задачами этого плана являются создание в регионе благоприятной обстановки для деловых кругов, обеспечивающей открытую торговлю и инвестирование; направление рекомендаций правительствам стран АТР по улучшению условий предпринимательской деятельности; поддержка совместных усилий деловых кругов с целью повысить экономическое благосостояние народов региона; наращивание иностранных инвестиций для поддержки экономического развития; устранение административных барьеров в международной торговле в регионе; стимулирование разработки и ускорение реализации новых технологий, а также содействие сбалансированному экономическому развитию с учетом необходимости сохранения чистой окружающей среды.

Второй наш основной международный партнер - СТЭС в последние полтора года сконцентрировал свою деятельность в форумах и рабочих группах. В настоящее время на постоянной основе действуют следующие "форумы": по торговой политике, по минеральным ресурсам и энергетике, по продовольствию, сельскому хозяйству и аграрной политике, а также рабочие группы: по продовольствию, сельскому хозяйству и окружающей среде; по науке и технологиям; по транспорту, телекоммуникациям и туризму (ЗТ); по сотрудничеству и развитию в области рыболовства; по подготовке "Тихоокеанского экономического обзора"; по тихоокеанским островным государствам. Представители России (В.К. Зайцев, О.В. Иванов) теперь регулярно работают в группе "Тихоокеанский экономический обзор" и с их участием готовится окончательный

доклад. Свои обобщенные доклады в 1997 г. представили другие "форумы" и группы, в том числе по развитию человеческих ресурсов, торговой политике.

В сентябре 1996 г. представители РНКТЭС участвовали в заседании форума СТЭС "Развитие финансовых рынков". Его итогом стал доклад, содержащий оценки состояния и рекомендации по развитию финансовых рынков в регионе. Он был одобрен в апреле 1997 г. на встрече министров финансов стран АТЭС. Доклад имеет прикладное значение и для российской экономики. Участвовавший в заседании форума (получившего статус комитета) представитель Межпромбанка предложил провести одно из заседаний Комитета в Москве, что было воспринято позитивно.

В апреле этого года в Денпасаре (Индонезия) состоялось заседание Постоянного комитета и Координационной группы СТЭС. В нем приняли участие руководители всех национальных комитетов стран - членов СТЭС (всего 21), в том числе России, а также наблюдатели секретариата ТЭС и Французского комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Тщательному анализу подверглись результаты деятельности рабочих групп и форумов СТЭС. Высокую оценку получили эксперты по торговой политике, подготовившие основные разделы доклада Консультативного делового совета (АВАС) главам государств - членов АТЭС, а также документы для встречи министров торговли стран - членов АТЭС, комитета АТЭС по торговле и инвестициям, по конкретизации Манильского плана действий АТЭС и др. С большой отдачей поработал уже упомянутый комитет по развитию финансовых рынков. Немало было сделано в рамках форумов по Тихоокеанскому экономическому обзору и продовольственному обзору, рабочих групп по развитию людских ресурсов, по науке и технологиям. Неудовлетворительными признаны результаты работы группы по туризму.

По оценке генерального директора СТЭС, наиболее весомое участие в работе Совета принимают национальные комитеты Японии, Индонезии, США, Сингапура. РНКТЭС попал в число комитетов, на которые возлагается надежда на более активное участие и более широкое использование имеющегося потенциала в работе форумов и групп.

Была рассмотрена и поддержана заявка Франции (от имени французских территорий в Тихом океане) на вступление в СТЭС в качестве ассоциированного члена. Стремление Франции войти в структуры АТР симптоматично, особенно на фоне проявляемого скепсиса в некоторых наших кругах относительно участия России. Нами проведены переговоры о взаимодействии с председателем Французского нацкомитета. Вслед за этим председатель РНКТЭС получил благодарственное письмо от Министра иностранных дел Франции Эрве де Шаретта, в котором, в частности, отмечается, что участие Франции в работе СТЭС "... позволит нам углубить наши связи с Вашей страной, с которой мы поддерживаем привилегированные отношения дружбы и сотрудничества. Открытие нового места для франко-российских консультаций усилит плодотворное сотрудничество между экономическими и университетскими кругами наших двух государств".

Постоянный комитет одобрил программу XII Генсессии в Сантьяго (25 сентября - 2 октября с. г.), девиз которой: "Транстихоокеанское партнерство: осуществление торговли и возможности инвестирования". Подтверждено участие президента Чили Э. Фрея, президента Бразилии Ф. Кардозо, премьер-министра Малайзии М. Мохамеда, вице-премьеров и министров из 18 стран. Будут проведены "министерские панели" на темы "АТР к 2010/2020" и "Обзор Латинской Америки", специальная панель "Гонконг: три месяца после ре-унификации" (опять подчеркнутое внимание к проблеме Гонконга!), пять пле-

нарных и большое число конкурирующих сессий. Программа включает также ряд сопутствующих мероприятий, среди которых следует выделить симпозиум академических кругов стран АТР ("академический консорциум") по проблемам тихоокеанского экономического развития с обзором наиболее интересных для регионального сотрудничества научных программ.

Основная информация о мероприятиях и документах ТЭС и СТЭС доводится нами до российской общественности в форме бюллетеней, специальных докладов, конференций и семинаров, брифингов. На настоящий момент вышло четыре номера Информационного бюллетеня РНКТЭС, в которых содержатся подробные сведения о 28-й и 29-й Генеральных сессиях ТЭС (с публикацией докладов российских участников), XI Генеральной сессии СТЭС, заседаниях Постоянного комитета и Координационной группы СТЭС, Конференции РНКТЭС³. Сообщаются также планы мероприятий ТЭС и СТЭС. Считаю, что нам следует перейти к публикации более фундаментальных аналитических работ по основным направлениям развития тихоокеанского экономического сообщества.

Подытоживая факты и результаты участия Комитета в деятельности СТЭС и ТЭС, хочу подчеркнуть, что действуя в рамках уставов, мы никогда не встречали препятствий в своей работе со стороны администрации и партнеров в этих организациях. Наши интересы и трудности всегда принимались во внимание, начиная с процедур вступления в СТЭС и ТЭС. При существующем качестве отношений в СТЭС и ТЭС повышение эффективности нашей работы зависит исключительно от членов РНКТЭС и особенно от поддерживающих национальных организаций. Нашим слабым местом остается участие в специализированных комитетах и рабочих группах СТЭС и ТЭС. Оно пока еще носит характер эпизодических поездок на заседания. Положительное исключение составляет только "Тихоокеанский экономический обзор". Не создана система постоянного представительства в комитетах и группах и продвижения российских проектов. Об этих недостатках и незавершенных замыслах говорилось и на предыдущей Конференции РНКТЭС. Надо откровенно сказать, что Президиум РНКТЭС не в состоянии заменить здесь наши министерства и ведомства. И так, ближайшие резервы повышения отдачи от участия в СТЭС и ТЭС очевидны.

В то же время ясно, что деятельность России в международных тихоокеанских организациях не может базироваться только на нашем одностороннем интересе. Мы уже не новички из диковинной страны, само присутствие которых сначала вызывало повышенный интерес. Теперь СТЭС и ТЭС вправе ощущать интеллектуальный, организационный и политический эффект деятельности российских представителей.

Отношение к АТЭС

Этот важный вопрос имеет два ракурса. Первый - отношения между СТЭС (ТЭС) и АТЭС. Второй - позиция РНКТЭС по вопросу вступления России в АТЭС.

И СТЭС и ТЭС признают главенствующую роль АТЭС в развитии тихоокеанской экономической интеграции. Общей линией СТЭС и ТЭС, четко проявляемой и на генеральных сессиях, и в текущей работе, является использование разнообразных форм взаимодействия с АТЭС и стремление к влиянию на АТЭС.

СТЭС, как отмечалось, имеет статус наблюдателя в АТЭС, что создает определенные права и для национальных комитетов, включая российский. В

последние годы все чаще практикуются совместные симпозиумы, форумы, заседания рабочих групп СТЭС и АТЭС. Интеллектуальная элита СТЭС привлекается для подготовки концептуальных документов АТЭС. На XI Генсесии СТЭС был рекомендован новый формат взаимоотношений между СТЭС и АТЭС, при котором консенсусные решения СТЭС выносятся на рассмотрение форума АТЭС.

ТЭС идет на сближение с АТЭС иным путем, выбирая "достойные" для себя формы. На 27-й Генсесии (1994 г.) он принял решение о вступлении в АТЭС в качестве наблюдателя. Однако уже на следующей генеральной сессии было решено, что ТЭС не должен ограничивать свое участие в АТЭС статусом наблюдателя, а необходимо добиваться предоставления ему функций делового консультативного форума в АТЭС при сохранении возможностей выражать свои взгляды на динамику тихоокеанской экономической интеграции. Так, в рекомендациях 29-й Генсесии наряду с признанием важного значения АТЭС и полной поддержкой его усилий по либерализации, подчеркивалось, что АТЭС - не единственный форум, в рамках которого идет тихоокеанский диалог, что не следует отрицать других возможностей и обременять АТЭС лишними и необдуманными действиями.

И ТЭС, и СТЭС поддерживают основополагающие документы АТЭС, в том числе Богорскую декларацию, ставящую задачу образования тихоокеанской зоны свободной торговли до 2010 г. - развитыми странами и к 2020 г. - всеми странами АТЭС. Однако ТЭС подчеркивает свою озабоченность увеличением экономической активности и поддержкой либерализации торговли и инвестирования уже сейчас, не дожидаясь следующего столетия.

Создается традиция, когда ежегодная встреча лидеров АТЭС обустроивается мероприятиями, организуемыми ТЭС и СТЭС. Так было в г. Осака осенью 1995 г., где в течение трех недель последовательно проходили Конгресс представителей делового мира АТЭС с участием руководителей и представителей СТЭС и ТЭС, Глобальный конгресс деловых возможностей, включавший симпозиум о роли АТЭС (его участники - представители деловых кругов 43 стран мира); Форум "Предпринимательство в АТР" с участием представителей крупных компаний, многие из которых являются членами ТЭС; встреча министров стран АТЭС; заседания Постоянного комитета и Совета ТЭС; совместный симпозиум СТЭС-ТЭС о деловом сотрудничестве в АТР с участием лидеров и министров стран - членов АТЭС и, наконец, кульминация: встреча лидеров 18 стран - членов АТЭС (с участием СТЭС как наблюдателя). По схожему сценарию пройдут мероприятия в Ванкувере (Канада) в ноябре этого года. Встречам министров и лидеров стран - членов АТЭС будут предшествовать (как минимум) саммит управляющих высшего ранга (СЕО) стран АТЭС (с приглашением руководителей национальных комитетов ТЭС), Постоянный комитет и Совет ТЭС.

СТЭС и ТЭС в принципе поддерживают стремление входящих в них стран стать членами АТЭС. После подачи Россией официальной заявки на вступление в АТЭС (март 1995 г.) наш Комитет предпринимает усилия к тому, чтобы в докладах и резолюциях СТЭС и ТЭС присутствовал тезис о поддержке намерения России. Именно такое решение было принято на заседании Постоянного комитета СТЭС в Пекине (сентябрь 1995 г.). Генеральный директор СТЭС Д. Парсонс в сопроводительном письме в РНКТЭС делает важное добавление: "Для Вашего Комитета очень важно активизировать деятельность в регионе через СТЭС, чтобы показать, что Россия может внести весомый вклад в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество". Руко-

водители ТЭС также неоднократно заявляли о поддержке России во вступлении в АТЭС.

Можно с удовлетворением отметить, что в подготовленном МИД РФ докладе о позиции России по вопросу о критериях членства в АТЭС факт образования РНКТЭС, его деятельность в СТЭС и ТЭС и солидаризация с принципиальными документами, принятыми этими организациями, рассматриваются как один из критериев для приема страны в члены СТЭС. РНКТЭС участвует в работе Межведомственной комиссии по делам форума АТЭС, созданной постановлением Правительства РФ в июле 1996 г., выполняющая поставленную задачу "...лоббирования российской заявки в АТЭС по каналам СТЭС и ТЭС". Уверен, что эта задача годом раньше или годом позже, но будет решена.

Более трудным является вопрос: как Россия будет реализовывать свое членство в АТЭС? Есть опасение, что "использовав" РНКТЭС на этапе вступления в АТЭС, правительственные круги станут замыкать только на себя каналы тихоокеанского сотрудничества, то есть снова усилится бюрократическое огосударствление международных отношений, а участие в СТЭС и ТЭС будет восприниматься как третьестепенное, непрестижное для "государственных" людей дело. Первые симптомы налицо. Добившись статуса гостя в некоторых рабочих группах АТЭС (пока на один календарный год) и направляя туда своих представителей, соответствующие министерства и ведомства как бы не замечают деятельности аналогичных по тематике групп и комитетов СТЭС и ТЭС, где Россия имеет полное членство и может воздействовать на все принимаемые решения. Тем самым нарушаются традиции Тихоокеанского сообщества: не ограничиваться только межправительственными контактами, а опираться на широкие политические, деловые, научные круги. На пути огосударствления добиться успеха в тихоокеанском экономическом сотрудничестве невозможно.

РНКТЭС предлагает всем национальным организациям, заинтересованным в развитии экономического сотрудничества в АТР, консолидировать свои усилия в отношении со ТЭС, СТЭС, АТЭС.

Дальневосточно-Сибирский приоритет

Авангардная роль Дальнего Востока и Сибири в расширении и углублении экономического сотрудничества России со странами АТР находит отражение в организационной структуре и приоритетах работы РНКТЭС.

Основная часть членов РНКТЭС (особенно коммерческие фирмы) объединена в Дальневосточном и Сибирском центрах РНКТЭС. Базами этих центров являются межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия "Дальний Восток и Забайкалье" и "Сибирское соглашение", включающие соответственно 13 и 19 субъектов Федерации. В соответствии с Уставом РНКТЭС председатели этих региональных центров являются заместителями председателя Национального комитета (В настоящее время это председатель Совета Ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье" В. И. Ишаев и генеральный директор Ассоциации "Сибирское соглашение" В. И. Иванков.)

Проблемы развития Дальнего Востока и Сибири и их внешнеэкономических связей занимают ведущее место и во внутренней, и во внешней деятельности РНКТЭС. Такая географическая ориентация Нацкомитета находит полное понимание в руководящих органах ТЭС и СТЭС.

В 1995-1997 гг. объединяющим фактором в деятельности РНКТЭС стала разработка и реализация *Федеральной целевой программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья*. Образовался своего рода консорциум, в котором члены РНКТЭС, представлявшие Межрегиональ-

ную ассоциацию, администрации территорий, Совет по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству (головной разработчик) и ряд других научно-исследовательских институтов участвовали на всех этапах разработки, обсуждения, экспертизы, защиты, презентации Программы, получившей статус президентской.

Программа рассматривает в качестве важных предпосылок для экономического развития территорий Дальнего Востока и Забайкалья их приграничное положение, незамерзающие порты, возможности крупномасштабных трансконтинентальных перевозок по Транссибу и БАМ, а в будущем - и по Северному морскому пути. Богатые природные ресурсы региона способны обеспечивать потребности общероссийского и мирового рынка в минеральном и биологическом сырье, энергоресурсах.

Одна из главных частей Программы - это активизация экономического сотрудничества со странами АТР. Для повышения экспортного потенциала региона и стимулирования иностранных инвестиций предлагается ввести особый порядок экспорта для предприятий региона, налоговые льготы, компенсирующие неблагоприятные условия предпринимательства, систему гарантий для иностранных инвесторов. Работа в этом направлении будет вестись через соответствующие изменения в российском и местных законодательствах. Регион имеет объективные возможности для того, чтобы стать лидером в усовершенствовании механизмов соглашений о разделе продукции, залога месторождений природных ресурсов, формирования свободных зон, особого статуса приграничных территорий и т.п. Ставится вопрос о создании международного Дальневосточного банка реконструкции и развития (по типу ЕБРР). В Программе определены первоочередные объекты привлечения иностранных инвестиций.

Используя внешнеэкономический фактор, регион может радикально улучшить свое социально-экономическое положение, компенсируя свою удаленность от более развитых регионов европейской части страны. Но подчеркнут еще раз: экономическая интеграция в АТР - задача общероссийская, а территория Дальнего Востока и Забайкалья - естественный плацдарм и авангард этого процесса.

Как уже упоминалось, основные положения Программы с акцентом на ее внешнеэкономическую часть докладывались на 29-й и 30-й Генеральных сессиях ТЭС. Кроме того, Программа представлялась от имени РНКТЭС на встречах с деловыми кругами Японии. Полагаю, что работа по реализации и международной поддержке Программы будет оставаться важным направлением деятельности Комитета на многие годы.

В последнее время РНКТЭС участвует в разнообразных международных двусторонних мероприятиях, организуемых Межрегиональной ассоциацией "Дальний Восток и Забайкалье" и администрациями территорий. Можно отметить, например, заседания Рабочей группы по поощрению коммерческого сотрудничества между Дальним Востоком России и Тихоокеанским побережьем США в рамках межправительственной комиссии "Черномырдин - Гор", совместные заседания Дальневосточного комитета по экономическому сотрудничеству России и Японии и подкомитета по Дальнему Востоку японско-российского комитета и др. Дальневосточная ассоциация создала целую систему двустороннего сотрудничества на международном уровне с Японией, Китаем, Республикой Корея.

Безусловно, эта деятельность заслуживает поддержки. Однако опыт дальневосточников убеждает в том, что на определенном этапе дальнейшее расширение двусторонних контактов оказывается все менее эффективным, так как возникает много дублирующих моментов, не решаются общие вопросы

и т.п. Становится необходимым переход к многостороннему сотрудничеству в рамках субрегиона (Северо-Восточная Азия, Север Тихоокеанского региона) или всего АТР. Вот тогда существенно возрастает роль РНКТЭС, открывающего прямой путь в международные экономические и финансовые организации. Точка зрения РНКТЭС состоит в том, что на основе многостороннего сотрудничества эффективнее решать вопросы развития транспортной инфраструктуры, телекоммуникационных систем, реперофилирования машиностроительного комплекса, а главное - вопросы сближения внешнеэкономических механизмов. Одновременно важно поддерживать конкуренцию среди наших азиатско-тихоокеанских партнеров, не допуская монополизации важных сфер сотрудничества отдельными странами, а также предотвращая необоснованную конкуренцию между российскими экспортерами и получателями иностранных инвестиций и кредитов.

РНКТЭС всегда пропагандировал идею, что внешнеэкономическая ориентация на АТР должна осуществляться совместно Дальним Востоком и Сибирью, с тем чтобы использовать преимущества взаимодополнения природно-ресурсных, демографических и производственных потенциалов этих макрорегионов. Необходимо принимать во внимание, что суммарный демо-экономический потенциал всей азиатской части России примерно в 4 раза больше потенциала одного Дальнего Востока. О Сибири в контексте экономических отношений с АТР приходится говорить снова и снова, поскольку до сих пор не удается сломать стереотип, что к зоне приоритетного экономического сотрудничества России с АТР относится только Дальневосточный экономический регион.

Межрегиональная ассоциация "Сибирское соглашение" сбавила свою активность в отношениях с РНКТЭС. Разумеется, это не означает, что развитие экономических связей Сибири со странами АТР стало менее важным. Надеюсь, что разработка Федеральной целевой программы экономического и социального развития Сибири на 1997-2005 годы, осуществляемая по Указу Президента РФ, станет стимулом и для сибирского вектора деятельности РНКТЭС, как это ранее произошло на Дальнем Востоке.

* * *

Свои ближайшие задачи РНКТЭС, видит в том, чтобы разнообразить формы и методы вхождения России в интеграционные структуры АТР и активизировать внешнеэкономические связи Дальнего Востока и Сибири, используя механизмы федеральных целевых программ и поддержку зарубежных деловых партнеров. Не претендуя на ведущую роль в осуществлении стратегии России в АТР, мы обязаны стремиться к максимальному использованию преимуществ своего положения в системе национальных и международных организаций.

1. Более подробный обзор 29-й Генеральной сессии ТЭС, включая доклады А. Г. Гранберга, В. И. Ишаева и полный текст обращения российских участников, дается в Информационном бюллетене РНКТЭС, 1996, № 3-4.
2. Эта Генсессия прошла после Конференции РНКТЭС.
3. Материалы о Конференции РНКТЭС, состоявшейся в декабре 1995 г., опубликованы в журнале "Проблемы Дальнего Востока", 1996, № 1.

Международные режимы безопасности в АТР: варианты российского участия

© 1997

В.Петровский

Потенциальная роль России как участницы многосторонних усилий по обеспечению региональной безопасности в Северо-Восточной Азии и АТР требует тщательного и непредвзятого анализа. В русле этих усилий лежит разработка и теоретическое обоснование *концепции российского участия в строительстве региональных режимов безопасности.*

Вряд ли может быть оспорен тезис о том, что международные режимы безопасности не могут основываться исключительно на силовых отношениях. Скорее, они в той или иной мере дополняют существующие силовые отношения. Из этого следует, что неравное распределение между государствами комплексной мощи обуславливает асимметричный характер многосторонних механизмов обеспечения безопасности, особенно на региональном уровне, а также иерархический характер современных международных отношений в целом.

В рамках подобных режимов одни участники добиваются безопасности, другие - автономии. Более сильная держава обеспечивает безопасность для менее сильных, увеличивая тем самым автономию принятия решений; слабая региональная держава получает гарантии безопасности в обмен на обещание следовать политическому курсу более сильной державы, предоставление своих военных баз и пр.¹

Применительно к условиям Азиатско-тихоокеанского региона это означает, что, по мнению Я. Накасонэ, ядром регионального союза здесь может стать одна из крупных военных держав, обладающих ядерным оружием. Региональные союзы, не включающие в себя влиятельные страны, возможно, имеют право на существование*, однако они не могут достаточно эффективно обеспечить региональную безопасность.²

Концептуализация международных режимов, основанная на диалектике баланса сил и баланса интересов, предполагает, что государства в силу определенного понимания интересов национальной безопасности могут в определенных условиях предпочесть процедуру совместного принятия решений в области безопасности, если сочтут это полезным и выгодным для себя.

Соблюдение совместно выработанных «правил игры» отнюдь не означает, что государства следуют общим целям и идеалам в политике или отвергают принцип национального суверенитета. Основной движущий мотив

Петровский Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН

* Ясухиро Накасонэ относит к ним АСЕАН, замечая, однако, что этот союз находится под косвенным покровительством американской военной мощи, - через Филиппины, Таиланд и Сингапур.

здесь - стремление обеспечить свои долгосрочные интересы и предсказуемость поведения партнеров на международной арене.

В основе функциональной динамики международных режимов лежит понятие сотрудничества, которое, по мнению теоретиков, отнюдь не синоним гармонии или близкого схождения национальных интересов в сфере безопасности. Сотрудничество в рамках международного режима - скорее, не отсутствие конфликта, а реакция на конфликт или потенциальный конфликт.³

Путь к сотрудничеству в рамках международного режима - переговорный процесс, в ходе которого происходит сближение позиций или координация политики (policy coordination), в результате которой возможные негативные последствия каких-либо решений для других решений устраняются полностью или частично. По определению Р. Кохана, межгосударственное сотрудничество имеет место тогда, когда политика государства воспринимается партнерами как способствующая реализации их собственной политики в результате процесса координации.⁴

Сотрудничество и координация политики в рамках международных режимов не тождественны. Первое лежит в основе режимов, созданных для достижения некоторого позитивного результата; второе - основа режимов, создающихся не для следования определенному курсу, а для избежания определенных последствий (негативный результат). Для функционирования режимов второго типа достаточно выработки взаимоприемлемых конвенций (формальных или неформальных). Режимы первого типа требуют, кроме того, и некоторого институционального оформления.

Более того, диалектика баланса интересов предполагает, что сотрудничество в рамках международных режимов не есть лишь функция интересов безопасности. Само наличие общих или сходных интересов недостаточно для функционирования режимов. Необходимо существование соответствующих институтов, обеспечивающих предсказуемость поведения партнеров и сокращающих асимметрию в обмене информацией.⁵

Подобная концептуализация международных режимов безопасности предполагает более детальное функциональное разграничение международных режимов и международных институтов, являющееся предметом напряженных теоретических дискуссий. Даже ученые, отрицающие необходимость институционализации международных режимов, признают ее одним из важных параметров функционирования последних.

В то время как некоторые политологи считают неинституционализированные режимы «квази-режимами», другие полагают, что международные режимы и международные институты независимы друг от друга и могут существовать автономно. Режимы могут быть институционализированы или нет, а международные организации могут (хотя и необязательно) функционировать как режимы.⁶

Организация Объединенных Наций - пример международной организации, не являющейся режимом, поскольку членство в ней не ограничивает независимого принятия государствами политических решений, а лишь обеспечивает возможность дискуссий и формального и неформального взаимодействия.

В то же время важность ООН, в особенности ее некоторых специализированных агентств или установлений, таких как МАГАТЭ или Регистр по обычным вооружениям, для функционирования региональных режимов безопасности настолько велика, что эта поистине универсальная международная организация зачастую является единственным средоточием координации национальных интересов в сфере безопасности.⁷

Нормативно-дескриптивный подход к анализу международных режимов в Северо-Восточной Азии и АТР предполагает не только анализ общетео-

ретических представлений на этот счет, но и рефлексию относительно теоретико-методологического осмысления концепции международных режимов безопасности, выполненного на протяжении последних лет учеными и политиками азиатско-тихоокеанских стран.

В частности, на различных форумах по проблемам азиатской безопасности широко обсуждался вопрос об основных принципах создания многосторонних механизмов безопасности в АТР. К наиболее важным из них можно отнести, например, следующие:

проведение переговоров и консультаций по урегулированию разногласий и конфликтов;

регулярный обмен информацией и мнениями по вопросам региональной безопасности;

добровольный отказ от деятельности, которая могла бы быть расценена другими государствами как угрожающая интересам их национальной безопасности;

использование военной силы исключительно в целях самообороны.⁸

При невозможности разрешения спорной или конфликтной ситуации решение вопроса следует откладывать на более поздний период. Оборонное строительство должно вестись на основе разумной достаточности, а разрушительные процессы в регионе могут быть обеспечены лидирующими усилиями США и России.

Механизмы региональной безопасности могут предусматривать создание безъядерных зон на Корейском полуострове и в районе Японского моря. Сотрудничество в области региональной безопасности должно способствовать развитию экономических, политических и культурных отношений в регионе, а также обеспечивать ведущую позитивную роль ООН.⁹

В политических и академических кругах стран АТР утвердилось представление о том, что структурную основу международного режима безопасности (или, скорее, системы таких режимов) в Северо-Восточной Азии и АТР может составить оптимальное сочетание совокупности двусторонних оборонительных союзов и разноуровневых многосторонних консультационных механизмов. Подобная точка зрения получила свое распространение в работах П. Брэжена, С. Дюка, К. Форда, Э. Лака, Э. Олсена, Р. Скалапино, Дж. Фоста, Я. Накасонэ, Хан Сун Джу, Ли Се Хана, Ким Кук Чина и других авторов.

Американские политологи обращают особое внимание на укрепление оси двусторонних оборонительных связей США и их региональных союзников, а также ключевое значение американо-китайских отношений в деле создания региональных режимов безопасности.

Отмечается, в частности, что Соединенным Штатам следует уверить своих основных союзников в субрегионе - Японию и Южную Корею - в своей последовательной приверженности обеспечению их безопасности, побуждая их при этом к более активному участию в создании многосторонних механизмов безопасности в АТР. Творцам внешней политики США предписывается поддерживать усилия АСЕАН в области обеспечения многосторонней безопасности в ЮВА, поддерживая американское военное присутствие в субрегионе.

Подчеркивается, что интересы США в Азии в XXI веке будут наилучшим образом обеспечены при существовании «системы умеренного многостороннего баланса сил». Соединенным Штатам следует поощрять тенденцию к созданию регионального баланса сил, основанного на общем интересе - дальнейшего экономического роста и избежания опасности большой войны.¹⁰

Некоторые исследователи (С. Дюк и др.) отстаивают т.н. функциональный подход к строительству международных режимов безопасности в

СВА и АТР,¹¹ полагая, что лишь постепенное налаживание экономического и политического сотрудничества в регионе может создать базу для строительства многоуровневых режимов безопасности. Стартовой точкой может стать выработка мер доверия на Корейском полуострове, с участием двух корейских государств, Китая, Японии, России и США.

Авторы концепции т.н. «строительных кирпичей» (building blocks) Д. Болл, У. Тау и др. предлагают конструирование «...множества субрегиональных образований, связанных с различными аспектами безопасности и различными категориями членства, основанных на существующем широком спектре двусторонних и ограниченном наборе многосторонних отношений, и нацеленных на решение общепризнанных и наиболее актуальных задач в области региональной безопасности».¹²

Определенное внимание уделяется многостороннему сотрудничеству по обеспечению региональной безопасности в рамках АСЕАН. При этом подчеркивается, что АСЕАН, являясь сообществом безопасности де-факто, нельзя считать сообществом совместной обороны, хотя некоторое сотрудничество в области совместной обороны и осуществляется.*

Как неизменно подчеркивается теоретиками и аналитиками стран Азиатско-тихоокеанского региона, международный режим безопасности в СВА должен в целом быть ориентирован на меры превентивной дипломатии, т.е. иметь в качестве приоритетной задачи предотвращение возникновения новых или эскалации существующих в субрегионе конфликтов, и прежде всего способствовать созданию благоприятных внешних условий для решения корейского вопроса.

В силу очевидной политической заинтересованности в разработке и реализации концепции международных режимов безопасности, исследователи и политические аналитики Республики Корея наиболее заметно продвинулись в этой области. Так, в ряде трудов южнокорейских авторов подробно разработаны структурные варианты международного режима безопасности в СВА, включая его *характеристики, принципы формирования, цели и функции*.

Подчеркивается, что международный режим безопасности должен строиться на поэтапной основе, в качестве дополнения существующих двусторонних отношений и предусматривать гибкое членство.

Выделяются следующие *характеристики* международного режима безопасности:

дискуссии в сфере безопасности должны вестись не по двусторонним проблемам, а по вопросам, представляющим общий интерес;

упомянутые дискуссии следует проводить в качестве средств превентивной, а не кризисной дипломатии;

на начальной стадии дискуссии по проблемам безопасности должны включать в себя обмен мнениями и информацией, и лишь затем переходить к обсуждению совместных действий на основе консенсуса;

Что касается *целей* международного режима безопасности в СВА, то они могут включать в себя:

* По данным Международного Института стратегических исследований, страны-участницы Пятистороннего соглашения о совместной обороне (FPDA) расширяют объединенную систему ПВО для включения в нее западной и восточной Малайзии и Брунея; Индонезия и Малайзия ведут совместную военно-морскую разведку в Малаккском проливе и пр. - См. *Regional Security and Economic Cooperation. International Academic Symposium. Published by World League for Freedom and Democracy Republic of China Chapter. Taipei, Taiwan, ROC. January 14, 1993. p. 32.*

улучшение взаимопонимания и взаимного доверия через регулярные контакты и диалог;

повышение взаимной предсказуемости действий государств-участников диалога по проблемам безопасности;

переход от мер взаимного доверия к созданию региональной структуры переговоров по контролю над вооружениями и разоружением;

создание благоприятных условий для мирного объединения Кореи;

Основные функции международного режима безопасности, по мнению упомянутых авторов, могут состоять в следующем:

Режим может служить органом консультации и налаживания сотрудничества в политической и социально-экономической областях, в сфере охраны окружающей среды, борьбы с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков.

Режим может выступать средством поддержки официальных, а также академических и неправительственных форумов и конференций по проблемам военной безопасности, а также, совместно с Институтом ООН по проблемам разоружения (UNIDIR), форумов по проблемам мер доверия в СВА и АТР.

Режим может способствовать обмену военной информацией, встречам военных представителей стран-участниц и созданию структуры взаимного доверия.

В рамках режима могут проводиться специальные расследования и сбор данных по проблемам, согласованным со странами-участницами.¹³

Южнокорейский вариант субрегионального режима безопасности предполагает сочетание реализации мер военно-политического доверия, неформального диалога на уровне министров иностранных дел или их заместителей, и заседаний рабочих групп для проработки конкретных вопросов.¹⁴

Исходя из общепринятой классификации международных режимов, отражающей особенности их зарождения и развития (спонтанные, навязанные и переговорные), Ли Мин Юн и другие авторы полагают, что для Северо - Восточной Азии были бы наиболее приемлемы режимы безопасности, возникающие на основе переговорных усилий. Фундаментальными политическими целями и задачами таких режимов могли бы стать разработка и реализация мер военно-политического доверия через многосторонние переговоры или конвенции.¹⁵

Состав участников подобных режимов мог бы варьироваться в зависимости от конкретных условий. В базовый список предполагается включить шесть стран (РК, КНДР, США, Япония, Китай и Россия)*, с привлечением Канады для обсуждения вопросов экологической безопасности, стран ЮВА - для обсуждения проблем экономической безопасности и использования природных ресурсов и т.д.

По мнению южнокорейских политологов, функционирование различных режимов безопасности на субрегиональном и региональном уровне (таких как режим ядерного нераспространения или режим контроля за ракетными технологиями) постепенно заложило бы основы для консолидации этих режимов и выработки консенсуса относительно их норм, принципов и правил.¹⁶ Это, в свою очередь, могло бы стать шагом на пути создания всеобъемлющей (и формализованной) организации по обеспечению региональной безопасности.

Анализ многосторонних отношений безопасности в АТР в рамках теории международных режимов показывает, что в регионе складываются многосторонние режимы безопасности двух типов:

* При очевидной политической роли США и России и их заинтересованности в региональных делах, наиболее активная переговорная роль отводится автором Южной Кореи, Китаю и Японии.

Режимы транспарентности и мер доверия, связанные преимущественно с информационно-коммуникационным обменом и обеспечением открытости и предсказуемости военной деятельности стран СВА и АТР.

Ограничительные режимы (режимы нераспространения), предусматривающие запрет или ограничения на определенные виды военной деятельности, производство или применение некоторых видов вооружений и средств вооруженной борьбы.

Существенная особенность и неотъемлемое условие функционирования региональных режимов безопасности - их взаимосвязанный и взаимодополняемый характер. Ни двусторонние отношения в области безопасности, ни многосторонние образования на субрегиональном и региональном уровне, ни соответствующие усилия ООН не могут и не должны противоречить друг другу или служить альтернативным способом укрепления безопасности. Лишь в своей совокупности они обеспечивают благоприятную среду для обеспечения безопасности на основе сотрудничества в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Участие России в азиатско-тихоокеанских режимах безопасности определяется ее национальными интересами в сфере безопасности. Как правило, национальные интересы включают обеспечение безопасности государства, защиту его территориальной целостности и суверенитета и обеспечение силовыми методами условий для функционирования его базисных отношений.¹⁷

Поскольку процесс самоидентификации России еще далеко не завершен, национальное самосознание, государственность, понимание целей и перспектив развития страны, - эти непреходящие условия для формирования представлений о национальной безопасности, - еще только складываются.

Обеспечение национальной безопасности, защиты и продвижения национальных интересов в сфере безопасности на международной арене - исключительная прерогатива государства. Как подчеркивал классик политической науки Ганс Моргентау, *«Государственные интересы, определяемые как сила государственной мощи, являются ключом к пониманию сущности всей международной политики и объяснению характера политики отдельных государств»*.¹⁸

Интересы национальной безопасности выступают, таким образом, преимущественно как государственные интересы. В данном случае государство выступает автономным актором, решая задачу, которая не может быть сведена к сумме частных интересов и устремлений.¹⁹

Что касается самого предмета безопасности, некоторые авторы выделяют четыре основных подхода к нему. Первый подход - *национальная безопасность* - предполагает защиту основных интересов конкретного государства. Второй подход - *международная безопасность* - обращает большее внимание на взаимосвязь безопасности одного государства с безопасностью других (коллективное использование вооруженной силы, международные институты и режимы).

Третий подход, *региональная безопасность*, в принципе не отличаясь от второго, подразумевает наличие наиболее эффективных систем безопасности в рамках конкретных регионов. Четвертое направление - *глобальная безопасность* - включает в себя, помимо военной безопасности, защиту гражданских прав, окружающей среды, экономического развития и пр.²⁰

Однако, признавая наличие данных подходов, не следует противопоставлять их, поскольку безопасность в современном мире неделима. Ни одна

* Д. Г. Балувев, например, полагает, что российская внешняя политика стоит перед «конфликтом выбора» между национальной и глобальной безопасностью. - См. Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр» № 2, декабрь 1996 г. с. 12.

страна мира не может позволить себе защиту интересов национальной безопасности, опираясь исключительно на собственные ресурсы. Обеспечение национальной безопасности России неотделимо от конструктивного участия страны в обеспечении глобальной и международной безопасности, включая участие в международных режимах безопасности в АТР.

Как отмечается в *Послании по национальной безопасности Президента РФ Федеральному Собранию*, в мировой политике усиливается тенденция к демилитаризации международных отношений; на глобальном и региональном уровнях набирают силу интеграционные процессы, которые не совпадают в политической, военной и экономической плоскостях.

Основными задачами политики национальной безопасности России на 1996-2000 гг. признаны укрепление нынешних геополитических рубежей и территорий и обеспечение достойной роли и места России в мировой политике. Приоритетными внешнеполитическими интересами для России на региональном уровне являются обеспечение стабильного и безопасного международного окружения, а также продвижение и закрепление военно-политических и экономических позиций на мировой арене на основе использования механизмов регионального сотрудничества.

В частности, основные направления политики национальной безопасности во внешней сфере предусматривают более полную интеграцию в международных политические, экономические и военные организации в Азиатско-тихоокеанском регионе; расширение партнерских связей с государствами АТР; поддержание добрососедских отношений и динамичное развитие устремленного в XXI век стратегического партнерства с Китаем.²¹

Это особенно важно для обеспечения устойчивого развития России, поскольку, по мнению В. Г. Гельбраса, обширный регион Восточной Сибири и Дальнего Востока стал самым слабым звеном в национальной безопасности страны. Превращение этого слабого звена в мощное, в том числе путем его вовлечения в интеграционные процессы в АТР, должно определять суть экономической, социальной и культурной стратегии развития России как минимум до середины XXI века.²²

Концепция внешней политики и военная доктрина России разрабатываются на основе политики национальной безопасности и во взаимосвязи с ней. Эти вопросы являются предметом напряженных дискуссий в среде общественности и политиков, прежде всего российской внешнеполитической элиты, непосредственно влияющей на выработку курса страны на международной арене.

В 1996 г. Московское бюро Фонда Фридриха Эберта представило российской и международной общественности результаты социологического опроса руководящих работников правительственных учреждений, депутатов Федерального Собрания, политических лидеров и ученых (103 эксперта, костяк российской внешнеполитической элиты) по проблемам внешней политики России. Исследование было проведено по поручению Московского бюро Фонда Ф. Эберта Обществом социальных и рыночных исследований «Синус - Москва» в сотрудничестве с Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Каждый четвертый из опрошенных отметил, что внешняя политика России должна принципиально ориентироваться на возвращение статуса сверхдержавы; этого требуют в особенности 40 % сторонников большей ориентации российской политики на Азию. 57 % респондентов отметили, что России следует стремиться к сохранению положения одной из пяти великих держав.

По данным опроса, 66 % сторонников большей ориентации внешней политики России на Азию полагают, что в настоящее время у России нет основательной внешнеполитической доктрины; внешняя политика страны формируется от случая к случаю, применительно к ситуации.

52 % респондентов (по сравнению с 44 % по результатам аналогичного опроса в 1993 г.) полагают, что у России как евразийской страны должен быть особый путь и в сфере внешней политики. Доля «западников» (тех, кто считает, что Россия должна идти тем же путем, что и другие развитые страны) уменьшилась по сравнению с 1993 г. с 51 % до 41 %.

На вопрос о том, с какой страной/регионом России следует развивать особые отношения, 41 % респондентов указали КНР (по сравнению с 10 % по результатам опроса 1993 г.), в то время как соответствующие показатели для стран Запада изменились незначительно. 60 % опрошенных высказались за то, чтобы политика России в отношении Китая преследовала в равной мере экономические и военно-политические цели.

Важно отметить также, что четверо из пяти экспертов выступили за то, чтобы военная безопасность России обеспечивалась бы преимущественно на основе участия в многосторонних механизмах безопасности, а не самостоятельно.²³

Как отмечалось в *Послании Президента РФ Федеральному Собранию на 1996 г.*, медленно формулировались новые внешнеполитические интересы России. Не всегда удавалось точно сбалансировать все факторы, были запаздывания, отклонения от утвержденных основ внешней политики, разница между провозглашенным курсом и реальным исполнением.

Однако внешняя политика России постепенно обретает свое лицо в более безопасном в военном отношении, хотя и менее предсказуемом постблоковом мире. Впервые в XX веке для России нет реальной военной угрозы. Во многом благодаря активной позиции России, удалось обеспечить бессрочное и безусловное продление Договора о нераспространении ядерного оружия.

Главный итог политики на Востоке состоит в том, что впервые за многие годы Россия сумела обеспечить нормальные, добрососедские, а где возможно, и партнерские отношения с основными державами региона. В результате на долгосрочной основе гарантирована безопасность восточных границ, улучшены внешнеполитические условия для развития Дальнего Востока, усилены общие международные позиции России. Вместе с тем потенциал отношений с Востоком неизмеримо больше; следует активизировать российскую политику и дипломатию в АТР.²⁴

В настоящее время Россия, сосредоточенная на решении серьезных внутренних проблем, воспринимается в АТР как относительно слабый партнер. Однако она была и останется великой азиатской державой, и ее временное ослабление в регионе, связанное с последствиями распада СССР и бременем структурных реформ, отнюдь не следует расценивать как уход из региона.

По мнению представителей российского МИДа, стратегические приоритеты российской политики в Азиатско-тихоокеанском регионе сводятся к обеспечению стабильности и безопасности на восточных рубежах России; созданию благоприятных внешних условий для российских реформ; а также созданию предпосылок для активного подключения России к региональным интеграционным процессам.²⁵

При продвижении к этим приоритетным целям следует учитывать как уроки чрезвычайно идеологизированной и затратной азиатской политики СССР,* так и уроки политики «нового мышления», творцы которой зачастую воспринимали баланс интересов как игру с позитивной суммой (в которой все

* Последняя, приведшая к конфронтации с Китаем и тупику в отношениях с Японией, оценивается некоторыми экспертами как серия «дорогостоящих провалов». - См.: *Russia and Japan: An Unresolved Dilemma Between Distant Neighbors*. Tsuyoshi Hasegawa, Jonathan Haslam, and Andrew Kuchins, Ed. Univ. of California at Berkeley. 1993. p. 191.

могут быть победителями), полагая, что улучшение двусторонних отношений со странами АТР происходит не за счет ущемления интересов третьих стран. Практика международных отношений в Азии показывает, что это не всегда было так.²⁶

По мнению В. П. Лукина, было бы преступно не учитывать нами интересы других стран в процессе поиска ими своего места в современном мире. Но и было бы крайне легкомысленно считать, что они при этом отводят России оптимальное место, а не хотят, оттолкнув ее локтями, улучшить собственные позиции. *Политика России должна стать более рациональной и более приближенной к своим границам и своим интересам. Российское влияние на отношения безопасности в АТР должно быть ограниченным, но ответственным и весомым.*²⁷

В этом контексте представляется необходимым уточнение позиций России относительно участия в региональных режимах безопасности в АТР. Отход от всеохватных, но нереализуемых на практике инициатив в сторону более прагматичных и узко сфокусированных комплексных мероприятий является позитивной тенденцией в работе российского МИДа, которому, на взгляд автора, еще предстоит в полной мере овладеть механизмом "точной подстройки" при конструировании региональных механизмов безопасности и сотрудничества.

Новая азиатская доктрина России, провозглашенная в 1994 г., предусматривала формирование системы совместной безопасности ("сообщества безопасности") на основе поэтапного и многовариантного подхода, движения от локальных договоренностей к разветвленной сети субрегиональных и общерегиональных структур, а также восхождения от простых форм сотрудничества (обмен военной информацией, меры доверия) к более сложным (меры совместного управления кризисными и конфликтными ситуациями).²⁸

В фокусе политико-дипломатических усилий по реализации указанной доктрины, подразумевающей активное участие в строительстве региональных режимов безопасности, были следующие проблемные направления:

Основные тенденции развития межгосударственных отношений в АТР в постконфронтационный период, географические пределы проекции российских интересов в АТР, место России в системе региональных взаимоотношений.

Пути и способы формирования многосторонних механизмов безопасности в СВА и АТР, параметры российского участия в этом процессе.

Общие концептуальные подходы к формированию многосторонних механизмов безопасности: этапность, географический охват участников, степень их вовлеченности в процесс, возможности использования опыта ОБСЕ и т.д.

Налаживание многостороннего консультативно-переговорного процесса на всех уровнях: двустороннем, субрегиональном, региональном - с использованием существующих в регионе переговорных структур и сложившейся военно-политической инфраструктуры.

Россия и движение к созданию региональных политических структур безопасности: Региональный Форум АСЕАН (АРФ), АТЭС и др. Параметры российского участия в деятельности этих структур.

Интересы России на Корейском полуострове: активное налаживание отношений с Севером и Югом; северокорейская ядерная проблема и возможная роль России в ее разрешении.

Военно-политические меры доверия в СВА и АТР; российские инициативы в кодификации норм и правил торговли оружием в регионе, в создании центров превентивной дипломатии и предотвращения конфликтов.

Роль России в разблокировании региональных конфликтов и территориальных споров в СВА и АТР.

Развитие двусторонних отношений со странами АТР в области укрепления региональной безопасности и стабильности, включая военнотехническое сотрудничество со странами региона.

В силу статуса России как ведущей ядерной державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН участие РФ в укреплении регионального режима ядерного нераспространения было и остается принципиально важным. Россия несет глобальную и региональную ответственность за укрепление ядерной безопасности и ядерного нераспространения.

На встрече в верхах президентов Б. Ельцина и Б. Клинтона в мае 1996 г. в Москве лидеры двух держав подтвердили в своей Совместной Декларации готовность США и России развивать тесное глобальное и региональное сотрудничество по укреплению режима ядерного нераспространения, включая режим многосторонних ядерных гарантий МАГАТЭ.

Россия поддерживает создание в Азиатско-тихоокеанском регионе зон, свободных от ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Президент Б. Ельцин предложил во время визита в Сеул в ноябре 1992 г. создание на Корейском полуострове зоны, свободной от всех видов оружия массового уничтожения, при обеспечении соответствующих гарантий со стороны России.

Тенденция, направленная на устранение России от решения ключевых проблем в регионе, обусловила необходимость дистанцироваться от политики других держав и выработать собственный подход по ядерной проблеме КНДР и корейской проблеме в целом, на основе должного учета национальных интересов России. Практическим выражением такого курса стало выдвижение идеи о проведении международной конференции по обсуждению широкого круга вопросов корейского урегулирования.

По мнению ученых Института Дальнего Востока РАН, в ходе ядерного кризиса внешнеполитические органы России действовали непродуманно, безоговорочно встав на сторону США и МАГАТЭ и угрожая КНДР санкциями, а также не приняв во внимание позицию Пекина. Реальное влияние России в результате ослабло, так как Москва, с точки зрения КНДР и РК, действовала не лучшим образом, играя не свою игру. С учетом же военных интересов России ее позиция выглядела тем более непродуманной.²⁹

Ядерный кризис в Корее показал также, что проблемы ядерного нераспространения стали использоваться некоторыми вовлеченными сторонами для получения односторонних экономических выгод. Намерение поставить КНДР реакторы на легкой воде, предварительно устранив с этого рынка Россию, и в то же время заблокировать поставку Россией реакторов такого же типа Ирану было воспринято в политических и деловых кругах России как явное и абсолютно неприемлемое проявление двойного стандарта поведения на международной арене.³⁰

Участие РФ в укреплении многостороннего переговорно-консультационного механизма по проблемам безопасности в АТР также относится к приоритетным. Как известно, Президент Ельцин в ходе своего визита в Сеул в ноябре 1992 г. предложил первоочередные меры по улучшению военнополитического климата и укреплению безопасности в Северо-Восточной Азии.

26 сентября 1994 г. с трибуны сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президентом России была предложена программа создания прочной системы международной безопасности под эгидой ООН и в условиях реформирования международных институтов. Она предусматривала ускорение переговоров по

бессрочному продлению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и заключению Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия (ДВЗИЯО); начало многостороннего обсуждения вопросов регулирования международного рынка вооружений и военной техники; обсуждение региональных программ укрепления мира и безопасности; проведение под эгидой ООН конференции по международному сотрудничеству в деле конверсии оборонной индустрии.

Было особо подчеркнуто, что «на данном этапе ООН могла бы приложить усилия к координации процесса становления региональных систем безопасности».³¹

30 декабря 1994 г. Россия внесла проект Декларации Регионального форума АСЕАН о принципах безопасности и стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе. В указанном проекте подчеркивалась необходимость создания регионального сообщества по обеспечению безопасности, в которое вошли бы все без исключения азиатско-тихоокеанские страны. Отмечалось также равное право всех государств региона на участие в процессе создания механизма региональной безопасности, а также необходимость воздерживаться от оказания экономического давления на отдельные государства или группы государств в качестве средства решения политических вопросов.

В мае 1995 г. министр обороны РФ в ходе своих визитов в КНР и РК выдвинул предложение о шестистороннем форуме по вопросам безопасности, с участием России, Китая, США, Японии, Северной и Южной Кореи, в качестве промежуточного этапа на пути создания многостороннего механизма региональной безопасности.

В августе 1995 г. российский представитель представил на очередном заседании АРФ в Брунее, на котором присутствовали делегации 19 стран, проект декларации «О принципах безопасности и стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе». В документе предлагалось создание системы международных консультаций и взаимных гарантий безопасности, выработка мер доверия и транспарентности военных доктрин.³²

Российский представитель на Региональном Форуме АСЕАН призвал также к проведению международной конференции по безъядерному статусу Корейского полуострова. Такая конференция могла бы выработать и принять международные гарантии мирного урегулирования корейской проблемы.

Российская делегация конструктивно участвовала, уже в новом качестве полноправного члена в заседании АРФ в Джакарте в июле 1996 г.

Участие России в строительстве региональных режимов безопасности, во многом основывающихся на традиционном балансе сил, невозможно без обеспечения адекватного военного присутствия РФ в Азиатско-тихоокеанском регионе.

США и некоторые другие региональные державы, отнюдь не считая Россию враждебным государством, склонны прочесть ее на роль «младшего партнера» в обеспечении региональной безопасности, приветствуя продолжающееся уменьшение российского военного присутствия в АТР. По некоторым зарубежным данным, США и Япония уже обладают здесь тройным превосходством над Россией в истребительной авиации и двойным - в военно-морских силах.³³

Поддержание российского военного присутствия в регионе осуществляется на фоне беспрецедентного сокращения вооруженных сил и вооружений и свертывания оборонных программ, вызванных трудностями экономических реформ в России, а также международными обязательствами страны в области сокращения обычных и ядерных вооружений.

Боевые действия российских войск в Чечне в 1994-1996 гг. показали катастрофическое снижение боеготовности ВС РФ и поставили на повестку дня вопрос о комплексной военной реформе российских Вооруженных Сил путем значительных количественных сокращений войск и боевой техники при их качественном совершенствовании.

По мнению аналитиков Центра военно-стратегических исследований Генерального Штаба ВС РФ, приведение дислоцированных в дальневосточном субрегионе войск к уровню оборонной достаточности послужит эффективной мерой военного доверия и общего оздоровления обстановки.

При этом в качестве критерия оборонной достаточности группировок обычных вооруженных сил на Дальнем Востоке в мирное время следует рассматривать такие их боевые и численные составы, которые обеспечили бы сдерживание сопредельных государств от развязывания вооруженных конфликтов за счет поддержания минимально необходимого соотношения сил и средств.³⁴

В этой связи особое внимание следует уделять российскому Тихоокеанскому флоту (ТОФ). Принятые осенью 1992 г. решения о сокращении боевого состава ТОФ, включая вывод с кораблей тактического ядерного оружия и сокращение на 50 % количества размещаемых новых подводных лодок (с перспективой полного прекращения их строительства), ослабили его потенциал, в то время как реализация российско-американского соглашения 1993 г. по новому этапу ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ-2) должна была бы привести к повышению роли ВМФ в стратегических ядерных силах России.³⁵

Сочетание вышеуказанных причин может привести к тому, что из 62 стратегических ядерных подводных лодок в боевом составе ВМФ (1992 г.) к 2003 г. их останется не более 20.³⁶ В начале 1992 г., по данным Главного штаба ВМФ, ТОФ располагал 24 стратегическими ядерными подводными лодками и 204 подлодками с баллистическими ракетами на борту.³⁷

Развитие двусторонних отношений России со странами АТР в сфере укрепления региональной безопасности также относится к числу приоритетных. Это прежде всего касается *российско-китайских отношений*. Выработанная двумя странами формула *стратегического конструктивного партнерства, обращенного в XXI век*, означает, что каждая из сторон, не вступая в союзы и проводя самостоятельную и независимую политику, действуя на параллельных курсах, имеет значительное поле совпадающих или близких интересов на мировой арене, отвечающих целям укрепления мира, безопасности и сотрудничества в глобальном и региональном масштабе.³⁸

Две великие державы - Россия и Китай - подготовили уникальное соглашение о мерах доверия и военной разрядки вдоль границы, которая не так давно была рубежом отчуждения и военного противостояния. Подписанное в 1996 г. пятистороннее Соглашение предусматривает общерегиональные по своему значению меры по взаимному предупреждению и ограничению масштабов приграничных военных учений; взаимное направление наблюдателей на приграничные учения, а также ограничения на размещение вооруженных сил и вооружений вдоль линии границы.

Пятистороннее соглашение - важный шаг на пути к созданию всеобъемлющих режимов транспарентности и мер доверия в Северо-Восточной Азии и АТР.

Важное направление усилий российской дипломатии по строительству режимов безопасности в СВА и АТР - участие в решении корейской проблемы и развитии отношений с двумя корейскими государствами.

В этом контексте возрастает роль российско-южнокорейских отношений. Республика Корея постепенно становится все более весомым экономическим и политическим партнером России. Отношения с ней регулируются Договором 1992 г. об основах отношений между Россией и РК, который стал важным политическим и международно-правовым документом нового типа.

В России воспринимают Республику Корея как восходящий центр силы в Северо-Восточной Азии, роль которого в строительстве региональной безопасности на основе сотрудничества будет возрастать. Представители военно-политического и академического сообществ РК серьезно восприняли российские предложения по укреплению безопасности и сотрудничества в СВА и АТР, выразив готовность конструктивно обсуждать их.

Что касается российско-северокорейских отношений, то российская дипломатия осознала необходимость выправления отношений с Северной Кореей по всем направлениям, включая отношения безопасности. Пришло понимание того, что Россия, не способная сохранить свои отношения с КНДР, важным фактором структуры безопасности в СВА, не будет представлять интереса для международного сообщества как полезный партнер в этом регионе.⁹

Важным шагом на пути вовлечения КНДР в многосторонний диалог по проблемам региональной безопасности могло бы стать решение вопроса о модификации российско-северокорейского союзнического договора 1961 г. Статья договора о безусловном военном вмешательстве российской стороны в случае агрессии против КНДР могла бы быть дополнена специальным меморандумом с интерпретацией этого положения применительно к новым реалиям на Корейском полуострове, в Северо-Восточной Азии и АТР.

Российско-японские отношения в контексте отношений безопасности в АТР продолжают оставаться проблемой российской дипломатии. Многолетний спор о принадлежности островов Курильской гряды не должен заводить в тупик двусторонние отношения и развитие диалога по вопросам субрегиональной и региональной безопасности. Важность подобного диалога была отмечена в Токийской Декларации о российско-японских отношениях, подписанной во время визита Президента Б. Ельцина в Японию в октябре 1993 г.

Пределы допустимого компромисса в решении указанного вопроса определяются тем, что гипотетически вынужденный отказ России от стратегически важного для нее свободного доступа к акватории Курильских островов означал бы нейтрализацию России как «центра силы» на Дальнем Востоке. Как следствие, расширилось бы геостратегическое пространство для военного присутствия третьих стран в непосредственной близости от восточных границ России.

По мнению аналитиков РАУ-Корпорации, это могло бы означать установление жесткого военно-морского контроля США и Японии над позиционными районами российских ПЛАРБ и маршрутами развертывания кораблей российского ТОФ в районы боевого предназначения.¹⁰

Одна из наиболее доступных и эффективных форм российского участия в строительстве международных режимов безопасности в АТР - развитие военно-технического сотрудничества со странами региона. Поставки российского оружия рассматриваются многими экспертами как фактический способ военного присутствия России в СВА и АТР и способ проекции российского влияния в регионе. Завоевание обширного азиатско-тихоокеанского рынка вооружений может иметь для РФ важное экономическое и геополитическое значение.

В заключение следует подчеркнуть, что статус России как ведущей ядерной державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН, а также защита и продвижение национальных интересов РФ в сфере безопасности на азиатско-тихоокеанском направлении требуют безусловного участия страны в региональных режимах безопасности, - как в форме непосредственного присутствия, так и в роли балансира, арбитра и медиатора.

Наиболее перспективными способами российской вовлеченности в строительство региональных режимов безопасности следует признать участие в укреплении регионального режима ядерного нераспространения и многосторонних переговорно-консультационных механизмов; обеспечение на должном уровне военного присутствия в АТР, прежде всего военно-морского; развитие двусторонних отношений со странами СВА и АТР по вопросам укрепления региональной безопасности и стабильности; дальнейшее участие в решении корейской проблемы, а также развитие взаимовыгодного военно-технического сотрудничества со странами региона.

1. Kim Woosang & Ro Kwang-Hai. Conflict and Cooperation on the Korean Peninsula: South Korean Alliance and Deterrence Strategies Toward North Korea and Its Major Power Allies. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. V, # 2. Summer/Fall 1991. p. 274.
2. Я. Накасонэ и др. После "холодной войны" (Совместное исследование). М., Изд. гр. "Прогресс" - "Универс". 1993., с. 196.
3. Keohane, Robert O. *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press. 1984. p. 54.
4. Ibid. p. 51-52.
5. Ibid. p. 12-13.
6. Arthur Stein. Coordination and Collaboration: Regimes in an Anarchic World. *Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate*. New York, 1993. p. 46.
7. Ibid. p. 51.
8. Lee Seo Hang. Peace and Stability in Northeast Asia. *East Asian Review*. Vol. VII, # 2. 1995. p. 11.
9. Wutang Zhang. Security Situation in Northeast Asia and the Prospects of Security Cooperation. *The 1st Northeast Asia Defense Forum*. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 10-11.
10. *A US Strategy for the Asia-Pacific*. Douglas T. Stuart, William T. Tow. Adelphi Paper 299. December 1995. p. 23-27.
11. Simon Duke. Northeast Asia and Regional Security. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2. 1995., p. 384.
12. Desmond Ball. *Building Blocks for Regional Security*. Canberra Papers on Strategy and Defense, # 83, 1991. p. 4.
13. Kim Kook Chin. An Approach to Multilateral Security Regime in Northeast Asia - With a Focus on the South Korean Perspective. *East Asian Review*. Vol. 6, # 4. 1994. p. 11-13.
14. Young-Koo Cha and Bon-Hak Koo. Confidence-Building Measures in Northeast Asia. *The 1st Northeast Asia Defense Forum*. KIDA, Seoul, Korea. November 3-5, 1993. p. 17.
15. Lee Min-Yong. Building Security Regimes in Northeast Asia. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 1, 1995. p. 81-83.
16. Ibid. p. 84.
17. *Проблемы мира, безопасности и сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе*. Материалы Второй рабочей встречи представителей ИДВ АН СССР и Центра по изучению проблем международной безопасности и контроля над вооружениями при Стэнфордском университете (США). Москва. 22-24 января 1990 г. ИБ ИДВ АН СССР. М., 1990. с. 171-172.
18. Morgenthau, Hans J. *Politics Among Nations: The Struggles for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf, 1985. p. 5.
19. Stephen D. Krasner. *Defending the National Interest*. Princeton, Princeton University Press. 1978. p. 5-6.

19. Stephen D. Krasner. *Defending the National Interest*. Princeton, Princeton University Press. 1978. p. 5-6.
20. Балуюев Д. Г. О национальных интересах России и ее месте в международных отношениях. Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр» № 2, декабрь 1996 г. с. 9.
21. Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1996. с. 9-23.
22. Гельбрас В. Г. Азиатско-тихоокеанский регион: проблемы экономической безопасности России. М., 1995. с. 18.
23. Внешняя политика России - 1996. Анализ политиков и экспертов. СИНУС-Москва, ВЦИОМ. Москва, Мюнхен. 1996. с. 6-32.
24. О действенности государственной власти в России. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1995. с.48- 57.
25. Денисов В. И. Россия в АТР. Безопасность и сотрудничество. *Международная жизнь*, № 4-5, 1995. с. 80.
26. См. напр.: *Russia and Japan: An Unresolved Dilemma Between Distant Neighbors*. Tsuyoshi Hasegawa, Jonathan Haslam, and Andrew Kuchins, Ed. Univ. of California at Berkeley. 1993. p. 350-351.
27. Лукин В.П. О внешней политике России. *Sapere Aude*. Вестник Московской школы политических исследований. № 1, 1995. с. 90-91.
28. Цит по Сегодня, 4 февраля 1994 г.
29. Япония и проблемы безопасности в АТР. М., 1996. с. 241.
30. Актуальные проблемы Корейского полуострова. М., 1996. с. 195-196.
31. Труд, 28 сентября 1994 г.
32. Красная Звезда, 3 августа 1995 г.
33. Xue Gang & Xu Jun. *Russia's Asia-Pacific Strategy*. *International Strategic Studies*, # 4, December 1995, p. 19.
34. Япония и проблемы безопасности в АТР. с. 158.
35. Проблемы Дальнего Востока, № 3, 1995, с. 9.
36. Andrew Mack. *A Nuclear Free Zone for Northeast Asia*. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX, # 2, 1995. p. 320.
37. *Russia and Japan: An Unresolved Dilemma Between Distant Neighbors*. p. 410.
38. Китай, китайская цивилизация и мир. История. современность, перспективы. Сборник докладов и сообщений участников V Международной научной конференции. Москва. 12-14 октября 1994 г. М., 1995. Ч. 1. с. 11.
39. Актуальные проблемы Корейского полуострова. с. 198.
40. Концепция национальной безопасности России в 1995 году. АО РАУ-Корпорация. М., *Обозреватель* № 3-4, 1995. с. 91.

Гамбит "анти-НАТО" и политика России на Дальнем Востоке.

© 1997

В. Михеев

27 мая 1997 г. подписанием парижского "Основополагающего акта" завершилась первая партия сулящего быть достаточно длинным матча "Российская дипломатия против расширения НАТО." Матча, ставшего важнейшим внешнеполитическим приоритетом Москвы после переизбрания Ельцина президентом России.

Существующие оценки результатов первой партии противоположны. Проельцинские силы говорят о "победе" Москвы, о "новом этапе в отношениях Россия - НАТО." Аналитики, работающие на создание "маленького культа личности" президента (или, как сейчас говорят, на укрепление харизмы президента), спешат представить Парижский акт как личную победу Президента. Лояльная властям либеральная оппозиция говорит о том, что удалось "минимизировать" угрозу России от расширения НАТО. Критически настроенная либеральная оппозиция считает, что Акт не имеет никакого значения ни для России, ни для НАТО. Некоторые "либералы" даже полагают, что он связывает России рук, в случае дальнейшего расширения НАТО и его не надо было вообще подписывать. Левая оппозиция расценивает Акт как "провал внешней политики Ельцина", как "капитуляцию перед Западом." Общим у авторов всех этих оценок является априорное восприятие расширения НАТО как "угрозы" безопасности России.

Если же встать на объективные формальные позиции, то можно утверждать, что Парижский акт означал поражение российской дипломатии в первой партии против расширения НАТО. Провозглашенные руководством министерства иностранных дел России цели гамбита "анти-НАТО" — не допустить расширения блока или, по крайней мере, добиться принятия на себя Северо-Атлантическим альянсом юридически обязывающих обязательств — оказались не достигнутыми. 9 июля Венгрия, Польша и Чехия вступят в НАТО, а "Основополагающий акт", не требующий ратификации парламентами стран-участников, носит, с формальной точки зрения, декларативный характер. Это скорее договор о намерениях, чем контракт, если пользоваться популярной сегодня в России деловой терминологией. И, не помешав принятию первой волны новых членов НАТО, Акт, скорее всего, не сможет предотвратить вхождение в Альянс и следующих "очередников", включая страны Балтии и Украину. Если Запад не испугался угроз Москвы принять "адекватные меры" в ответ на первый этап расширения блока, то еще менее вероятно, что Запад напугают угрозы Кремля пересмотреть "Основополагающий акт" в случае приема в НАТО бывших республик СССР. Ведь главные обязательства "не размещать...", содержащиеся в акте, берет на

себя НАТО, Россия же довольствуется тем, что ее обеспокоенности "учитываются."

Если российский МИД не лукавил и просто не изображал растянувшуюся на месяцы "минуту звучания", а действительно хотел воспрепятствовать расширению НАТО, то возникает вопрос: а не был ли разыгранный гамбит изначально провальным? Есть и еще связанные с этим вопросы, определяющие интригу первой партии и всего матча московской дипломатии против НАТО. Почему Москва, столь долго сопротивлявшаяся, поспешила сдать позицию в конце мая? Что является мировоззренческой основой анти-натовского курса России? В чем суть российских аргументов против курса Альянса на принятие новых членов? Какова тактика России? Будут ли последствия анти-натовского курса Москвы способствовать осуществлению российских реформ? С какими — демократическими либо иными — странами Россия может сотрудничать при противодействии НАТО? На какие — демократические или иные, скажем, авторитарно-националистические — режимы Россия может опираться в своей игре? Наконец, будет ли анти-натовский гамбит России на Западе иметь прямое либо косвенное воздействие на отношения России с Дальним Востоком?

1. Причины и основания негативного отношения России к расширению НАТО.

Логически не легко понять, почему расширение НАТО, военно-политической структуры западных рыночных демократий, может быть опасно для России, взявшей курс на рыночно-демократические преобразования и интеграцию в Западный, цивилизованный и развитый мир. Логика военно-политического противостояния была понятна в те десятилетия современной истории, когда одна часть планеты, мир капитализма, защищала частную собственность как неприкасаемую основу общественного устройства, а другая, мир социализма, уничтожала, огосударствляла, национализировала частную собственность, считая ее источником социальных бед. В этих условиях расширение НАТО означало наступление частной собственности на позиции собственности социалистической, государственной. Однако сегодня этих исходных, базовых различий в общественном устройстве государств Центральной и Восточной Европы нет. И тем не менее, если Россия протестует против расширения НАТО, значит у России есть на то свои причины. И эти причины видятся в недолгой истории развития новой России, в характере сегодняшних отношений России с бывшими военно-политическими союзниками и республиками бывшего СССР, в политических эмоциях и традиционализме внешне-политического мышления российских лидеров, наконец, в логике политической борьбы внутри России.

Первое. Распад европейской социалистической системы и крушение СССР, начатые Горбачевым и завершенные Ельциным, явились, по своей сути, спонтанными, а не точно рассчитанными и спланированными событиями. В результате Москва упустила время для заключения с Западом юридически обязывающего соглашения, которое бы гарантировало "нейтральный" статус восточноевропейских и новых пост-советских государств. В начале горбачевской эры политики и аналитики активно обсуждали вопросы одновременного роспуска НАТО и Варшавского Договора или придания статуса нейтрального государства единой Германии, в "обмен" на германское объединение. Однако у Москвы тогда не нашлось политической воли и стратегической прозорливости, чтобы изменить Историю. В итоге История "изменила" себя сама: распа-

лись ОВД и СССР. Причем без всяких обязательств Запада и нового Востока Европы в отношении России.

В 1991-1992 гг. уже ельцинская дипломатия упустила время для заключения двусторонних соглашений с "отскакивающими" от России государствами соблюдать нейтральный статус и не пополнять ряды военно-политических блоков.

Таким образом, во второй половине 80-х — начале 90-х гг. Россия не использовала шанс активно воздействовать на формирование новой системы безопасности в Европе. В течение какого-то времени восточноевропейские страны, вместе с "зависимостью" от Москвы потерявшие и стратегическую ориентацию на союз с "великой державой" (кем СССР, собственно, и являлся), находились в геополитическом вакууме. Рано или поздно состояние неопределенности должно было закончиться. И оно закончилось, когда Восточная Европа и страны Балтии объявили о своей ориентации на интеграцию в экономические и военно-политические структуры Запада, а республики бывшего СССР (кроме Прибалтики) создали под патронажем России СНГ.

Второе. Российским руководителям, похоже, все еще трудно признать, что Россия не стала флагманом рыночно-демократических реформ на территории бывшей мировой социалистической системы. Наоборот, восточноевропейские страны (за исключением Румынии, Болгарии, Албании и разрушенных войной республик бывшей Югославии) и страны Балтии достигли за последние 2-4 года зримых успехов в подъеме экономики и политической стабилизации общества, тогда как Россия продолжала вязнуть в социально-экономическом кризисе, расстреливала парламент (1993 г.), начала и проиграла Чеченскую войну (1994-1996 гг.). При таких "показателях" Восточноевропейские страны склонны рассматривать Россию скорее как источник региональной нестабильности и угрозы. При этом Россию, эмоционально-автоматически, хотя и бездоказательно, ассоциируют с бывшим СССР, "лишившим" в свое время восточноевропейские страны рыночной перспективы. Таким образом, с точки зрения восточноевропейцев выглядит вполне естественным искать защиту на Западе от "угрозы" из России. Развеять опасения и скорректировать вектор стратегической ориентации Восточной Европы Россия могла бы только реальными достижениями рыночно-демократических преобразований.

Третье. Крах коммунистического режима в России привел к ситуации идеологического вакуума в российском обществе. Либерально-демократическая риторика использовалась сторонниками Ельцина с одной главной целью — не позволить левой оппозиции взять власть и не стала доминирующей в массовом сознании граждан и их новых руководителей. Кроме того, подавляющее большинство чиновников высшего и среднего уровня, включая президента, премьера, министров иностранных дел и обороны, прошло в своей жизни через период интенсивного изучения коммунистического мировосприятия. Поэтому для большинства российских политиков и чиновников было "естественным", привычным, "легким" в исполнении вновь обратиться к философии "свой-чужой", помогавшей вычислить врага во время "холодной войны", как только речь зашла о расширении НАТО — противника номер один времен глобальной конфронтации социализма и капитализма. Таким чиновникам и политикам не просто согласовывать потребность российской реформируемой экономики в помощи Запада с традиционным восприятием Запада как врага. Для того, чтобы совершить революцию в их умах, требуется четкая команда с верхних этажей российского пирамиды власти.

Вместе с тем, молодые реформаторы, поддерживаемые в последнее время Ельциным, похоже, не видят пока своих интересов в сфере внешней

политики. Исключением стало подписание российско-белорусских соглашения и устава, содержание которых в итоге, после вмешательства молодых лидеров, оказалось значительно менее обязывающим для России, чем в первоначальном варианте. Реформаторская перспектива Минска не вписывалась в планы команды Чубайса и в итоге российско-белорусское сближение было скорректировано. Можно предположить, что и успешное подписание акта Россия - НАТО, не достигшего целей, ставившихся российской дипломатией в начале дискуссии с НАТО, стало результатом воздействия на Ельцина группы Чубайса. Российские реформаторы стремились разрядить атмосферу отношений с Западом до Денверской встречи семерки, войти в которую Россия так стремилась. Разрядить атмосферу важно было и для того, чтобы продолжать получать финансовую помощь западных финансовых институтов. С точки зрения внутренней политики, любой договор с НАТО был необходим в условиях, когда "кабинет Чубайса" принял решение секвестрировать бюджет, в том числе и военные расходы. Договор с НАТО позволил отразить атаки тех, кто выступает против сокращения армии, мотивируя свою позицию растущей угрозой с Запада.

При внимательном рассмотрении оказывается, что игроками, разыгрывающими гамбит "Анти-НАТО" внутри команды Ельцин, а оказываются политики и генералы со старым складом мышления, сделавшие себе карьеру в ельцинистские времена. Вне команды Ельцина - это политики, надеющиеся, что даже не победа, а сам факт причастности к гамбиту поможет им набрать дополнительные очки во внутрироссийском политическом соревновании. Отношение населения России к расширению НАТО, несмотря на устоявшиеся пропагандистские штампы, что-де все россияне против, достаточно спокойное. По данным опросов общественного мнения, 30% россиян выступают резко против расширения НАТО, тогда как 20% полагают, что Россия сама могла бы вступить в НАТО, еще 20% не считают расширение Альянса опасным при условии подписания соответствующего договора, тогда как 30% вообще не задумываются над этой проблемой.¹

Четвертое. Первый министр иностранных дел России времен Ельцина А.Козырев не сумел наладить сбалансированные отношения между Россией и Западом. А.Козырев отдавал приоритеты отношениям с США и Западной Европой, практически отодвинув на второй план отношения с СНГ, Восточной Европой, арабским миром и Азией. Возможно, у такой линии поведения были и объективные причины. Вероятно, не надо забывать и о достижениях такой политики, например, о создании Программы партнерства во имя мира. Наверное, упреки в забвении СНГ справедливы и в отношении сегодняшнего МИД. Однако остается фактом, что линия Козырева подвергалась критике как со стороны левой, так и либеральной оппозиции, упрекавшей министра в том, что Россия утратила статус "великой державы." Накануне президентских выборов, когда рейтинг Ельцина был минимальным (8% против 20% у Зюганова и 12% у Явлинского)², Ельцин не рискнул отдавать в руки оппозиции внешнеполитические козыри и заменил мининдел. Тогда это сработало. Внешнеполитическая тематика не присутствовала в предвыборной кампании, а фигура Примакова оказалась приемлемой для оппозиции. Однако новый мининдел обязан был изменить курс своего предшественника, причем так, чтобы это все заметили. Легче всего это было сделать, ревизовав отношения с Западом, заговорив о "российских интересах", "угрозах" России со стороны НАТО, необходимости "возвращения" России статуса "сверхдержавы" и т.п.

Пятое. Сильное анти-натовское давление на московские власти оказывали и продолжают оказывать практически все политические партии, представленные в российском парламенте. Коммунисты, другие левые партии, а

также ЛДПР Жириновского резко выступают против расширения НАТО, видя в этом растущую военную угрозу России. Проправительственная фракция Думы "Наш Дом - Россия" противодействует расширению Альянса, поскольку это-де нацелено на политическую изоляцию России от Западной Европы. Демократическая фракция "Яблоко" полагает, что расширение НАТО нарушает баланс сил в Европе (так и хочется по ходу заметить: а не был ли этот баланс нарушен в 1990-1991 гг?), "Яблоко" настаивает на минимизации "потерь" России при расширении Альянса. По инициативе одного из лидеров левых С.Бабурина в Думе создана достаточно представительная группа "анти-НАТО". И пожалуй только крайне правые политики (К.Боровой в Думе) и некоторые аналитики видят в расширении НАТО защиту новых демократий на Востоке Европы.

2. Аргументы.

Можно выделить следующие главные аргументы против расширения НАТО в защиту политики Москвы, направленной на противодействие планам Альянса.

1) У НАТО нет необходимости расширения на Восток, поскольку Запад после распада Варшавского договора и СССР перестал рассматривать Россию в качестве военно-политической угрозы. В соответствии с этой логикой, если НАТО все же принимает решение о расширении на Восток, это означает, что Запад перестает относиться к России как к дружественной стране и вновь воспринимает ее как потенциального противника. Следовательно Россия должна адекватно реагировать на этот, как теперь становится модным говорить, вызов.

2) Русские люди и российские политики чувствуют, что Запад предал их, пообещав, хотя это и не было юридически закреплено, не расширять НАТО после объединения Германии и распада ОВД.

3) Расширение НАТО создает "санитарный кордон" между Россией и Западной Европой, что ведет к геополитической, стратегической и экономической изоляции России.

4) Расширение НАТО ведет к приближению военной инфраструктуры Альянса к границам России, что, с военной точки зрения, подрывает российскую обороноспособность.

5) Расширение НАТО нарушает военно-политический "баланс сил" в Европе с "непредсказуемыми последствиями."

6) Расширение НАТО не отвечает стратегическим интересам России и стран СНГ.

Противники расширения НАТО на Западе добавляют к этому дополнительные аргументы: расширение НАТО стоит слишком дорого (около 130 млрд. долл. за 10-15 лет), а положительные результаты слишком незначительны в условиях окончания "холодной войны." Кроме того, увеличение числа членов Альянса сделает менее эффективным механизм принятия решений внутри НАТО и усилит трения между партнерами.³

Сторонники расширения НАТО внутри и вне России предлагают свои контраргументы. Первое: страны-члены НАТО - это ведущие мировые экономики и демократии, которые не могут представлять угрозу демократизирующейся России. России следовало бы самой стремиться к полноправному членству в Альянсе, развивая разностороннее сотрудничество с НАТО. Второе: инициатива расширения НАТО изначально исходила от стран Восточной Европы, которые в принципе, сами, без "оглядки" на Москву вольны определять, что лучше обеспечивает их безопасность - нейтралитет или членство в Альянсе.

Некоторые аналитики полагают, что НАТО сделало ошибку, приняв решение о расширении на Восток, "дразня" тем самым Россию. И более того, давая российским консерваторам дополнительные аргументы в пользу представления Запада как источника угрозы России. Однако, по мнению этих аналитиков, еще более серьезной ошибкой стало агрессивное неприятие Россией расширения НАТО и превращение анти-НАТОВской тематики в ключевую для российской дипломатии. Конфликт с Западом по поводу расширения НАТО может осложнить общую атмосферу отношений Россия-Запад и усилить подозрения в отношении России в Восточной Европе. Последствием этого может стать такая ситуация, когда Россия, восстановив экономику, вернув себе "былую мощь" и став вновь достойным конкурентом мировым лидерам, столкнется с отнюдь не дружелюбным окружением, серьезно озабоченным демаршами Москвы против расширения НАТО. Такой сценарий, как представляется, меньше отвечает интересам России, чем другой сценарий развития событий, основывающийся на сотрудничестве с Западом и его военно-политическими структурами.

В пользу расширения НАТО можно привести и следующие рассуждения. Прием новых восточноевропейских членов в Альянс заставляет их активнее искать развязки старых приграничных и исторических споров. Поскольку важнейшим условием принятия в НАТО является отсутствие у страны-кандидата на вступление конфликтов со своими соседями, то расширение НАТО подталкивает Восточную Европу к укреплению мира и безопасности настойчивее, чем призывы ОБСЕ. Последние двусторонние соглашения, заключенные между Венгрией и Румынией, Украиной и Молдовой, Украиной и Румынией, Украиной и Польшей, являют собой примеры решения споров, существовавших еще во времена мирового социализма.

Другое рассуждение исходит из понимания того обстоятельства, что те, кто видит в расширении НАТО угрозу, смотрят в прошлое и помнят прошлое, но забывают будущее, не хотят принимать во внимание новые ориентиры России на рыночную демократию, защищающую частную собственность, а не уничтожающую ее. Собственно достижением этой новой цели — рыночной демократии — только и можно оправдать в исторической перспективе развал ОВД и СССР.

Сопоставление аргументов "за" и "против" расширения НАТО показывает, что и те, и другие имеют свою логику. И их соревнование в рамках традиционного анализа международных отношений не выявит победителя. Аргумент: "приближение НАТО к границам России наносит ущерб российской безопасности" не одолеет другой аргумент: "у НАТО, как сообщества ведущих мировых демократий, нет и не может быть целей нападать на демократизирующуюся Россию." Получается парадоксальная ситуация: восточноевропейские страны напрасно опасаются новой России и стремятся в НАТО, НАТО напрасно расширяется, а Россия напрасно противодействует этому. Такие рассуждения приводят к выводу о кризисе теории международных отношений, сложившейся в годы "холодной войны" и не сумевшей адаптироваться к современным реалиям. А такой вывод заставляет говорить о необходимости введения во "внешнюю политологию" новых понятий угроз национальной безопасности и внешнеполитических задач. Что является темой отдельного увлекательного исследования.

3. Тактика

До начала 1995 г. у России не было четких планов относительно того, как реагировать на расширение НАТО. Москва рассматривала Программу партнерства во имя мира как главное направление развития сотрудничества с

Западом в военно-политической области. В марте 1995 г. Ельцин поставил перед российскими ведомствами, ответственными за разработку внешней политики, вопрос: что может означать расширение НАТО для безопасности России. Политический вес в России бывшего мининдел А.Козырева оказался слишком маленьким для отстаивания идей, заложенных в Программе партнерства во имя мира. Тогда как новый мининдел Е.Примаков с конца 1995 г. стал проводить линию на активное противодействие расширению НАТО. Российская тактика противодействия НАТО состояла из следующих шагов.

Первое. На начальном этапе обсуждения с Западом темы расширения НАТО Россия настойчиво подчеркивала, что любой вариант принятия в Альянс новых членов является для нее неприемлемым и что Россия готова к "адекватным" ответным мерам. Москва никогда не уточняла, что имелось в виду под адекватными ответными мерами, но явно или неявно намекала на: (а) российский ядерный потенциал, "достаточно большой, чтобы защитить Россию"; (б) создание альтернативного военно-политического блока из стран СНГ; (в) углубление сотрудничества с теми странами, в отношении которых на Западе существуют серьезные опасения — Китай, Ирак, Иран, Индия, включая поставки в эти страны российского оружия; (г) отказ от ратификации соглашения о стратегических наступательных вооружениях СНВ-2; (д) требования о пересмотре соглашения об обычных вооружениях в Европе и т.п.

Второе. На следующем этапе дискуссий с НАТО, начавшемся после мартовской российско-американской встречи в верхах в Хельсинки, Россия, признав, что предотвратить расширение НАТО невозможно, изменила тактику. Продолжая подчеркивать свое негативное отношение к идее расширения НАТО в принципе, Москва дала понять, что готова смириться с принятием в члены Альянса Польши, Венгрии, Чехии, но на определенных условиях. Условия включали: 1) неразмещение ядерных сил НАТО на территории новых членов Альянса; 2) неразмещение вооруженных сил на постоянной основе и военной "инфраструктуры"; 3) уважение интересов России и предоставление России права вето в вопросах функционирования НАТО, затрагивающих российские интересы; 4) принятие в НАТО бывших республик СССР (имелись в виду страны Балтии и Украина); 5) подписание юридически обязывающего договора между Россией и НАТО, который бы содержал обязательства НАТО в отношении России и был бы ратифицирован парламентами стран НАТО. Следуя этой тактике, Россия сразу же после хельсинкского саммита приступила к выработке "Основополагающего акта" о взаимоотношениях с НАТО.

Третье. Россия пыталась сыграть на противоречиях между странами НАТО. В начале 1997 г. Москва попыталась разыграть "близкие личные контакты" российского президента с канцлером Германии Г.Колем. Однако после того как Бонн продемонстрировал свое твердое намерение поддержать расширение НАТО, Москва сделала новую ставку — на этот раз на Париж, попытавшись поиграть на "особом" месте Франции в НАТО и трениях между французами и американцами по вопросам военного строительства Альянса. Когда страны НАТО не поддержали французскую инициативу о пятисторонней встрече в Париже (Россия, Франция, США, Великобритания, Германия), на которой предполагалось разрешить конфликт между Россией и Западом, Кремль активизировал "работу" с США в поисках "приемлемого компромисса" по вопросу о расширении НАТО.

В арсенале России находилась также идея использовать недовольство Турции своими партнерами, затягивающими принятие Турции в Евросоюз. Вряд ли расчеты на то, что Турция использует право вето на расширение Альянса, были серьезными, но они тем не менее находились на вооружении дипломатии Москвы. Москва также предпринимала попытки "обработать" на-

селение стран-кандидатов в НАТО, постоянно напоминая им о той цене, которую должна будет заплатить их казна за членство в Альянсе.

Четвертое. Россия и ее мининдел Е.Примаков вели активную дипломатическую игру в преддверии подписания "Основополагающего акта" в Париже. В первом квартале 1997 г. Москва стала чуть ли не главным политическим центром мира: достаточно вспомнить визиты сюда лидеров Германии, Франции, Китая, Палестины, Индии, Ирана, Израиля, Ливана, стран СНГ, включая белорусского президента, руководителей НАТО, МВФ, Всемирного Банка. Во время этих встреч российская дипломатия настойчиво пыталась внушить миру, что Россия остается "великой державой" и ее слово должно учитываться при принятии судьбоносных для мира решений.

Пятое. Нараставшая анти-натовскую активность, Россия, тем не менее, стремилась избежать ухудшения отношений с Западом. Во всяком случае то обстоятельство, что Е.Примаков еще летом 1996 г. дал понять Вашингтону, что Россия в принципе смирится с вступлением в НАТО Восточной Европы, но будет категорически возражать против принятия в Альянс бывших советских республик, заставляет думать о своего рода "соглашении" главных оппонентов по натовской тематике. Вашингтон позволил Москве показать свою значимость в международных делах, в том числе и в вопросе о расширении НАТО, и тем самым продемонстрировать левой оппозиции в России, что Кремль "активно боролся" с расширением НАТО, "выговаривая" лучшие для Москвы условия. Москва, в свою очередь, согласилась в итоге с расширением НАТО.

Шестое. Россия пыталась "разменить" свое согласие на расширение НАТО на ответные уступки Запада, рассчитывая на поддержку прежде всего США в вопросах принятия России в члены "Большой семерки", Парижского клуба стран-кредиторов, Организацию мировой торговли, а также в вопросах увеличения помощи со стороны МВФ и Всемирного Банка.

4. Весомость антинатовской аргументации.

Несмотря на впечатляющую дипломатическую активность Москвы, ее аргументы против расширения НАТО оказались недостаточно весомыми, чтобы предотвратить принятие в Альянс новых членов.

1) Попытки поиграть на "ядерном козыре" России заранее были обречены на неудачу. Международные обязательства Москвы в ядерной области таковы, что их нарушение не может безболезненно пройти для позиций России в мире. Задержка с ратификацией российской Думой СНВ-2 вызвана не планами натовского расширения, а техническими причинами: правительство России не сумело вовремя предоставить Думе конкретный план, который бы учитывал финансовые и экономические аспекты реализации СНВ-2.⁴ Российские же предложения о пересмотре договора об обычных вооружениях в Европе были восприняты Западом в принципе с пониманием, как часть платы за уступку России по НАТО. 2) Мартовская встреча руководителей стран СНГ в Москве продемонстрировала провал российских попыток создать на основе СНГ реальный противовес НАТО. Главная причина этого — ухудшающееся экономическое положение России и ее неготовность выступить локомотивом и спонсором экономических и политических реформ стран СНГ. Другая причина — сохраняющиеся очаги конфликтов на территории СНГ (грузино-абхазский, карабахский, таджикский), которые для стран СНГ имеют гораздо большее жизненное значение, чем расширение НАТО, и в урегулировании которых Россия не добилась больших успехов.

Результатом существующих внутренних проблем в СНГ и неспособности России играть роль лидера СНГ стало разное отношение стран СНГ к проблеме расширения НАТО. Наиболее сильное и влиятельное государство в

СНГ — Украина объявила о своем намерении развивать сотрудничество с НАТО, оформленное отдельным договором по подобию договора Россия — НАТО. Украина рассматривает расширение НАТО не как угрозу, а как гарантию рыночно-демократических реформ в Восточной Европе. Конечной целью Киева является членство в Альянсе.

Узбекистан, Грузия, Азербайджан не видят ничего страшного в расширении НАТО, считая российские опасения преувеличенными. Молдова делает акцент на собственный статус нейтральной страны. Казахстан и Кыргызстан (члены таможенного союза с Россией и Беларусью), а также Армения, Туркменистан и Таджикистан (связанные тесным военным сотрудничеством с Москвой) занимают близкую к российской позицию по отношению к НАТО, однако все же не столь близкую, чтобы развивать военно-политическое сотрудничество с Россией на антинаатовской основе.

Беларусь, заключившая с Россией договор о Союзе двух государств, больше нацеленный на интеграцию в будущем, чем на военно-политическое взаимодействие в настоящем, остается единственной страной СНГ, столь же негативно, как и Россия, оценивающей планы расширения НАТО на Восток. Однако и Минск имеет претензии к Москве, полагая, что Россия не учитывала интересов Белоруссии при подписании "Основополагающего акта" и двигала цель заключения отдельного договора Беларусь — НАТО.

Таким образом, план создания альтернативы НАТО на поле СНГ сузился до менее весомой задачи — образования Союза с Беларусью, действительность которого еще требует подтверждения временем.

3) Попытки России создать "стратегическую ось" Москва - Дели - Пекин антинаатовской направленности выглядит скорее как политический блеф, чем реальная перспектива. Действительно, России удалось в начале 1997 г. договориться с Китаем и Индией об увеличении поставок российского оружия этим странам, а также заключить ряд соглашений о сотрудничестве с Китаем в области энергетики, включая атомную, металлургии, инвестиций. Однако экономическая и военная кооперация между Россией и Китаем имеет свои пределы. По оценкам российских экспортеров оружия, Россия может увеличить объемы экспорта вооружений максимум до 5-6 млрд. долл. в год.⁵ Возможности экономического сотрудничества с Китаем лимитированы все тем же — кризисным положением российской экономики.

Существуют и политические причины, делающие надежды на стратегическое партнерство с Китаем и Индией в противовес расширению НАТО иллюзорными. Индия, как один из основателей и лидеров "Движения неприсоединения", может выразить несогласие с расширением любого военно-политического блока. Однако именно статус неприсоединившейся страны ограничивает возможность Дели кооперироваться с кем-то, будь то Россия, против кого-то, будь то НАТО.

"Озабоченности" Китая по поводу расширения НАТО имеют достаточное ясные ограничители — заинтересованность Пекина в поддержании дружественной атмосферы связей с Западом, необходимой для решения задач экономического развития КНР. Стратегически Китай может действительно стать обеспокоенным по поводу расширения НАТО в случае, если Россия, либо Казахстан или, присоединятся к Альянсу, приблизив тем самым границу НАТО к Китаю. Граничить с военно-политическим блоком враждебного Запада было бы действительно опасно в глазах Пекина. Пока же Китай вполне доволен тем, что Россия играет роль "буфера" между НАТО и Китаем. И Китай готов поддерживать анти-НАТОовские устремления России, имея в виду сохранение за Россией этой буферной роли и только в тех рамках, которые не затрагивают сферу отношений Пекина с Западом.

Одновременно Китай использует активизацию своего военного сотрудничества с Россией для того, чтобы добиться от стран Евросоюза снятия эмбарго на военные поставки в Китай, введенные Западной Европой после тяньаньмыньских событий 1989 г.

4) Заигрывание России с Ираком и Ираном — в контексте противодействия Западу — может принести определенные валютные дивиденды России, заинтересованной в развитии в этих странах энергетики, включая атомную в Иране, и добычи нефти и газа. Однако проблема в том, смогут ли эти дивиденды компенсировать те потери, которые Россия понесет от ухудшения общей атмосферы отношений с Западом. Ведь именно Запад является сегодня для России и главным финансовым донором, и рынком сбыта продукции, и моделью экономических преобразований и, наконец, единственной в мире силой, способной — при определенных усилиях со стороны самой России — помочь России восстановить ее научно-технический потенциал, без которого планы нынешних кремлевских лидеров вновь стать “великой державой” не более чем бесплодная мечта.

5. Последствия анти-НАТОвской политики России.

Россия проиграла первую партию НАТО, разыграв “анти-НАТОвский гамбит” применительно к бывшим странам ОВД. Скорее всего Россия проигрывает и вторую партию — в борьбе за предотвращение вступления в НАТО прибалтийских стран и Украины. Пока во всяком случае не видно тех рычагов, которые Москва могла бы задействовать, чтобы остановить экспансию НАТО на Восток. Недостижение объявленных целей сопровождается и негативными для Москвы политическими последствиями жесткой анти-НАТОвской линии.

Можно, наверное, согласиться, что радикализм Москвы в отношении НАТО позволил ей укрепить свои позиции в связях с Западом. Напомнил Западу, что Кремль не забыл слово “нет”. Заставил Запад вспомнить, что пока еще по-прежнему надо советоваться с Москвой, принимая исторические решения в области безопасности. Однако с другой стороны, жесткая анти-НАТОвская политика не могла не привести к усилению подозрительности в отношении Москвы, раздражения ее действиями, росту антироссийских настроений на Западе. И тем не менее Запад не позволил спору с Москвой по поводу расширения НАТО перерасти в новую конфронтацию с Россией, похожую так или иначе на конфронтацию времен “холодной войны”. России продолжают оказывать помощь МВФ и Всемирный банк, Россию принимают в состав Семерки и в члены парижского клуба кредиторов. Запад, таким образом, отделяет дискуссию с Россией по поводу расширения НАТО от общего курса на поддержку российских реформ.

Восточноевропейские страны, в отличие от Запада, гораздо более нервозно наблюдали за российско-НАТОвскими дебатами. Лидеры стран-кандидатов в НАТО с подозрением восприняли готовность России и Запада договориться, видя в этом угрозу заключения новых “секретных соглашений” о разделе Европы. Они увидели угрозу и в том, не приведут ли российско-НАТОвские договоренности к возникновению внутри НАТО стран-членов “второго сорта”, чьи права в НАТО ограничены обязательствами НАТО перед Россией. Польша, например, выступила с протестом против принятия НАТО обязательств не размещать на ее территории ядерное оружие, считая это ущемлением своих национальных прав. Страны Балтии протестовали против проведения в Европе “разделительных линий” в случае, если бы России удалось включить в “Основополагающий акт” обязательство НАТО не принимать бывшие советские республики.

Реакцией стран Балтии, Украины и Польши на "Основополагающий акт" стала встреча президентов этих пяти государств в Таллине в июне текущего года, обозначившая намерение участников таллинского саммита впредь координировать свою внешнюю политику в отношении НАТО и России и использовать членство Польши в НАТО для продвижения идеи принятия в Альянс балтийских государств.

Дополнительными факторами, ухудшающими атмосферу отношений Россия-Восточная Европа в контексте расширения НАТО, стали "странные" заявления высокопоставленных российских дипломатов, пугавших то Литву, то Чехию прекращением поставок российского газа в случае вступления в НАТО. Эффект от таких заявлений получился обратный задуманному: "пугаемые" страны стали еще активнее в попытках политически присоединиться к НАТОвскому защитнику и найти новых поставщиков газа помимо России, в экономическом аспекте.

Жесткая позиция Москвы подтолкнула страны "второй волны" — Болгарию, Румынию, Словакию, Словению (наряду со странами Балтии) — активизировать политику в направлении НАТО.

Наиболее негативные последствия анти-НАТОвская политика Москвы имела для отношений России со странами СНГ. Противодействуя НАТО, Россия не только не сумела создать альтернативы в лице СНГ, но и подстегнула рост противоречий внутри Содружества.

Известно, что интеграционные связи внутри СНГ развиваются неравномерно. Россия и Беларусь, создавшие двусторонний Союз, образуют первую группу стран СНГ. Россия, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан, заключившие таможенный союз, представляют вторую группу государств. Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан, образовав Центральнo-Азиатский Союз, в котором Россия имеет статус наблюдателя, представляют третью интеграционную группу государств внутри СНГ. Украина и Молдова, создавшие двусторонний таможенный союз, четвертую.

Реакцией на жесткую анти-НАТОвскую политику Москвы стало стремление стран СНГ развивать двусторонние и многосторонние связи в обход России. После подписания российско-белорусского соглашения, рассматриваемого Москвой в контексте "адекватного ответа" НАТО, Казахстан и Кыргызстан заключили двустороннее соглашение об углублении кооперации, трактуемое обоими государствами как "контр-аргумент" на Союз Россия-Беларусь. Украина, Грузия и Азербайджан в начале 1997 г. заключили соглашение о строительстве нефтепровода для транспортировки бакинской нефти в Европу в обход России. Грузия, Азербайджан, Туркменистан и Казахстан обсуждают планы транспортировки газа и нефти на мировые рынки минуя Россию. Туркменистан близок к подписанию соглашения с американскими компаниями о строительстве нефтепровода через Афганистан и Пакистан. Украина отреагировала весьма болезненно на российско-белорусский Союз, расценив его как инструмент "подрыва кооперации внутри СНГ". Украинская аргументация состоит в том, что такой союз создает привилегии для двух участников СНГ и тем самым подрывает принцип универсальности этой организации.

Конечно, конфликт России с НАТО не единственная причина продолжающегося кризиса внутри СНГ. Корни его - во внутренней ситуации в странах-членах Содружества. Однако последние анти-западные шаги России в связи с расширением НАТО более вероятно будут работать против укрепления СНГ, чем на этот процесс. Проблема в том, что страны СНГ, жизненно нуждающиеся в иностранных инвестициях и не получающие их из России, не

будут сотрудничать с Россией на антизападной основе, возможно, за исключением Беларуси.

Таким образом, жесткая анти-НАТОВская политика России, хотя и не привела к новой “холодной войне”, но и не способствовала укреплению связей России со своим окружением. И такие последствия анти-НАТОВской дипломатии Москвы вряд ли могут пойти на пользу стратегическим интересам России.

Однако у такого пессимистического заключения есть свое преимущество. Если российская внешняя политика не отвечает российским интересам, то рано или поздно она будет изменена.

6. Последствия проигранного гамбита для отношений России со странами Дальнего Востока.

Трудно обнаружить преимущества, которые извлекла Россия из своей анти-НАТОВской политики для укрепления российских позиций на Дальнем Востоке. Наоборот, Москва, озабоченная осмыслением очередных анти-НАТОВских шагов, снизила свою позитивную активность в контактах со странами Дальнего Востока. Сегодня Москва в поисках партнеров по анти-НАТОВской дипломатии смотрит на отношения с дальневосточными государствами сквозь призму конфронтации с НАТО. Это означает, что Россия готова предоставить экономическое содействие и политическую поддержку странам региона в обмен на поддержку антиНАТОВских усилий Москвы. При этом Россия прекрасно понимает, что ни Япония, ни Южная Корея не смогут стать в этом ей хорошими партнерами: слишком велика военно-политическая ориентация этих стран на США. Северная же Корея имеет слишком плохую репутацию в мире и потребует слишком большую экономическую помощь, на которую Россия сегодня не готова.

Политический флирт с Китаем вокруг идеи “стратегического партнерства” — единственное, что Россия смогла найти на Востоке в поддержку антиНАТОВской линии поведения. Однако развитие отношений с Китаем на антизападной основе не сулит хороших перспектив. Во-первых, Китай не позволит — и он устами своих генералов дал это понять⁶ — чтобы Россия использовала его как “карту” в игре против Запада — главного спонсора китайских реформ. Во-вторых, Китай сам — аналогично периоду “холодной войны” — попытается использовать противоречия Россия — Запад для ускорения военного и экономического сотрудничества с западными лидерами. Конфликт между Россией и Западом по поводу расширения НАТО в китайских интересах, поскольку он отвлекает внимание от проблем прав человека в Китае, положения национальных меньшинств, что в конечном счете работает на ежегодное возобновление американским конгрессом статуса наибольшего благоприятствования для Китая.

С другой стороны, развитие российско-китайского военного сотрудничества — в рамках “стратегического партнерства” — вызывает растущую озабоченность в странах АСЕАН, что также вряд ли идет на пользу региональной стабильности.

Преобладание антиНАТОВских задач в практической дипломатии Москвы объективно уменьшает и без того не столь большие возможности России играть конструктивную роль в корейском урегулировании. Россия, вновь приобретающая имидж оппонента Западу, но уже не столь серьезного, как во времена “холодной войны”, не может рассматриваться конфликтующими странами региона в качестве надежного участника урегулирования конфликтов. Подспудная мысль, а не повредит ли общение с “кусающейся” Россией,

отношениям с Западом, вряд ли может способствовать росту доверия к российской дипломатии в регионе. В этом контексте негативное отношение России к четырехсторонней встрече по корейскому урегулированию (США, Китай, Южная и Северная Корея), которая рано или поздно состоится, воспринимается прежде всего не как попытка предложить другую, более рациональную модель ослабления напряженности на Корейском полуострове, а как очередной шаг по противодействию расширению влияния Запада.

Заключение.

Жесткая антиНАТОВская политика России не смогла предотвратить расширение НАТО и не принесла России ощутимых дивидендов. Более того, отношения России со своими восточноевропейскими соседями, соседями по СНГ и на Дальнем Востоке скорее пострадали от ходов Москвы, чем получили импульс к развитию. Антизападная основа сотрудничества не подходит ни для одной страны, с которой Россия развивает отношения. И тем не менее пока Москва не может предложить соседям ничего более конструктивного, чем попытки втянуть их в спор Россия - НАТО.

Очевидно, что требуется коренное изменение приоритетов российской внешней политики, основанное на новом понимании функций дипломатии реформируемого государства (а не бывшей "сверхдержавы"). Требуется ясное представление того, чем Россия может и должна сегодня поступиться ради главной цели — успеха реформ и экономического возрождения.

Таким приоритетом, по нашему убеждению, должно стать обеспечение внешнеполитическими средствами успеха внутренних российских реформ в области экономики, научно-технического прогресса, безопасности и свобод личности, экологической безопасности. Отсюда следуют более конкретные цели, нуждающиеся в дальнейшей доработке до практических внешнеполитических шагов, таких как обеспечение доступа России на кредитные рынки, облегчение передвижения граждан (визовой режим), капиталов и грузов, мобилизация международных возможностей для восстановления российской науки. Если достижение этих целей требует уступок Западу — главному источнику средств для восстановления России — в военно-политической области, то на них надо идти, памятуя о главном — успехе реформ.

Поддержание доброжелательной атмосферы сотрудничества в отношениях со странами Восточной Европы, Дальнего Востока и СНГ важно подчинить все той же цели — успеху реформ, а не противодействию Западу или кому-либо еще.

Новая внешняя политика потребует определенных жертв и важно — в соответствии с приоритетами — четко определиться, какие "фигуры" можно или необходимо пожертвовать, чтобы спасти партию, в которой вместо "гамбита анти-НАТО" разыгрывается "ново-русская защита."

1. Независимая газета, 10.04.1997
2. Известия, 10.02.1997
3. См., например, "The Economist", April 5-11, 1997, p.16
4. Независимая газета, 25.03.1997
5. Известия, 3.04.1997
6. Известия, 29.05.1997

Тихоокеанское - еще одно направление в развитии российско-латиноамериканских отношений

© 1997

А.Сизоненко

Общепризнанно, что АТР и его составная, наиболее крупная часть - Тихоокеанская - выходят на ведущие позиции в международных отношениях и уже в начале XXI века могут занять в них центральное место. Наиболее характерными чертами происходящих в Тихоокеанском бассейне процессов являются прежде всего доминирование в регионе США и Японии (военное и экономическое), динамичное развитие Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга, стабильные позиции Австралии и Новой Зеландии, последовательное развертывание интеграционных объединений. Все более заметную роль здесь начинает играть Китай.

Что касается России, то ее предшественник СССР, несмотря на большие исторические традиции, лишь в середине 80-х гг. несколько активизировал свою тихоокеанскую политику. Начало ее было довольно многообещающим: владивостокские (1985) и красноярские (1988) инициативы М.С.Горбачева, два тихоокеанских форума во Владивостоке (1980, 1990), вступление в члены Совета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, установление дипотношений с Южной Кореей. Однако затем, к сожалению, российская активность на этом направлении стала заметно ослабевать, ограничиваясь в основном отдельными заявлениями.

Результатами такой политики стало ощутимое ослабление влияния нашей страны в Тихоокеанском бассейне и ее роли как тихоокеанской державы. Одним из свидетельств тому стало ее неучастие в целом ряде крупнейших мероприятий, проходивших в последние годы. Так, в 1993 г. российская делегация не присутствовала на состоявшейся в Сиэтле встрече глав государств Организации тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), в марте 1994 г. Россию не пригласили участвовать в обсуждении вопроса о ядерной опасности, исходящей от Пхеньяна (круг участников ограничился США, Японией, Южной Кореей и КНР). Ослабла деятельность России в СТЭС, не чувствуется должной энергии с российской стороны в сотрудничестве с ее латиноамериканскими членами. Не видно вовлеченности Российского комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (РНКТЭС) в латиноамериканскую проблематику. Дошло до того, что в 1996 г. представитель РНКТЭС даже не принял участие в заседании СТЭС, проходившем в Картахене (Колумбия). Не реализованы решения Владивостокского форума 1990 г.

Естественно, что многое зависит или связано с внутренними трудностями России. И все же, если такое положение будет сохраняться, то оно чревато дальнейшим падением престижа России как тихоокеанской державы и нарастанием угрозы для ее национальных интересов и безопасности в Тихоокеанском бассейне.

Под понятием "национальная безопасность" мы в данном случае понимаем не только чисто военный аспект, но и самый широкий комплекс факторов, связанных с политикой, экономикой, культурными и научными контактами. Военный аспект в данном случае должен прежде всего предусматривать предотвращение угрозы как глобальной войны, так и локализацию региональных конфликтов. Однако концепция национальной безопасности должна пониматься в более широком смысле - с выходом на многосторонние контакты по таким актуальным проблемам, как обеспечение тесного сотрудничества в области торговли и экономики, в гуманитарной сфере, в деле охраны окружающей среды, укрепления общественных связей и т.п.

В связи с вышесказанным нам представляется, что российская внешняя политика в Тихоокеанском регионе должна идти по следующим направлениям:

а) обеспечение в нем политическими средствами мира и безопасности, развитие многостороннего экономического сотрудничества, оказание содействия в устранении тех или иных возникающих там конфликтов;

б) обеспечение безопасности и жизненных интересов непосредственно России;

в) активизация присутствия России в акватории Тихого океана;

г) укрепление и расширение отношений нашей страны не только с ее традиционными, но и поиски новых партнеров на новых направлениях и всемерное развитие сотрудничества с ними. Именно к таким новым партнерам в полной мере можно отнести те 11 стран Латинской Америки, которые имеют выход к Тихому океану. Среди них - такие крупные, как Мексика, Колумбия, Перу, Чили с общим населением 150 млн. чел., большими природными богатствами с их постоянно растущей ролью в международных отношениях.

Именно Латинская Америка могла бы стать для российского Дальнего Востока еще одним резервом получения таких нужных ему продуктов как кофе, сахар, какао, различных фруктов и соков, целого ряда недорогих товаров легкой промышленности, источником инвестиций в промышленность, сельское хозяйство и инфраструктуры. В свою очередь Россия могла бы поставлять латиноамериканским странам свою продукцию.

К сожалению, приходится констатировать, что сегодня развитие российско-латиноамериканских отношений через Тихий океан находится только на начальной стадии. Тем самым наши обширные восточные регионы теряют возможность выходить на новые рынки, на новых партнеров.

В этом плане наиболее перспективным регионом России является Дальневосточный, выходящий непосредственно на Тихий океан и являющийся началом своего рода моста, соединяющего Россию с АТР. Характеристика Дальневосточного региона (ДВР) более чем убедительна. Его площадь составляет 36,4% территории РФ, высока доля промышленности - 88% в совокупной товарной продукции региона, при этом 30% приходится на долю добывающих отраслей¹. На Дальнем Востоке добываются алмазы, золото, олово, вольфрам, ртуть, висмут, свинец. ДВР дает более 90% производства сои, около 60% улова рыбы, 10% производства древесины². Ученные запасы угля составляют здесь 13 млрд. т, а прогнозируемые в 15 раз больше. В регионе имеется 21,3 млрд. куб. м запасов древесины, а биологические ресурсы в 200-мильной морской зоне оцениваются в 25,8 млн. т³.

Ведущее место в экономике ДВР занимает Приморский край. На него приходится (на 1996 г.) половина всей вылавливаемой на Дальнем Востоке рыбы, более трети добываемого угля, почти 60% производства цемента. Приморье дает 26% промышленного производства Дальнего Востока - больше чем Хабаровский край, Амурская и Камчатская области вместе взятые⁴.

Такой мощный потенциал Приморья открывает богатые возможности для его международного сотрудничества. Исходя из этого, администрация края совместно с учеными разработала комплексную программу экономического и социального развития этого региона до 2010 г. с учетом, в первую очередь, как подчеркивал губернатор края Е.Наздратенко, стратегических интересов России в АТР⁵. По замыслу этой концепции Приморский край благодаря своему геостратегическому положению должен превратиться в один из мировых центров самых современных технологий, глубоко интегрируясь при этом в экономику АТР⁶.

Важное значение при этом отводится свободной экономической зоне "Находка", которая привлекает к себе внимание и латиноамериканцев. Среди ее иностранных участников - представители Панамы и Аргентины⁷. В налаживании контактов с Находкой заинтересовано руководство СЭЗ "Икике" (Чили), которое пригласило представителей администрации СЭЗ "Находка" посетить Чили с дружественным визитом.

Казалось бы для налаживания делового сотрудничества России и Латинской Америки через тихоокеанскую акваторию налицо все объективные предпосылки. Вопрос об этом не нов, он имеет свою историю. Еще в 1-й половине XIX в. русские суда, совершавшие кругосветные плавания, часто заходили в порты Чили, Перу, Мексики, где закупали продовольствие для российских владений в Северной Америке. А уже совсем в недавние времена, на Владивостокском тихоокеанском форуме в 1988 г. руководитель перуанской делегации Феррера Коста говорил о возможностях сотрудничества Перу и России в области рыболовства, морских перевозок и судостроения. В том же ключе высказывался и руководитель мексиканской делегации на Владивостокском форуме в 1990 г.

В 1993-1994 гг. ряд сибирских предприятий впервые приняли участие в международной ярмарке в Сантьяго (Чили).

Среди представителей латиноамериканской стороны, проявлявших интерес к сотрудничеству с Сибирско-Дальневосточным регионом (СДР), наиболее активна была чилийская сторона. Так, фирма "Корпора трес монте", торгующая продовольственными товарами, уже вышла на сибирский рынок. Осенью 1996 г. посол Чили в РФ Д.Холгер побывал в СДР, где провел переговоры об установлении прямых экономических связей своей страны через Тихий океан с восточной частью России.

Аналогичный интерес проявляется в настоящее время и с мексиканской стороны. Еще в 1992 г. на встречах российских и зарубежных предпринимателей, состоявшихся во Владивостоке и Находке, 11 мексиканских фирм заявили, что они ищут российских партнеров, в том числе и на Дальнем Востоке. Не исключено, что уже в этом году на Дальнем Востоке пройдет российско-мексиканская встреча, на которой будут обсуждаться конкретные направления сотрудничества двух стран в этом регионе.

Иначе говоря, предпосылки для налаживания деловых связей между Россией и тихоокеанскими странами Латинской Америки через Великий океан налицо. Однако на этом пути немало и проблем, связанных не только с нынешними экономическими трудностями России. Отрицательно сказываются и другие факторы: дальность расстояний, недостаточное знание рынков друг друга, отсутствие практики сотрудничества через Тихий океан, должной ини-

циативы и т.п. Уже были случаи, когда подводила и латиноамериканская сторона. Так, в Чили они "подвели" не только представительство "Уралаза", но и своих партнеров из Приморья. В последнем случае это было связано с поставкой оборудования в Чили после визита туда в 1992 г. губернатора Е.Наздратенко и достигнутых им договоренностей. Дорогостоящее оборудование на 5,3 млн. долл. предназначалось для совместного чилийско-российского предприятия "Восток-Чили" для разведки и добычи золота и медной руды. Чилийцы однако от СП неожиданно отказались. В результате оборудование за бесценок ушло с аукциона и попало в руки... партнеров-"отказников"⁸.

Но все же одним из главнейших условий успешного вхождения России в АТР, а следовательно и для налаживания в дальнейшем и ее связей через океан с латиноамериканским континентом является успешное развитие российского Дальнего Востока. Не вызывает сомнений заключение ДальНИИ рынка (Владивосток) Минэкономки РФ о том, что "влияние России в зоне АТР ... может осуществляться только через Дальний Восток. Через него Россия в ближайшем будущем может с наибольшей эффективностью реализовать получаемый из этого региона импульс развития"⁹. Специалисты данного института с полным основанием отмечают, что только на основе богатых минеральных и биологических ресурсов Приморья невозможно обеспечить стратегическую достаточность края. "Если мы будем продолжать экспортировать только сырье., то очень быстро станем аутсайдерами большинства в недалеком прошлом развивающихся стран. По этому очень важно изменение экспортной специализации, увеличение производства продукции высшего технологического уровня"¹⁰. В связи с этим они считают необходимым обратить серьезное внимание на укрепление и дальнейшее развитие хорошо развитого в Приморье машиностроительного комплекса, который был "одним из немногих секторов экономики, способных конкурировать в долгосрочном плане на мировых рынках"¹¹. Авторы подчеркивают, что "в части экспорта военной техники он (машиностроительный комплекс. - А.С.) был способен обеспечить очень высокую экономическую эффективность"¹².

Таким образом, решение вопроса о подъеме экономики Дальнего Востока открыло бы благоприятные перспективы и в целом для вхождения этого российского региона в АТР и для новых статей (военной техники) экспорта Приморья.

При рассмотрении вопроса о возможностях открытия латиноамериканского направления во внешних связях Сибирско-дальневосточного региона, естественно, следует исходить из учета тех бурных интеграционных процессов, которые свойственны сейчас АТР, включая Латинскую Америку. Именно там с начала 90-х гг. успешно действуют два мощных интеграционных блока - НАФТА и МЕРКОСУР, в первом из которых с латиноамериканской стороны представлена Мексика, а во второй входит Чили. Прямой выход на НАФТА и на МЕРКОСУР через Тихий океан - одна из предстоящих российских задач.

Вместе с тем, нужно выходить и на неиспользующиеся о сих пор двусторонние связи. Так, по расчетам российского торгпредства в Мексике¹³ сотрудничество между тихоокеанским побережьем Мексики и Дальним Востоком может стать одним из важнейших направлений развития их взаимной торговли. "Используя потенциал Северо-Запада Мексики, - отмечается торгпредством, - как крупного производителя овощей и фруктов, можно было бы наладить снабжение сельскохозяйственной продукцией дальневосточных регионов России. Оплачиваться эти закупки могли бы поставками из России металлолома, необходимого мексиканской сталелитейной промышленности, или предоставлением в аренду рыболовецких судов"¹⁴. Торгпредство также считает, что существуют реальные предпосылки для участия мексиканских фирм в развитии на российском Дальнем Востоке производственной инфраструктуры,

модернизации, сооружении и оснащении современным технологическим оборудованием предприятий легкой и пищевой промышленности и т.д.

Заслуживают изучения также шаги и предложения более частного характера. К ним можно было бы отнести введение в постоянную практику работы российских посольств в странах Латинской Америки консультаций с МИД этих государств по актуальным тихоокеанским проблемам. В ходе их проведения уместно было бы обсудить самый широкий круг вопросов, среди которых могли бы фигурировать проблемы всеобщей безопасности, сокращение численности и активности военных флотов на Тихом океане, создание в нем зон мира и безопасности, выработка мер доверия и неприменения силы, повышение роли и значимости России и латиноамериканских стран в бассейне Тихого океана.

Интересным представляется вопрос о возможности выработки своего рода Тихоокеанской хартии - документа, который определял бы права и обязанности расположенных в этом регионе государств.

Видимо уже сейчас можно было бы обсудить вопросы обмена курсантами и преподавателями военно-морских училищ и академий России и в частности, Владивостока и тихоокеанских стран Латинской Америки.

К вопросам безопасности в полной мере относятся и экологические проблемы. Борьба против загрязнения Тихого океана, за сохранение его естественных ресурсов и их разумное использование могут стать важным компонентом российско-латиноамериканского сотрудничества, в том числе научного.

Полезным элементом политических и научных контактов России и ряда южноамериканских стран, в первую очередь Чили, может стать их постоянное сотрудничество в Антарктиде, расположенной на стыке Тихого и Атлантического океанов.

По нашему глубокому убеждению, предлагаемые меры позволили бы России выйти на новые рубежи в отношениях со странами Тихоокеанского региона, в данном случае с латиноамериканскими государствами, точнее определить наши реальные возможности в многостороннем взаимодействии по решению тихоокеанских проблем, помочь сформулировать в конечном счете тихоокеанскую доктрину России, которая станет фундаментом долгосрочной стратегии и практической политики российского государства.

Учет во внешней политике России всех или хотя бы части выдвинутых предложений, их реализация может сыграть, на наш взгляд, существенную роль как в укреплении национальной безопасности России в АТР, так и в дальнейшем развитии наших отношений с Латинской Америкой. Именно здесь, на тихоокеанском участке, может открыться еще одно, весьма перспективное направление в наших связях с латиноамериканским регионом.

1. Россия. Путеводитель инвестора. - М., 1993. - С. 52.
2. Там же.
3. Там же.
4. Из интервью губернатора Приморского края Е.Наздратенко журналу "VIP". Москва, 1996. - № 5-6. - С. 60.
5. Там же.
6. Там же. - С. 61.
7. Внешняя торговля. - 1995. - № 6. - С. 30.
8. Комсомольская правда. Еженедельный выпуск. - 1996. - 13 августа.
9. Экономист. Москва, 1996. - № 12. - С. 30.
10. Там же. - С. 32.
11. Там же. - С. 31.
12. Там же.
13. Оно действовало в Мексике до 1996 г.
14. Внешняя торговля. - 1995. - № 2-3. - С. 25.

Политика России в отношении Корейского полуострова: в свете решения ядерной проблемы Северной Кореи

© 1997

Кан Бон Гу

Последние годы внимание международной общественности привлекала ядерная проблема Северной Кореи. Конфронтация вокруг ядерной проблемы началась, когда Пхеньян заявил об отказе от специальной инспекции Международного Агентства Атомной Энергии (МАГАТЭ) по ядерным реакторам и о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 12 марта 1993 г.

Отдел инспекции МАГАТЭ проверял северокорейские ядерные объекты с апреля 1992 г. и пришел к выводу, что Пхеньян имел действующую программу производства плутония. Причем Северная Корея не разрешила МАГАТЭ проверить необъявленные места хранения ядерных отходов. Когда МАГАТЭ объявило о планах проведения специальной инспекции двух хранилищ ядерных отходов в комплексе Йонбен, Пхеньян категорически высказался против. 12 марта 1993г. Северная Корея объявила, что она выходит из ДНЯО. 11 июня 1993 г., т.е. за день до того, как выход Северной Кореи из ДНЯО должен был вступить в силу, Пхеньян заявил, что откладывает свое решение.

После этого США начали переговоры с Северной Кореей с целью убедить Пхеньян согласиться на инспекцию МАГАТЭ двух хранилищ ядерных отходов, и, в конечном итоге, удержать Северную Корею в рамках ДНЯО. В результате переговоров с Вашингтоном 3 марта 1994 г. Пхеньян разрешил МАГАТЭ возобновить официальную инспекцию по ядерным объектам Северной Кореи. Но ситуация вокруг ядерной проблемы Северной Кореи снова обострилась после того, как Пхеньян отказался предоставить инспекторам МАГАТЭ возможность взять пробы с отработанных топливных стержней, извлеченных из реактора в комплексе Йонбен.¹

В это время представитель Северной Кореи пригрозил начать войну против Южной Кореи. Этим самым резко обострилась ситуация вокруг Корейского полуострова. Войска обеих сторон были приведены в повышенную боеготовность. Напряженность на Корейском полуострове усиливалась.

В этой ситуации заместитель министра иностранных дел России А. Панов на брифинге 29 марта 1994 г. объяснил позицию российской стороны. Россия надеялась, что все вопросы будут решены МАГАТЭ, Северной Кореей и США в рамках переговорного процесса. Считая, что настало время запустить и многосторонний механизм, российская сторона предложила провести шестистороннюю конференцию с участием также представителей Генсекретаря ООН и Гендиректора МАГАТЭ.

Кан Бон Гу, институт китайских и советских исследований Ханъянского университета (Сеул)

Согласно этому предложению, на конференции предполагалось поставить и другие вопросы, в частности, вопрос об обеспечении безъядерного статуса Корейского полуострова. Москва считала, что безъядерному статусу гарантию дадут региональные и ядерные державы.²

Что касается угрозы Северной Корее, такая стратегия с одной стороны, была нацелена на преодоление внутреннего кризиса. С другой, - угроза войны могла бы заставить США пойти на уступки. Тем самым Пхеньян пытался получить от Вашингтона и Сеула максимальное удовлетворение своих интересов.³

14 апреля 1994 г. в Москве с визитом находился министр иностранных дел Республики Корея Хан Сын Чжу. В ходе переговоров, отмечалось, что российская сторона намерена активно участвовать в поисках гутей нормализации обстановки на Корейском полуострове, а не быть сторонним наблюдателем. В данном контексте было обсуждено предложение России о созыве международной конференции по безопасности и безъядерному статусу Корейского полуострова.⁴

1-4 июня 1994 г. в России находился с официальным визитом Президент Республики Корея Ким Ен Сам. В ходе переговоров на высшем уровне обе стороны согласились с тем, что укрепление режима ядерного нераспространения на Корейском полуострове способствовало бы упрочению стабильности и безопасности во всей Северо-Восточной Азии. В этом контексте Президент Ким проявил интерес к предложению России о проведении международной конференции по безопасности и безъядерному статусу Корейского полуострова как к одному из путей комплексного решения данной проблемы.⁵

Тем временем 10 июня 1994 г. МАГАТЭ обратилось к Совету Безопасности ООН с просьбой рассмотреть возможные санкции против КНДР.⁶ Разумеется, выступая против этого предложения, Пхеньян 13 июня заявил о своем выходе из МАГАТЭ и предупредил, что если будут приняты какие-либо санкции, то они будут расценены как акт войны.

Российская сторона считала, что такое развитие событий крайне нежелательно. В Москве полагали, что пока не принято решение о созыве международной конференции по ядерной проблеме КНДР, говорить о санкциях в отношении Северной Кореи преждевременно. Кроме того, российская сторона, вероятно, опасалась, что в результате санкций против КНДР, Пхеньян еще больше отдалится от России.

Дело в том, что после признания Советским Союзом Республики Корея, между СССР и КНДР возникло известное отчуждение. Северная Корея не могла примириться с изменением обстановки и считала, что Россия стала ближе к Южной Корее, чем к Северной.

Сомневаясь, что Россия стала ближе к Южной Корее, чем к Северной, но в любом случае сближение России и Южной Кореи оказалось кратковременным. В соответствии с изменением в конце 1993 г. внешнеполитической ориентации России, также изменились ее отношения с Корейским полуостровом. Российская сторона неоднократно предлагала провести конференцию заинтересованных стран Северо-Восточной Азии по проблемам Корейского полуострова. Российское предложение о созыве международной конференции было шире одной ядерной проблематики и было нацелено на поэтапное движение к решению в целом накопленных проблем на Корейском полуострове.⁷

Это предложение основывалось на той главной позиции, что Россия должна поддерживать разумно сбалансированные отношения с двумя государствами на Корейском полуострове. Считается, что созыв международной конференции более всего подходит к обстановке на Корейском полуострове, до тех пор, пока две страны не могут справиться со своими делами согласно "Основным договоренностям между Северной и Южной Кореей 1991 г."⁸

Однако стало очевидно, что предложение России о созыве международной конференции по урегулированию кризиса на Корейском полуострове не могло получить от заинтересованных стран надлежащего отклика. В частности США не заинтересованы в том, чтобы Россия оказывала влияние на Корейский полуостров и далее на Северо-Восточную Азию и АТР. Если Вашингтон одобрит созыв международной конференции, то он намерен ограничить обсуждение ядерными проблемами Северной Кореи.⁹ Поэтому очевидно, что подход Вашингтона к Корейскому полуострову далеко не способствует созданию структуры безопасности и мира, началу общего двустороннего разоружения и мирной демократической интеграции двух обществ.

Учитывая, хотя с некоторым опозданием эту обстановку, Москва решила активизировать свои действия для того, чтобы участвовать в процессе решения ядерной проблемы Северной Кореи и привести решение проблемы к результатам в свою пользу.

Об этом факте свидетельствует поездка в Пхеньян специального посланника Президента РФ А. Панова. В сентябре 1994 г. он передал устное послание Ельцина руководителю Северной Кореи Ким Чен Иру. В нем было подчеркнута стремление Москвы содействовать решению ядерной проблемы, в том числе поставками России Северной Корее реакторов на легкой воде. С северокорейской стороны было отмечено, что КНДР хочет видеть отношения с Россией дружественными и развивающимися, несмотря на различия в общественно-политическом устройстве и идеалах.¹⁰

А. Панов отверг слухи о том, что в ходе визита обе стороны обсуждали вопрос о военном сотрудничестве между двумя странами. Он подчеркнул, что российская сторона не предлагала корейским коллегам подписать какие-либо секретные протоколы, а единственной целью была попытка вывести из тупика межгосударственные отношения. Представитель МИД РФ подтвердил, что у него нет информации о недавних поставках Северной Корее двух российских вертолетов Ми-26.¹¹

Дело не в том, совпадают слухи с фактом или нет, а в том, что Москва активно приступила к укреплению отношений с Пхеньяном. Хотя заместитель министра иностранных дел РФ А. Панов официально признал, что Москва хочет восстановить хорошие отношения с Северной Кореей,¹² более важная цель состоит в том, что Москва пытается повлиять на урегулирование ядерного кризиса на Корейском полуострове, то есть хочет продать легководные реакторы, на которые Пхеньян обещал заменить два газографитовых реактора.

В связи с этим мы можем считать, что Москва обсуждала ядерные проблемы и способ их урегулирования, включая возможность поставки Россией Северной Корее легководных реакторов российского типа. Также не исключено, что Москва попросила Пхеньян потребовать от Вашингтона предоставить себе реакторы российского типа, в обмен на обещание в будущем предоставить какую-то компенсацию Северной Корее.

Кроме этой ближайшей цели России, предложение Москвы о созыве международной конференции нацелено не только на нормализацию обстановки вокруг Корейского полуострова, но и на создание регионального механизма поддержания безопасности и стабильности в Северо-Восточном регионе.¹³

Наконец, после 16-месячного переговорного марафона 21 октября 1994 г. в Женеве подписали рамочное соглашение обе стороны – посол США по особым поручениям Роберт Галуччи и первый заместитель министра иностранных дел КНДР Кан Сек Чу.

Женевское рамочное соглашение состоит из четырех пунктов. Согласно этому США предпримут необходимые меры по поставке КНДР до 2003 г. АЭС

с легководными реакторами и США организуют международный консорциум для финансирования поставок Северной Корее АЭС с легководными реакторами.

Взамен этих гарантий от США КНДР замораживает и, в конечном счете, демонтирует реактор с графитовым замедлителем и связанные с ним сооружения. Пхеньян обязался заморозить свою ядерную программу в обмен на бесплатную замену устаревших газографитовых реакторов, способных выработать оружейный плутоний, на более безопасные реакторы на легкой воде, поставки альтернативной энергии и нормализацию дипломатических и экономических отношений с США.

Дело в том, что в этом рамочном соглашении не определено, какая конкретная страна будет осуществлять "проект века" на сумму в 4-6 млрд. долларов.

СМИ в Южной Корее отреагировали на Женевское соглашение в целом положительно. Сеул расценил результат переговоров между США и КНДР как плод совместных усилий Вашингтона и Сеула, ряда других стран и международных организаций.

Однако с другой стороны, нужно отметить, что Вашингтон лишил Сеул его ведущей роли в решении проблем Корейского полуострова, неравномерно сосредоточиваясь на проблеме удержания Северной Кореи в рамках ДНЯО. Сеул последовательно утверждает принцип переговоров, касающихся Корейского полуострова, по которому главными заинтересованными сторонами являются Южная и Северная Кореи. Однако в Женеве США и КНДР добились соглашения на двусторонних переговорах, в которых не участвовала Республика Корея. Такие прямые двусторонние контакты противоречат позиции Сеула, и идут вразрез с "Основными договоренностями между Северной и Южной Кореей 1991 г."

Эти прямые контакты США и КНДР нанесли ущерб позиции Сеула и серьезно дискредитировали авторитет Республики Корея в ходе решения проблем Корейского полуострова. Тем самым, подобный прецедент послужил препятствием для развития будущих отношений между Южной и Северной Кореей.

Говорят, что в процессе Женевских переговоров Вашингтон регулярно консультировался с Южной Кореей, но на деле США предали своего самого лояльного друга, преследуя собственные интересы. Внешне оказалось, что Вашингтон отдает команды, а Сеул имподчиняется. На Женевских переговорах Южной Корее пришлось удовлетвориться тем, что она играла роль младшего партнера США в решении важных проблем на Корейском полуострове.

Что касается неопределенного вопроса о том, как и кто будет играть лидирующую роль при замене газографитовых реакторов на более безопасные легководные реакторы, то Сеул считал, что Южная Корея будет главенствовать в будущем международном консорциуме. По мнению экспертов, Сеул сможет поставить около 90 % технологий для сооружения легководных южнокорейского типа реакторов. В связи с этим правительство Южной Кореи неоднократно выражало свою готовность финансировать строительство в КНДР легководных реакторов, но, безусловно, при условии, что они будут южнокорейского производства.

Именно по этому пункту возникло разногласие между двумя корейскими странами, поскольку Северная Корея предпочла реактор российского типа реактору южнокорейского.

Российская сторона, скорее всего, заранее, в ходе визита в сентябре 1994 г. А. Панова уговаривала руководство Северной Кореи настаивать на принятии легководных реакторов российского производства. В обмен на это делегация России предлагала Пхеньяну укрепление двусторонних отношений, сотрудничество в военнопromышленной сфере, и, не исключено, что она предло-

жила Пхеньяну изменение содержания или продление старого "Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи" между Москвой и Пхеньяном от 1961 г.¹⁴

Таким образом, Москва заручилась согласием Пхеньяна отказаться от реакторов южнокорейского производства, чтобы обрести утраченные рычаги влияния на решение проблем Корейского полуострова, в частности, снизить возможность снабдить Северную Корею легководными реакторами за счет Южной Кореи.

В соответствии с этой тактикой, после Женевской договоренности США и Северной Кореи, Москва заявила о том, что в качестве спонсоров должны выступать все заинтересованные страны, а возглавить этот консорциум - США.

По Женевскому соглашению в течение месяца Вашингтон обязался создать международный консорциум по реализации "проекта века". Первоначально Вашингтон рассчитывал, что большую часть всех расходов оплатят Республика Корея и Япония. Сеул согласился выделить под замену реакторов львиную долю средств лишь в том случае, если Пхеньян согласится на установку легководных реакторов южнокорейского типа. Однако такой вариант не входил в планы других заинтересованных сторон, прежде всего Пхеньяна, Пекина, и Москвы. Россия, в частности, уже начинала играть по своему плану, желая перехватить у конкурентов право на реализацию замены реакторов.

После договоренности в Женеве Вашингтон спешно приступил к созданию Организации по развитию энергетики Кореи (КЕДО: международный консорциум), которая снабдит КНДР легководными реакторами. В этот консорциум вошли США, Южная Корея и Япония. Было предложено присоединиться к этому консорциуму России, Китаю, Германии и Франции.¹⁵ Но среди этих стран никто не захотел участвовать в консорциуме из-за финансового бремени.

По поводу реализации Женевского соглашения Вашингтон предполагал, что львиную долю всех расходов на "проект века" на себя возьмут Южная Корея и Япония, хотя Сеул и Токио не хотели следовать пассивно за Вашингтоном до тех пор, пока Пхеньян не согласится принять легководные реакторы южнокорейского производства. Наконец, как всегда, США удалось убедить своих ближайших союзников. 10 января 1995 г. в Вашингтоне в ходе встречи экспертов трех стран была достигнута договоренность о том, что при строительстве атомных реакторов Сеул выплатит около 3 млрд. долларов, Токио - не менее 1 млрд. долларов, США обеспечат поставки нефти, необходимой КНДР в период замены реакторов, и окажут содействие в утилизации отработанного ядерного топлива.¹⁶

Сеул и Токио не давали обязательств на этот счет в письменном виде и, по-видимому, хотели дать их только в случае согласия Пхеньяна принять реакторы южнокорейского производства.¹⁷

В этой ситуации в конце января заместитель госсекретаря США Строб Тэлботт был в Сеуле, чтобы успокоить лидеров Южной Кореи и подтвердить, что новые легководные реакторы для КНДР будут южнокорейского типа. Этому нет альтернативы, поскольку Сеул оплатит львиную долю расходов на строительство новых реакторов.¹⁸

Тем временем Москва также сразу отреагировала на этот шаг КЕДО. В конце января 1995 г. в Пхеньяне состоялись трехдневные консультации между российскими и северокорейскими дипломатами. После этого Пхеньян оказал явное предпочтение легководным реакторам российского типа.¹⁹

10 марта 1995 г. в Нью-Йорке Вашингтон, Сеул и Токио подписали соглашение о создании соответствующего международного консорциума -

КЕДО. Однако за день до договоренности о создании КЕДО, Пхеньян официально отказался принять ядерную подачку от Южной Кореи, и настоял на предоставлении реактора любой третьей страной.²⁰

Пхеньян предпочел легководные реакторы российского типа под предлогом технологического соответствия. По утверждению Северной Кореи, российские легководные ректоры наилучшим образом подходят к их ядерной программе, построенной по советским моделям. Однако на деле такое утверждение имело экономическую и политическую причины.

Интересы Северной Кореи и России совпали в том, что Россия предоставит Северной Корее атомные реакторы. Если этот план осуществится, Пхеньян сможет нанести ущерб Южной Корее, укрепить военно-политические отношения с Россией и получить экономическую помощь от России, в том числе пролонгацию договора²¹ о совместных лесозаготовках.

Узнав, что срок старого договора истек уже в первой половине 1994 г., можно сделать вывод о том, почему Москва в данный момент решила заключить новый контракт с Пхеньяном. Весной прошлого года Москва считала ненужным продление старого договора о совместных лесозаготовках, учитывая, что общественное мнение столицы отрицательно относилось к нарушениям прав человека на лесосеке в Хабаровском крае. Несмотря на это, Москва наконец, решила заключить новый контракт с Пхеньяном, чтобы оказать влияние на выбор им типа реакторов. В случае успеха, Россия в свою очередь сможет продать КЕДО свои легководные ректоры за счет Сеула и Токио, и заставить Северную Корею подчиняться своему влиянию в течение десяти лет, которые требуются для замены старых газографитовых реакторов на легководные.

Согласно Женевскому рамочному соглашению, к 21 апреля КЕДО и Пхеньян должны были подписать соответствующий контракт. Однако, как и ожидалось, отказ Пхеньяна от принятия легководных реакторов южнокорейского производства поставил реализацию Женевской договоренности под угрозу. Пхеньян пригрозил КЕДО, что вновь запустит свой заглушенный графитовый реактор в местечке Енбен, если контракт не будет заключен к 21 апреля на его условиях, то есть, если Вашингтон не пойдет Пхеньяну на уступки и не предложит южнокорейским реакторам альтернативу.²²

В Берлине на переговорах с Северной Кореей, в свою очередь, представитель США Р. Галуччи также пригрозил, что Вашингтон прибегнет к международным санкциям против КНДР и поставит соответствующий вопрос в Совете Безопасности ООН, если проблема не будет решена на условиях, выработанных КЕДО.²³

Москва и Пекин наблюдали за этим обменом угрозами с явным удовлетворением. У России и Китая нет повода сразу отвечать на призывы присоединиться к КЕДО, они не желали отдавать главенство в решении ядерного кризиса на Корейском полуострове полностью в соответствии с замыслом Вашингтона, Сеула и Токио. Более того, Москва настаивала на предоставлении Северной Корее именно своих атомных реакторов.

Однако практически, если учитывать тот факт, какая страна должна платить, то можно предположить, что предоставление Пхеньяну российских атомных реакторов является маловероятным.

Учитывая, что вариант Южной Кореи и Японии в какой-то степени зависит от намерений Вашингтона, что внешняя политика Южной Кореи в значительной мере подчиняется интересам США, Москва, не афишируя, поддерживала тесные связи с Пхеньяном и осторожно пыталась усилить разногласия Сеула с Вашингтоном.

Такая обдуманная тактика российской дипломатии связана с тем, чтобы Россия маневрировала в процессе переговоров между США и Северной Кореей. Если переговоры в Берлине зайдут в тупик, то Москва снова выдвинет собственную идею международной конференции по проблемам Кореи. Россия, как предполагается, в рамках такой конференции сможет играть более надлежащую своему статусу роль, чем в рамках созданной КЕДО.

В результате Москва успешно оказывала влияние на процесс урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове, хотя и не участвуя в КЕДО и не беря на себя бремя финансирования Северной Кореи.

Когда двусторонние переговоры в Берлине стали топтаться на месте, источники в МИД РФ преждевременно заговорили о неизбежном крахе формулы КЕДО.²⁴ С нетерпением наблюдатели в Москве начали предсказывать, что Вашингтон вынужден идти на какой-то новый компромисс, устраивающий все заинтересованные стороны. К примеру, Пхеньян получает легководные реакторы российского производства, но при этом соглашается возобновить прерванный диалог с Сеулом.²⁵

Такой анализ и перспективы были далеки от реальности. Важность этого проекта нельзя сравнивать с возобновлением прерванного диалога с Пхеньяном. К тому же, не исключено, что диалог с Северной Кореей в любое время может быть прерван. Поэтому предполагалось, что Сеул в любом случае не обменяет право предоставления новых реакторов на возобновление диалога с Пхеньяном.

Во время двусторонних переговоров в Берлине США и Северная Корея не могли найти общий язык. Вашингтон не мог пойти на компромисс с Пхеньяном, ибо подобная уступка Северной Корее без согласия Сеула означала, что США снова предадут жизненно важные интересы Южной Кореи как своего самого лояльного партнера. К тому же, была большая вероятность, что Сеул примет решение отказаться от предложения США.

К 21 апреля, назначенному Женевским соглашением, обе стороны не сумели определить главного изготовителя и поставщика новых легководных реакторов для Северной Кореи. 21 апреля Берлинская встреча обеих сторон прервалась. Пхеньян отказался от южнокорейских реакторов, настаивая на том, что реакторы южнокорейского производства не соответствуют принятым в Северной Корее нормам безопасности, а российские реакторы отвечают ядерной программе Северной Кореи, построенной по советским моделям.

Однако, кажется, что истинные причины таковы: во-первых, Пхеньян боялся, что в результате производственных контактов рабочих Северной и Южной Кореи, у рабочих Северной Кореи откроются глаза и они увидят истинное лицо своего режима. Поэтому Пхеньян не желал долго оставаться в зависимости от Сеула и Вашингтона в вопросе установки реакторов южнокорейского производства.

Во-вторых, Пхеньян стремился сохранить лицо, и одновременно хотел, чтобы все увидели, что правительство Южной Кореи является марионеткой США. Руководство Северной Кореи неоднократно пыталось заставить Сеул играть такую роль.

В-третьих, Пхеньян хотел укрепить военно-политический союз с Россией, и получить экономическую помощь от России.

Последний, но важнейший фактор - с помощью такой твердой линии Пхеньян пытался на следующих переговорах заставить Вашингтон пойти на уступки для замены старых реакторов на новые легководные реакторы. Следя, в частности, внимательно за процессом международной конференции по

продлению ДНЯО, которая открылась 17 апреля 1995 г. в Нью-Йорке, Пхеньян последовательно поддерживал свою позицию.

Тем временем США прилагали усилия, чтобы продлить ДНЯО, включая обещание не применять ядерное оружие против безъядерных государств.²⁶

Наконец, ядерному клубу, включая США, удалось добиться от остальных стран бессрочного продления ДНЯО. 11 мая 1995 г. в Нью-Йорке их монопольное положение бессрочно гарантировано.

После успехов для ядерной группы международной конференции по продлению ДНЯО обе стороны в принципе согласились возобновить переговоры по ядерной проблеме, которые были прерваны 21 апреля 1995 г. в Берлине, причем уже на более высоком уровне.²⁷

Но в этот раз Пхеньян настаивал на том, чтобы обе стороны провели будущие переговоры именно в Пхеньяне. Имея в виду желание Сеула, чтобы обе страны на Корейском полуострове стали играть ведущую роль по проблемам Корейского полуострова, именно этим требованием Пхеньян хотел показать, что он относится к Сеулу презрительно.

Наконец возобновились переговоры между США и Северной Кореей в столице Малайзии, Куала-Лумпуре. Наблюдатели предсказывали, что трудно ожидать прорыва на этих переговорах. Но вопреки этому прогнозу на данном этапе ситуация вокруг ядерной проблемы полностью изменилась.

Успешно завершив международную конференцию по продлению ДНЯО, Вашингтон больше не имеет причины спешить решать ядерную проблему Северной Кореи. А еще потому, что Сеул был очень недоволен отказом Пхеньяна от установки реакторов южнокорейского производства.

В результате обстановка вокруг ядерной проблемы развивалась не в пользу Пхеньяна. В этих условиях Пхеньян не был в состоянии упорно стоять на своем.

В ходе визита Б. Клинтона в Москву на празднование 50-летия победы над фашизмом была затронута обеими главами государств проблема поставки Ирану атомных реакторов российского типа. На этой встрече на высшем уровне была достигнута договоренность. Ельцин пообещал исключить из ядерного контракта с Ираном военный компонент, но выполнить его мирную часть. Тем самым можно считать, что вопрос о поставке газовых центрифуг, имеющих однозначно военное назначение, закрыт.²⁸

В этой связи предполагается, что в ходе встречи оба лидера также обсуждали вопрос о замене старых газографитовых реакторов Северной Кореи на легководные реакторы, согласились с установкой в Северной Корее легководных реакторов южнокорейского производства. Допустим, что Москва пошла на уступку в поставке Северной Корее южнокорейских реакторов, а Вашингтон пошел на уступку в поставке Ирану российских реакторов, тогда они достигли взаимопонимания, компромисса, и добились своей цели.

После того, как Пхеньян освободился от просьбы Москвы получить российские атомные реакторы, он смог выступать свободно на двусторонних переговорах в Куала-Лумпуре. Теперь Пхеньян готов принять южнокорейские реакторы бесплатно, а у Москвы больше нет причин претендовать на поставку Северной Корее реакторов своего типа.

После достижения компромисса на саммите Клинтона и Ельцина, Москва опять приступила к сбалансированной политике на Корейском полуострове. При условии сохранения трехстороннего альянса Москва осознает, что ее влияние на Корейский полуостров в какой-то степени ограничено, если не учитывать позицию Южной Кореи. Поскольку теперь РФ имеет дипломатические отношения с Республикой Корея, Москва, в отличие от времен холод-

ной войны, может использовать Южную Корею для оказания влияния на весь Корейский полуостров.

В этом плане, хотя внешне визит П. Грачева в мае 1995 г. в Сеул был ответом на визит южнокорейского министра обороны в Москву в 1994 г., цели его визита таковы: во-первых, укрепление военно-политического сотрудничества, нацеленное не на краткосрочный результат, а на долгосрочную перспективу. Во-вторых, экономический аспект, в частности, обсуждение способов погашения²⁹ российских государственных задолженностей Южной Корее.

В этом контексте Грачев заявил во время визита в Сеул об укреплении военного контакта с Южной Кореей. Это заявление содержит намек на то, что, если новое руководство Северной Кореи будет и впредь плохо относиться к Москве, то России придется укреплять военно-политические отношения с Южной Кореей.

В то же время он затронул проблему продления старого советско-северокорейского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи от 1961 г.³⁰ Это также намек на то, что если Сеул отнесется отрицательно к просьбе Москвы погасить часть задолженности поставкой вооружения, то возможно изменить или продлить старый Договор в пользу Пхеньяна.

Подобная стратегия Москвы оказалась в какой-то степени эффективной. Москва в результате манипуляции решила эту проблему для себя с пользой. В процессе переговоров между США и Северной Кореей, Россия из всех заинтересованных стран имела довольно значительное влияние на их исход. В этом плане можно оценить, что Москва хорошо играла на этой струне.

Наконец Пхеньян все же согласился принять реакторы южнокорейского типа. Однако взамен на уступки Вашингтону в этом принципиальном вопросе он потребовал, чтобы КЕДО предоставила дополнительно еще 1 млрд. долларов. На новое условие Сеул отреагировал крайне резко. Мало того, он открыто заявил о своем недовольстве ядерной сделкой между США и КНДР.

Клинтон пытался убедить Президента Кима согласиться на дополнительное финансирование Пхеньяна, но не смог убедить его полностью. 13 июня 1995 г. в послании он пообещал Киму, что Сеул будет играть центральную роль в осуществлении этого десятилетнего проекта века. Наконец, получая согласие Сеула, 13 июня в Куала-Лумпуре США и КНДР подписали соглашение о поставке Северной Корее южнокорейских реакторов типа "Улчин", изготавливаемых с 1988 г. по технологии США.³¹

* * *

Если бы было принято предложение России о созыве международной конференции по проблемам Кореи, то державы могли бы положить начало процессу обеспечения безопасности и безъядерного статуса Корейского полуострова.

В этом случае Южная Корея из всех заинтересованных стран приобрела бы явное превосходство. А Россия тоже оказалась бы в выигрыше от этого. В случае создания механизма для обсуждения проблем Корейского полуострова и далее Северо-Восточной Азии и АТР Россия могла бы играть соответствующую своему геополитическому положению роль в этой многосторонней системе.

Однако фактически, это с самого начала неосуществимая игра, потому что Южная Корея не в состоянии освободиться от роли младшего брата США, а Северная Корея пыталась выжать максимально прибыль из США через прямые переговоры.

Из всех заинтересованных стран США более других не хотели усиления влияния России на Корейском полуострове и далее в Северо-восточной

Азии и АТР. Вашингтон не мог позволить России выступать в качестве равноправного партнера в этом регионе в ущерб собственным интересам.

В частности, интересы США заключаются в том, чтобы на Корейском полуострове поддерживать состояние холодной войны, а Южную Корею оставить почти монопольным рынком сбыта оружия военно-промышленного комплекса США.

Вашингтон смог успешно вести переговоры с Пхеньяном без установления нормальных дипломатических отношений с ним. В важный момент, когда предстояла международная конференция по продлению ДНЯО, ему удалось удержать Северную Корею в рамках ДНЯО, а в конце концов бессрочно его продлить.

КНДР получила возможность бесплатной установки новых реакторов на легкой воде южнокорейского типа, полной нормализации политических и экономических отношений с США. Добившись двусторонних переговоров с США, в которых не участвовала Южная Корея, Пхеньян тем самым нанес ущерб авторитету Сеула. Не идя на уступки Вашингтону, Пхеньян в конечном итоге достиг своей цели, желаемой с самого начала. Тем самым Пхеньян сумел сохранить лицо "крепости социализма", и показать способность нового руководства справляться с внешними конфликтами.

Следует отметить последний, но наиболее важный факт: руководство Северной Кореи успешно преодолело кризис управления, последовавший после смерти так называемого великого вождя Ким Ир-Сена, отвлекая внимание от существовавшего внутреннего кризиса на внешнюю конфронтацию.

Республика Корея, допуская прямые двусторонние переговоры между США и КНДР в решении важных вопросов на Корейском полуострове, потеряла инициативу в Южно-Северокорейских отношениях. Однако она защитила до конца свое жизненно важное стремление на поставку Северной Корее легководных реакторов южнокорейского типа. В результате Южной Корее по-прежнему не удалось выйти из роли младшего брата США в решении собственных проблем, а одновременно Сеул продемонстрировал минимальную независимость от Вашингтона в военно-политических отношениях.

Россия оказалась одним из самых активных участников решения ядерной проблемы Северной Кореи. Москва намеревалась продать КЕДО легководные реакторы, не участвуя в КЕДО. Хотя Москва не добилась своей цели, упорное требование Северной Кореи поставки реакторов российского типа подтверждало, что она могла оказывать влияние на Корейский полуостров, разыгрывая карту Северной Кореи. К тому же, взамен продажи реакторов КЕДО, России удалось продать Ирану атомные реакторы с согласия США.

Однако намерение России предоставить Северной Корее легководные реакторы произвело неприятное впечатление на южнокорейцев, и возможно, чревато падением их доверия. Россия рано или поздно, практически включится в АТР. Исходя из того, что в будущем органически интеграционное по главным параметрам корейское общество может стать и самым надежным партнером России в этом быстро развивающемся регионе, становящемся новым мировым центром, России следовало бы планировать политику в отношении Корейского полуострова на долгосрочную перспективу.

1. Сегодня. - 1994. - 12 августа. - С. 3.
2. "Россия и ситуация вокруг Корейского полуострова" // Дипломатический Вестник МИД РФ. - 1994. - № 7-8. - С. 20-30.
3. Young Whan Kihl. Confrontation or compromise on the Korean Peninsula: The North Korean nuclear issue" // The Korean Journal of Defense Analysis. - 1994. - Vol. 6. - No.2. - P. 105-106.

4. Дипломатический Вестник МИД РФ. - 1994. - № 9-10. - С. 23.
5. Дипломатический Вестник МИД РФ. - 1994. - № 12-13. - С. 12-16.
В то время Вашингтон разработал двухэтапную санкцию против Северной Кореи: сначала ограниченная экономическая санкция, потом полное торговое эмбарго. См. Young Whan Kihl. - Op. cit. - P. 105-106.
7. Дипломатический Вестник МИД РФ. - 1994. - № 23-24. - С. 32.
8. До сих пор в переговорах по проблемам Корейского полуострова этот документ, который называется "Соглашение о примирении, ненападении, обмене и сотрудничестве", считается основным.
9. Подробно см. Дипломатический Вестник МИД РФ. - 1994. - № 7-8. - С. 30.
10. Сегодня. - 1994. - 23 сентября. - С. 1.
11. Известия. - 1994. - 23 декабря. - С. 1.
12. Сегодня. - 1994. - 19 октября. - С. 1.
13. О подходе России к созданию подобной многосторонней системы см. Дипломатический Вестник МИД РФ. - 1994. - № 23-24. - С. 35.
14. Именно эта проблема в Сеуле снова была затронута в ходе визита в мае 1995 г. Павла Грачева. Но считается, что по этому вопросу, в основном, была достигнута договоренность между Россией и Северной Кореей в сентябре 1994 г.
15. Сегодня. - 1995. - 28 марта. - С. 4.
16. Сегодня. - 1995. - 13 января. - С. 5.
17. Сегодня. - 1995. - 28 марта. - С. 4.
18. Сегодня. - 1995. - 02 февраля. - С. 4, и - 1995. - 28 марта. - С. 4.
19. Сегодня. - 1995. - 02 февраля. - С. 4.
20. Сегодня. - 1995. - 15 марта. - С. 4.
21. Делегация Государственного комитета России по промышленности подписала в Пхеньяне новое межправительственное соглашение о совместных российско-корейских лесозаготовках на Дальнем Востоке. Один представитель подчеркнул, что речь идет именно о новом тексте соглашения, а не о пролонгации старого договора. (Сегодня. - 1995. - 11 марта. - С. 3). Вопреки его пояснению, оказалось, что Москва позволила Пхеньяну продлить срок контракта через год после того, как срок этого договора истек.
22. Сегодня. - 1995. - 30 мая. - С. 4.
23. Сегодня. - 1995. - 15 марта. - С. 4.
24. Сегодня. - 1995. - 28 марта. - С. 4.
25. Сегодня. - 1995. - 28 марта. - С. 4.
26. Но Вашингтон оставил за собой право осуществлять ядерную атаку против государства, не имеющего в своем арсенале ядерного оружия, если оно нападет первым на территорию США, их войска или союзников из числа ядерных держав. Сегодня. - 1995. - 07 апреля. - С. 5.
27. Сегодня. - 1995. - 13 мая. - С. 4.
28. Сегодня. - 1995. - 11 мая. - С. 1.
29. Согласно предварительной договоренности об этом (в Сеуле 15-21 апреля 1994 г.), российская военная техника общей стоимостью более 200 млн. долларов должна быть поставлена в Южную Корею до конца 1998 г. Подробно см. Сегодня. - 1995. - 20 мая. - С. 2.
30. Сегодня. - 1995. - 10 июня. - С. 4.
31. Сегодня. - 1995. - 14 июня. - С. 4.

Япония и проблемы нераспространения оружия массового уничтожения

© 1997

В.Бунин

Япония еще в начале 70-х годов приняла правительственную резолюцию о трех неядерных принципах: не производить, не иметь и не ввозить на территорию страны ядерное оружие, а в 1995 г. записала их в новые Основные направления национальной обороны на ближайшие двадцать лет, и тем не менее во многих странах Азии можно слышать опасения о возможном ядерном выборе Японии. Однако подобные мнения не имеют веских оснований.

Во-первых, Япония - единственная в мире страна, пережившая атомные бомбардировки, и японцы, как показывает более чем полувековой опыт, выработали обостренную антиядерную реакцию. Антиядерное движение в стране, основанное на памяти о трагедии Хиросимы и Нагасаки, отнюдь не было только эмоциональной апелляцией к мировому общественному мнению, оно базировалось на искренних антивоенных чувствах японского народа, его стремлении рассказать всему человечеству, что ядерное оружие наиболее варварское наступательное, обладающее огромной разрушительной силой оружие, против которого нет средств защиты, что оно уничтожает не только военные объекты и строения, но и все живое.

Диверсификация жизненных ценностей в послевоенном японском обществе делает чрезвычайно трудным достижение национального консенсуса по многим аспектам японской политики, кроме ее военной сферы. Здесь существует твердое национальное согласие: Япония никогда не будет вооружаться ядерным оружием. Вопрос о возможном отказе от трех неядерных принципов даже не включается в традиционный опросный лист, касающийся сил обороны и военной политики, рассылаемый респондентам каждые два года канцелярией премьер-министра. Это подтверждает, в частности, профессор токийского университета Тэйкё, отставной генерал-лейтенант Т.Сиката, заявивший, что "народ Японии на 90% поддерживает три неядерные принципа своей страны (не производить, не иметь и не ввозить ядерного оружия)".

Во-вторых, безопасность Японии во время "холодной войны" зиждилась на ядерном сдерживании США. Приверженность японо-американскому договору безопасности обеспечивала Японию американским "ядерным зонтиком" и позволила содержать минимальные вооруженные силы и чисто оборонительное конвенционное вооружение, предназначенное исключительно для обороты собственной территории.

В результате беспрецедентной гонки вооружений в эпоху "холодной войны" человечество убедилось, что применение ядерного оружия губительно.

Несмотря на то, что с момента окончания "холодной войны" возможность глобальной ядерной войны ушла в прошлое, в ряде стран звучат амбициозные заявления о том, что ядерное оружие может принести политические выгоды. Ядерные державы, несмотря на действие договоров ОСВ-1 и ОСВ-2 (последний еще не ратифицирован), стремятся сохранить ядерное оружие как инструмент поддержания их политического имиджа в качестве великих держав и поэтому не предпринимают достаточных усилий для его окончательного уничтожения. Кроме того, некоторые ядерные государства, имеющие отличные от Японии политические системы и ценности, как считают в Токио, могут использовать свое ядерное оружие в качестве политического рычага и средства давления на Японию, хотя и не намерены применять его в действительности. Более того, по мнению специалистов, ослабление контроля над ядерными арсеналами и технологиями их развития после "холодной войны" может спровоцировать появление новых ядерных держав.

На этом фоне Япония, являясь ведущей экономической державой не обладающей атомным оружием, осуществляет базовую политику приверженности договору безопасности с США, благодаря которому она находится под американским ядерным зонтиком и не стремится к обладанию им. Даже после "холодной войны" Японо-американский договор о взаимном сотрудничестве и безопасности, как явствует из подписанной в 1996 г. Совместной декларации о союзе безопасности на 21-й век, не утратит своего значения по крайней мере до тех пор, пока ядерное оружие не будет полностью уничтожено или перейдет под всеобъемлющий и жесткий международный контроль. В то же время договор безопасности и декларация служат гарантией для соседних азиатских государств, которые все еще опасаются возможного возрождения Японии в качестве великой военной державы, что ей нет необходимости содержать крупную армию и обладать ядерным потенциалом благодаря крепким союзническим отношениям безопасности с США. В Токио считают, что это является одной из причин того, почему Россия, Китай и страны Юго-Восточной Азии поддерживают продолжение японо-американского договора о безопасности и присутствия в АТР американских войск².

В-третьих, Япония как нация, не располагающая естественными и, особенно энергетическими ресурсами, в большой степени зависит от ядерной энергии. Япония со 125-миллионным населением, размещенным на четырех небольших островах, в качестве ведущей индустриальной и технологической державы потребляет огромное количество энергии в год, в пересчете на нефть около 450 миллионов метрических тонн. При этом на апрель 1995 г. на территории Японии действовало 49 атомных электростанций (АЭС), которые вырабатывали 28% всей потребляемой в Японии энергии. Ожидается, что зависимость Японии от ядерной энергии возрастет до 33% к 2000 г. и до 42% к 2020 г.³

Опыт второй мировой войны и "нефтяных шоков" 70-х годов показывает, что экономика Японии чрезвычайно чувствительна к энергетическим кризисам. Стабильное снабжение энергией является жизненно важным и поэтому мирное использование атомной энергии совершенно необходимо для существования страны. Японское правительство, строго соблюдая международные правила о допуске к своим ядерным реакторам инспекций МАГАТЭ с целью проверки, весьма твердо выступает за сохранение и расширение возможностей мирного использования атомной энергии.

Развитие мирного использования ядерной энергии снизило зависимость от ограниченных нефтяных ресурсов и освободило человечество от опасений за нехватку энергии. В XXI веке Япония сможет огромным влиянием процветающей неядерной державы способствовать полному уничтожению

ядерного оружия на планете и направлять развитие ядерной энергии в безопасное, эффективное и мирное русло. Если Япония возглавит кампанию за полное уничтожение ядерного оружия, ей предстоит действовать по трем главным направлениям:

Во-первых, по пути развертывания как на правительственном уровне, так и по линии всех демократических народных движений, вплоть до "корешков травы" (детское движение за уничтожение ядерного оружия), кампании за полную ликвидацию ядерных арсеналов, согласуя свою деятельность с кампаниями других неядерных держав и организовывая глобальное антиядерное движение.

Во-вторых, поддерживать усилия ядерных держав по сокращению своих арсеналов. К примеру, Япония может и уже участвует в международных акциях, возглавляемых "группой семи (восьми)", по предоставлению финансовой и технической помощи в демонтаже российского ядерного оружия и реакторов. Япония может также предпринять позитивные усилия для заключения международного договора о контроле за ядерными отходами. Важным шагом для Японии является предоставление финансов и технологий для расширения международного сотрудничества в развитии систем инспектирования и обнаружения (мониторинга) ядерного оружия.

В-третьих, Япония, видимо, должна взять на себя инициативу по созданию зоны, свободной от ядерного оружия. Такие попытки уже предпринимаются в Северо-Восточной Азии (СВА) с участием Японии, Северной и Южной Кореи, США, России, Китая и Монголии. Безъядерные зоны уже созданы в некоторых районах мира, например, в Латинской Америке, где в 1967 г. подписан Тлателокко Договор, Южнотихоокеанским форумом в 1985 г. подписан Договор Раротонга о создании безъядерной зоны в южной части Тихого океана, к которому, хотя и с опозданием, в 1996 г. присоединилась и Япония. Появление в 1996 г. безъядерных зон государств - членов АСЕАН, а также стран Северной Африки вдохновляет дальнейшую проработку идеи создания ограниченной зоны, свободной от ядерного оружия, в Северо-Восточной Азии, разработанной международной группой экспертов в Атланте в 1995 г. и дорабатываемой в Буэнос-Айресе (Аргентина) и Бордо (Франция) в 1996 г.⁴ и Москве (Россия) в 1997 г.

Япония не стоит в стороне от процесса всеобщего ядерного разоружения. Как известно, японская делегация единодушно поддержала безусловное и бессрочное продление Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). На пресс-конференции по итогам работы ГА ООН министр иностранных дел Японии Ёхэй Коно отметил: "Правительство благодарно тому, что бессрочное продление ДНЯО было одобрено консенсусом, как мы и желали, а не поддержано тощим большинством государств-членов. Такой способ одобрения, подчеркнул Коно, добавляет вес и значение преобразованному 25-летнему договору в постоянно действующий акт"⁵.

Теперь, когда договор продлен бессрочно, зарегистрированные ядерные державы - США, Россия, Китай, Франция и Великобритания, по мнению главы японского внешнеполитического ведомства, должны приложить дальнейшие, еще большие усилия для разоружения, чтобы завоевать доверие неядерных государств. По информации Ёхэй Коно, бессрочное продление договора особенно поддержали испытывшие на себе первые ядерные бомбардировки в 1945 г. японские города Хиросима и Нагасаки⁶.

Однако мэр города Хиросима Такаси Хираока наряду с одобрением выразил разочарование по поводу того, что, хотя договор и продлен бессрочно, он не содержит в себе планов уничтожения ядерного оружия.

“Чрезвычайно жаль, - отметил Хираока, - что бессрочное продление было осуществлено без четких планов уничтожения ядерного оружия”. В то же время мэр Хиросимы подчеркнул, что в решении конференции просматривается некоторый прогресс, поскольку оно предусматривает непрерывный процесс пересмотра ДНЯО. Хираока призвал атомные державы к полному разоружению и к скорейшему заключению всеобъемлющего договора о запрещении всех видов ядерных испытаний (Договор был подписан на сессии ГА ООН в октябре 1996 г. единогласно, за исключением Индии).

Обозреватели отмечают, что точка зрения Японии, единственной в истории человечества страны-жертвы ядерных бомбардировок, наилучшим образом характеризует ее позицию как проявление “отчаянной надежды”. Так считают все те, кто в ходе недавних диспутов о ядерном вооружении Японии выступал за необходимость каких-либо эффективных форм сдерживания распространения ядерного оружия.

Дело в том, что внешняя политика и политика безопасности Токио базировалась и продолжает базироваться, помимо прочего, на упоминавшихся выше трех безъядерных принципах, которые до ноября 1995 г. существовали в форме парламентской резолюции, то есть не были нормой закона, не имели под собой легитимности и вполне могли нарушаться. 28 ноября 1995 г. безъядерные принципы записаны в Основные направления программы национальной обороны Японии на период с 1996 г. и таким образом приобрели легитимный характер.

Правительство М.Хосокавы, призвав все ядерные державы энергично заняться разоружением и выразив готовность помогать им, в том числе и России, в деле уничтожения стратегических наступательных ракет, тем самым подтвердило неядерный курс Японии на будущее⁸ и передало эстафетную палочку коалиционному правительству Мориити Мураяма. Последнее реализовало этот курс на Конференции по рассмотрению ДНЯО, единогласно продлившей 11 мая 1995 г. на ГА ООН в Нью-Йорке безусловно и бессрочно Договор о нераспространении ядерного оружия. Эстафету принял затем премьер-министр Р.Хасимото, который осенью 1996 г. на сессии ГА ООН в Нью-Йорке подписал Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний.

Заслуживает внимания анализ австралийского профессора Эндрю Мэка из Центра Генри Симпсона (Нью-Йорк) позиции Японии по проблеме ядерного нераспространения в США. Большинство аналитиков мира, считает Мэк, отмечают всякие обвинения Японии в ядерных амбициях. Все послевоенные правительства Японии демонстрировали сильную и действительно растущую приверженность идее ядерного нераспространения, а большинство японских граждан являются убежденными сторонниками мира без войн, в том числе и особенно ядерных. Более того, поскольку Япония защищена союзом безопасности с Соединенными Штатами Америки и прикрыта американским “ядерным зонтиком”, ей нет необходимости приобретать собственное ядерное оружие, считает ученый.

Несмотря на подобные доминирующие взгляды, среди некоторых региональных экспертов по безопасности проявляется озабоченность, что Япония на определенной стадии может почувствовать, что ее вынуждают “стать ядерной”, особенно если отношения безопасности с Соединенными Штатами будут разорваны, а отношения между Японией и Китаем ухудшатся, считает Мэк. Такое сомнение, на наш взгляд, имело право на существование ранее, до подписания в апреле 1996 г. совместных японо-американских документов, нацеленных на XXI век, в которых отмечается всякая возможность ухудшения двусторонних японо-американских отношений безопасности.

В подкрепление своей точки зрения, профессор Мэк ссылается на известные высказывания бывших премьер-министров Японии Нобускуэ Киси (1957 г.), Масаёси Охира (1979 г.), Ясухиро Накасонэ (1984 г.) и др. о том, что мирная конституция Японии не запрещает ей обладать ядерным оружием в целях самообороны. Упоминает он и о случае, когда в 1993 г. Япония колебалась в целесообразности бессрочного продления ДНЯО в связи с ядерными амбициями Северной Корей. Однако все эти высказывания опровергаются многолетней реальной политикой Японии, неизменно ставившей во главу угла своего рода уникальные безъядерные принципы, делавшие дипломатию этой страны привлекательной для всего мира.

В заключение австралийский ученый отмечает, что сбалансированный анализ возможностей ядерного вооружения Японии должен базироваться на изучении побудительных и контрпобудительных доводов для ядерного выбора. Западные и корейские критики, которые обвиняют Японию в том, что она стремится приобрести ядерное вооружение, часто игнорируют сильную приверженность японцев к немилитаристским подходам при осуществлении своей политики безопасности и почти всегда недооценивают мощные политические ограничения против ядерного выбора. Последние включают принятие японским парламентом в 1968 г. трех неядерных принципов и тот факт, что общественное мнение Японии по объективным причинам поддерживает в подавляющем большинстве антиядерную позицию страны, а японские политики очень чувствительно относятся ко всем проявлениям протеста в регионе против восстановления японского милитаризма⁹.

Токио еще раз закрепил в последнее время свои антиядерные позиции необычно жесткой реакцией на последний раунд французских ядерных испытаний и продолжение Китаем программы ядерных тестов. Министр иностранных дел Японии Ёхэй Коно "призвал Японию играть ведущую роль в предотвращении распространения оружия массового уничтожения". А японские официальные представители предложили даже азиатскую версию ЕВРОАТОМА (Европейское сообщество по атомной энергии), имеющего целью облегчить регулярные обмены ядерными экспертами и увеличить ядерную открытость. В июле 1994 г. начальник Управления по науке и технике Макико Танака призвал к тому, чтобы плутониевые запасы Японии передать под международное управление и контроль, хотя и неясно, что это может значить на практике. Кроме того, Япония сотрудничает с Соединенными Штатами и Южной Кореей в поисках путей разрешения кризиса, связанного с политикой КНДР в отношении ядерного оружия. Токио выделил 100 млн. долл. для программы помощи России, Белоруссии, Украине и Казахстану для демонтажа ядерного оружия.

Такие действия вряд ли характерны для правительств, замышляющих приобрести ядерное оружие, и любая попытка свернуть с широко разрекламированного антиядерного курса повлечет "потерю Токио своего лица". И наконец, долгосрочные японские амбиции - занять постоянное место в Совете Безопасности ООН - серьезно будут подорваны, если станет ясно, что Токио намеривается нарушить свои международные обязательства не иметь ядерного оружия¹⁰. Говоря о факторах, вызывающих подозрение в отношении возможного ядерного выбора Японии, профессор Мэк называет исторический фактор, японскую политику колониализма и агрессии в Азии, что, естественно, служит сохранению подозрения и отсутствия доверия к Токио. Заявления ответственных японских политиков о том, что Японии не за что извиняться, поскольку ее миссия во второй мировой войне была "освободительной и неаг-

рессивной", не устраняют старых подозрений даже тогда, когда сделавших такие заявления отправляют в отставку¹¹.

Среди государств Восточной Азии более всего озабочены долгосрочными намерениями Японии Северная и Южная Корея. Южная Корея проявляет раздражительность по каждому случаю приобретения Японией вооружений, которые, по их мнению, могут иметь наступательный характер. Северная Корея постоянно оценивает Японию как "ревизионистское и милитаристское государство", которое имеет программы ядерного вооружения. Из всех стран Восточной Азии обе Кореи, считает А.Мэк, могут скорее всего домогаться приобретения ядерного вооружения для "стратегического равновесия" на случай перевооружения Японии.

Тайвань рассматривает Японию в качестве потенциального союзника на случай конфликта с Китаем, и если Япония будет развивать ядерное сдерживание против Китая, это вряд ли побудит Тайвань противостоять японским намерениям. Государства Юго-Восточной Азии сейчас более обеспокоены по поводу Китая, чем Японии. Они рассматривают Японию в качестве противовеса растущему могуществу Китая и никоим образом - как потенциальную угрозу. Для государств АСЕАН вопрос ядерного нераспространения имеет весьма небольшое значение, поскольку все страны этого субрегиона еще в течение длительного времени вряд ли смогут приобретать техническое оборудование для производства ядерного вооружения.

Тем не менее, антияпонские настроения в двух корейских государствах, подпитываемые опасениями возможного возрождения японского милитаризма, вызывают меньше озабоченности в регионе, чем утверждают средства массовой информации. Об этом, в частности, свидетельствует заявление бывшего посла Корейской Республики в РФ. Правительства стран региона признают, что политика безопасности Японии чрезвычайно восприимчива к проявлениям подозрительности в регионе. В самом деле, далекие от стремления к завоеванию доминирования в регионе, многие японские правительства постоянно подвергаются обвинениям, и не только со стороны граждан Японии, за то, что они не проводят политику регионального лидера, соответствующую экономическим возможностям страны.

Вето правительства Японии на экспорт вооружений, ограничения оборонных расходов и три безъядерных принципа - все это в определенной степени помогает ослабить региональную озабоченность. Положительно воздействуют и консультации Японии по вопросам безопасности с Китаем и Южной Кореей. Однако в самой Японии источником раздражения и причиной критики является тот факт, что Япония действует в регионе не самостоятельно и независимо, а в качестве повязанного союзом младшего партнера в отношениях безопасности с Соединенными Штатами Америки. Японские вооруженные силы физически остаются неспособными к ведению крупномасштабных наступательных военных действий против соседних государств. Союз подразумевает разделение труда, в котором американские войска несут наступательный "меч", в то время как японские вооруженные силы - оборонительный "щит". В Японии нет дальних бомбардировщиков, ракет, ударных подводных лодок, авианосцев, главных амфибийных сил и морской пехоты для вторжения на территорию соседних государств. Более того, без американских средств разведки, обнаружения целей, оценки нанесенного ущерба и других важных разведывательных атрибутов Япония не может максимально эффективно использовать существующие возможности¹².

Что касается химического и биологического оружия, также относящихся к средствам массового уничтожения, то можно сказать, что в послевоенной

истории не отмечено случаев, когда бы Япония добивалась приобретения химического и биологических средств вооружения. За весь послевоенный период правительства страны придерживались твердого запрета этих видов вооружения.

Зариновая атака в токийском метро в марте 1995 г., произведенная религиозной сектой "АУМ Синрикё", в результате которой погибло 12 человек и несколько тысяч оказались пораженными, породил сомнения в том, что Япония не обладает химическим вооружением, заключает А.Мэк¹³. Однако эти опасения развеяло последовавшее за атакой принятие парламентом Японии закона, запрещающего использование ядовитых газов в качестве оружия.

Более того, стратегические приоритеты Японии касаются, главным образом, обороны воздушного и морского пространства, расположенного между Японией и государствами, с территории которых может последовать подобное нападение; однако химическое оружие практически не имеет отношения к этой стратегической задаче. Моральное табу на использование ядерного, химического и бактериологического оружия, внутреннее и международное политическое самоограничение в использовании такого варварского оружия ведения войны будет практически невозможно нарушить в демократическом обществе Японии, правительство которой, осуществляя жесткий контроль за нераспространением ядерного оружия и средств его доставки, лидирует в мирном использовании ядерной энергии и четком мониторинге за эксплуатацией АЭС.

1 Проблемы Дальнего Востока. - 1995. - № 3. - С. 45.

2 Journal of the Japanese Trade & Industry. - 1995. - No 6. - P. 42.

3 Ibidem. - P. 43.

4 Япония и проблемы безопасности в АТР. - М., 1996. - С. 192.

5 The Japan Times. - 1995. - May 13.

6 Актуальные проблемы Северо-Восточной Азии. - М.: ИДВ РАН, 1995. - Вып. 13. - ИБ 13. - С. 37.

7 The Japan Times. - 1995. - May 13.

8 Mack Andrew. Proliferation in Northeast Asia. - The Henry L. Stimson Center. W. Accatational Paper. - July 1996. - No 28. - P. 11-19.

9 Ibidem. - P. 30-31.

10 Ibidem.

11 Ibidem. - P. 35-36.

12 Ibidem.

13 Ibidem. - P. 40.

Организация правосудия и конституционного контроля на Тайване

© 1997

Л.Гудошников, К.Кокарев

Судебная система "Китайской Республики" - государства де-факто на Тайване характеризуется объединением в судебную ветвь власти не только органов, осуществляющих судебное производство, включая и конституционный контроль, но и административной юстиции, и даже несудебного органа по дисциплинарным наказаниям чиновников гражданской службы.

Судебную ветвь власти возглавляет Палата юстиции (*Сыфа юань*)¹. Ее председатель, заместитель председателя и члены Палаты, называемые великими судьями (*да фагуань*), назначаются Президентом Республики с согласия Национального собрания. Великие судьи вместе с председателем Палаты и его заместителем составляют Совет великих судей, действующий в качестве органа конституционного контроля, то есть осуществляет приблизительно те же функции, что Конституционный суд РФ у нас. Вместе с тем великие судьи без руководства Палаты юстиции (то есть без председателя и заместителя председателя Палаты) могут заседать и принимать решения уже в качестве Конституционного трибунала. Этот трибунал (и только он) может выносить решения о роспуске той или иной политической партии, если сочтет ее деятельность не соответствующей конституции. Конституционный трибунал является новым институтом в законодательстве Тайваня. Соответствующие положения о нем были внесены в Конституцию лишь в 1992 г. До этого роспуск политических партий был возможен в административном порядке специальным Комитетом по наблюдению за политическими партиями. Во время заседания трибунала председательствует старший по стажу судья. Если еще есть судьи с таким же стажем, то председателем становится старший из них по возрасту. Палате юстиции подчинены все виды судебных органов во главе с Верховным судом, Административный суд и Дисциплинарный комитет по делам государственных служащих. Некоторое время в структуру ветви власти, возглавляемую Палатой юстиции, входило и Министерство права (*фау бу*), подчиненное Исполнительной палате². Сама Палата юстиции не является инстанцией для пересмотра каких-либо дел, уже рассматривавшихся в судах. Однако ее председатель обладает определенными правами по административному надзору за осуществлением правосудия и рассмотрением административных дел. В этой работе он опирается на вспомогательный аппарат, состоящий из четырех отраслевых департаментов. При Палате функционирует и

Гудошников Леонид Моисеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ.

Кокарев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РИСИ.

ряд других подразделений: бухгалтерия, отделы кадров, статистики и другие. Несколько необычен по названию, если ориентироваться на европейские мерки, отдел чжэнфэна, то есть исправления стиля, являющийся, по идее, антикоррупционным подразделением. Кроме того, при Палате функционирует комиссия по рассмотрению кадровых вопросов. Эта комиссия возглавляется председателем Палаты, в ее составе - заместитель председателя Палаты, начальник ее секретариата (ответственный секретарь), председатели Верховного суда, Административного суда, Дисциплинарного комитета по делам государственных служащих, суда высшей ступени (в сущности, это провинциальный суд), представители от этого суда в составе двух судей, семь представителей от судей окружных судов (представители судей избираются самими судами).

Комиссия рассматривает вопросы, связанные с назначением и смещением судей, проведением официальных расследований деятельности, а также поощрением и наказанием судей обычных и административных судов (судьи Административного суда называются *пикши*, тогда как обычные судьи - *фагуань*) и членов Дисциплинарного комитета по делам государственных служащих.

К лицам, назначаемым на должности великих судей, предъявляются довольно высокие требования: они должны либо иметь не менее чем десятилетний стаж работы в качестве судей Верховного суда и достигнуть на этом поприще известных результатов, либо не менее девяти лет (то есть в течение трех созывов) быть членами Законодательной палаты и при этом внести в ее деятельность особый вклад, либо не менее десяти лет преподавать в университетах важные отрасли права и быть авторами трудов по специальности, либо быть членами международных судов или являться авторами известных трудов по публичному или сравнительному праву, либо, наконец, заниматься исследованиями в юриспруденции, иметь богатый политический опыт, пользоваться высокой репутацией (этот последний, менее определенный критерий, скорее всего, предназначен для политиков, которые в качестве членов Законодательной палаты принимали этот закон). Интересно, что закон устанавливает определенную пропорцию в занятии должностей великих судей представителями перечисленных категорий: ни одна из указанных групп не должна превышать трети всех великих судей. Смысл этого ограничения в том, чтобы в Совете великих судей не преобладали теоретики над практиками, политики над специалистами и наоборот. В утвержденном Национальным собранием Тайваня в августе-сентябре 1994 г. Совете великих судей большинство составляют ученые-правоведы и практики из числа судей Верховного и Административного судов и правительственных чиновников. В Совет вошли также депутаты Национального собрания и член Экзаменационной палаты.³

Согласно ст.5 Закона об организации Палаты юстиции (последняя редакция Закона относится к 1992 г.) великие судьи должны держаться внепартийной ориентации и независимости при выполнении ими своих функций. При этом, однако, председатель Палаты Линь Янган, занимавший эту должность в 1987-1994 гг., был членом Центрального постоянного комитета ЦК Гоминьдана в 1978-1993 гг., а на XIV съезде этой партии в 1993 г. избирался заместителем ее председателя. Во время утверждения нынешнего состава великих судей Национальным собранием появились сообщения, что 12 из них - члены Гоминьдана, а 4 не принадлежат ни к каким партиям. Среди великих судей одна женщина. Партийные пристрастия, возможно, сыграли определенную роль в неутверждении собранием второй женщины - 17-го члена Совета великих судей - профессора Государственного политического университета Линь Чжунчжи. Делегаты от оппозиции связали этот факт с организованным

бойкотом данной кандидатуры членами правящей партии, поскольку муж Линь Чжунчжи организовал группу адвокатов для защиты сторонников независимости Тайваня в начале 80-х гг., то есть еще до основания первой и главной сейчас оппозиционной Демократической прогрессивной партии (ДПП). Однако руководитель организации Гоминьдана в Национальном собрании отверг это обвинение, оспорив наличие политических мотивов в голосовании членов партии и сославшись при этом на поддержку его партией ряда членов ДПП при выборах в Палату контроля в январе 1993 г.⁴ Таким образом, до внепартийной ориентации судей на Тайване еще далеко.

Великие судьи назначаются на девятилетний срок и ограничений для повторных назначений законом не предусмотрено. При назначении нынешнего состава великих судей их средний возраст равнялся 57 годам. Председатель Палаты юстиции Ши Циян был до назначения на эту должность секретарем Совета безопасности (1993-1994), а ранее занимал посты министра права (1984-1988) и вице-преьера (1988-1993). Ко времени занятия поста председателя Палаты Ши Цияну было 59 лет. Он считается высококвалифицированным юристом с большим опытом преподавания права в Тайваньском государственном университете, является доктором права знаменитого Гейдельбергского университета в Германии. За его утверждение в новой должности проголосовали 237 депутатов Национального собрания - членов Гоминьдана и независимых. 63 депутата от ДПП бойкотировали выборы. Бойкот официально мотивировался несогласием ДПП с поправками к Конституции, инициированными Гоминьданом. Вступая в должность председателя Палаты, Ши Циян обещал придерживаться принципов независимости юстиции и неучастия в политической деятельности.⁵

Функционирование Совета великих судей регулируется Законом о рассмотрении дел великими судьями Палаты юстиции, который был введен в действие в 1958 г., а сейчас применяется в редакции 1993 г.⁶ Согласно закону, обращения в Совет великих судей по поводу толкования Конституции возможны при возникновении спора относительно применения тех или иных статей Конституции, а также при возникновении возможного или действительного противоречия законов и приказов (*мицлин*) либо местных законоположений или правил Конституции.⁷ Обращения о толковании поступают от центральных или местных органов региона, когда возникают споры относительно применения Конституции при выполнении ими своих функций или при возникновении мнений о противоречии Конституции отдельных нормативных актов при их проведении в жизнь. Помимо этого, граждане, юридические лица и политические партии могут выступать с такими обращениями в форме жалоб при покушении на их права, гарантированные Конституцией (жалоба должна предваряться рассмотрением в обычном суде). Кроме того, по запросу не менее трети членов Законодательной палаты возможно обращение в Совет великих судей по вопросам применения Конституции или при сомнении о соответствии Конституции того или иного закона или законопроекта. Наконец, Верховный и Административный суды могут при возникновении неуверенности в соответствии законов и приказов Конституции приостановить судопроизводство и обратиться в Совет великих судей за толкованием.

Закон требует, чтобы при толковании Конституции присутствовали не менее двух третей общего количества великих судей. Большинством, опять-таки не менее двух третей, но уже присутствующих великих судей, выносятся постановления по толкованию Конституции. Если же речь идет об унификации толкования законов кворум уменьшается до более половины общего количества великих судей, а для принятия решения достаточно более половины

присутствующих членов Совета. Голосование в Совете производится поднятием рук или путем опроса. Закон предусматривает довольно частый созыв заседаний Совета великих судей - три раза в неделю с возможностью созыва внеочередных заседаний. Как уже указывалось выше, заседания Совета великих судей ведет председатель Палаты юстиции, а в его отсутствие - заместитель председателя. Если же они оба отсутствуют, то председательствует старший по стажу судья. При наличии же двух и более судей с одинаковым стажем председательствующим становится старший по возрасту.

Установление Советом великих судей неконституционности того или иного закона не влечет автоматической отмены последнего. Советом дается срок, в течение которого органу, издавшему нормативный акт, предписывается внести в него изменения. Этот срок может быть и двухгодичным.⁸ Согласно закону (ст.17), текст принятого великими судьями толкования должен иметь приложение, где излагаются мотивы толкования. К толкованию также должен быть приложен документ, в котором удостоверяется согласие великих судей или фиксируются высказанные особые мнения. Все эти документы обнародуются Палатой юстиции в совокупности. Вместе с тем о толковании информируются инициаторы обращения в Совет великих судей и другие заинтересованные лица.

Со времени принятия в 1958 г. Закона о рассмотрении дел великими судьями Палаты юстиции до конца 1996 г. было вынесено около 400 толкований. Первое из толкований состоялось в год принятия закона и касалось ст. 75 Конституции, устанавливающей несовместимость мандата законодателя (члена Законодательной палаты) с должностью государственного чиновника. Опираясь на Конституцию, Совет великих судей подтвердил необходимость немедленного выхода в отставку чиновника в случае его избрания в Законодательную палату и, соответственно, ухода в отставку законодателя, принявшего чиновничью должность. Согласно толкованию, день назначения на должность является и днем прекращения полномочий законодателя. По всей вероятности, необходимость развернутого толкования в общем достаточно ясного положения Конституции была скорее демонстрацией функционирования реально малозначимых в то время институтов.

Другое дело - после отмены военного положения (окончательно это произошло в 1991 г.). Уже в том же 1991 г. Совет великих судей определил, что вопрос об аресте подозреваемых должен решаться судом, а не полицейскими властями, как это ранее предусматривалось законом (толкование или конституционная интерпретация N251). Тогда же Совет великих судей установил, что граждане, которые могут доказать отсутствие умысла нарушений административных постановлений, не должны подвергаться строгому наказанию (толкование N275). Из новых толкований, также касающихся гражданских прав, отметим постановление Совета великих судей от 28 июля 1995 г. в связи с одним из законов о поддержании общественного порядка, принятом в 1985 г., то есть в период действия военного положения. Были признаны неконституционными, в частности, следующие положения закона: а) право полиции производить арест на основании показаний трех свидетелей, имена которых не называются; б) защита секретных свидетелей от встреч с обвиняемым и перекрестных допросов на суде; в) запрещение подозреваемым приносить жалобы на арест властям иначе, чем через Главное управление полиции.

13 октября 1995 г. после обсуждения, длившегося в общей сложности два с половиной года, Совет великих судей принял толкование, согласно которому Кабинет министров (Совет Исполнительной палаты) выходит в отставку

после состоявшихся выборов в Законодательную палату, но до ее созыва, независимо от того, когда Кабинет сформирован.¹⁰ Это постановление для Тайваня имеет определенное значение в связи с тем, что сроки полномочий Президента (4 года) и Законодательной палаты (3 года) не совпадают.

Одним из последних дел, рассмотренных Советом великих судей в 1996 г., было обращение оппозиции относительно правомочности переназначения на пост премьер-министра Исполнительной палаты вице-президента Лянь Чжэня, который был премьером до избрания вице-президентом. Прецеденты такого назначения имели место в истории Тайваня (Чэнь Чэн и Янь Цзягань), однако оппозиция считает, что они имели место в период военного положения и сейчас не могут приниматься во внимание. Прямого запрещения занятия поста премьер-министра вице-президентом в Конституции 1947 г. не содержится. Совет великих судей заслушал заключительные аргументы сторон 1 ноября 1996 г., а 31 декабря того же года был вынесен большинством голосов великих судей вердикт в пользу президентской стороны.

Одна из глав Закона о рассмотрении дел великими судьями Палаты юстиции (III) устанавливает процедуру рассмотрения дел по роспуску политических партий, нарушающих Конституцию. Обращение в Конституционный трибунал о роспуске партии производится, как говорится в законе, "компетентным органом", очевидно, Министерством внутренних дел, на которое возлагается регистрация партий. Такое обращение возможно, "если цели или действия политической партии наносят ущерб существованию Китайской Республики или свободному демократическому порядку" (ст. 19). Обращение должно быть оформлено в виде заявления в Палату юстиции с обязательным указанием органа, обращающегося в Палату юстиции, фамилии и имени лица, представляющего этот орган; далее в заявлении должно следовать название политической партии, в отношении которой возбуждается дело о роспуске и ее местонахождение, а также определенные данные о лице, представляющем эту партию (фамилия, имя, пол, возраст, местожительство или местопребывание, отношения с политической партией, то есть, проще говоря, занимаемый в ней пост). Затем в заявлении должны быть выражены просьба о роспуске партии, ее причины и основания.

Вынесению решения Конституционным трибуналом должны предшествовать прения сторон. Однако это не распространяется на случаи, когда обращение отклоняется или же трибуналом будет сочтено, что в проведении прений нет необходимости. Если при проведении прений назначаются поверенные, то эти обязанности могут принять на себя лишь лица, являющиеся адвокатами или профессорами права. Их количество не должно превышать трех человек от каждой из сторон. Конституционный трибунал может при необходимости давать поручения прокуратуре или судебной полиции, в том числе и относительно мероприятий по розыску и производству арестов. Эти действия осуществляются на основании соответствующих установлений Уголовно-процессуального кодекса и Положения о судебной полиции.

Прения в Конституционном трибунале открываются лишь в случае, если присутствует не менее трех четвертей великих судей. Судьи, не участвовавшие в прениях, не участвуют и в принятии решения. Решение о роспуске партии принимается двумя третями голосов, участвовавших в судебных заседаниях с прениями сторон.

Политическая партия, объявленная распущенной, должна полностью прекратить свою деятельность. Создание вместо нее другой организации с аналогичными целями запрещается. Распущенная партия теряет право про-

порционного представительства в соответствующих выборных органах по партийному списку с момента вступления в силу решения о роспуске.

Законом предусматривается также возможность приостановления Конституционным трибуналом полностью или частично деятельности политической партии еще до вынесения судебного решения, если будет признано, что действия партии "уже угрожают безопасности государства или общественного порядка" (ст.31).

Такова в общих чертах нормативная основа деятельности Конституционного трибунала Тайваня. О его практическом функционировании сообщений не поступало.

Как уже говорилось выше, в состав Палаты юстиции входят Административный суд и Дисциплинарный комитет по делам государственных служащих. Палате подчинена система обычных судов Тайваня во главе с Верховным судом.

В *Административный суд*, по идее, может обратиться любое лицо, считающее, что его права нарушены административными действиями центрального или местного правительственного органа и начать в этом суде процесс против соответствующего органа (но, разумеется, далеко не любой гражданин Тайваня сможет нанять адвокатов, которые сумели бы противостоять опытным юристам правительственных органов). Административный суд Тайваня имеет в своем составе три палаты (трибунала).

В административном процессе истцом является частное лицо, а ответчиком - правительственный орган. Дела в Административном суде рассматриваются комиссией из пяти судей. Суд рассматривает как фактические обстоятельства дела, так и правовые вопросы (соответствие или несоответствие закону тех или иных действий). Он проводит судебное расследование и устные слушания, руководствуясь Административно-процессуальным кодексом. Поскольку рассматриваемые им дела уже прошли обжалование в административном порядке, решения Административного суда являются окончательными. Однако в отдельных, строго лимитированных случаях разрешается повторное слушание дел.

Компетенция *Дисциплинарного комитета по делам государственных служащих* распространяется на дела о неправомерных действиях, упущениях или другом пренебрежении обязанностями со стороны государственных служащих. Дела могут возбуждаться самим комитетом или главами палат (юаней), министерств и комиссий Исполнительной палаты, местной администрации. Установлена определенная процедура рассмотрения таких дел, предусматривающая предоставление привлекаемым к ответственности письменных объяснений, заслушивание в случае необходимости устных объяснений и т.п. Комитет может вынести решение о применении следующих взысканий: увольнение, отстранение от должности, понижение в должности, снижение жалования, предупреждение о служебном несоответствии, выговор.

Система обычных судов Тайваня возглавляется *Верховным судом*, который по первой инстанции дел не рассматривает, но рассматривает лишь жалобы на решения нижестоящих судов. При этом в качестве второй инстанции он может рассмотреть дело, прошедшее нижестоящий суд (это суд высшей ступени) по первой инстанции или принять дело уже рассмотренное этим судом по второй инстанции (то есть в отличие, например, от КНР дело может рассматриваться тремя инстанциями). Однако во всех случаях судебное решение нижестоящего суда может быть обжаловано в Верховном суде, лишь если это решение нарушает закон или иной нормативный акт. Рассмотрением фактических обстоятельств дела Верховный суд не занимается и по-

этому судебное производство по документам является в этом суде правилом, тогда как устное производство - исключением. Дела в Верховном суде рассматриваются коллегией из пяти судей, спорные вопросы решаются по большинству голосов судей. Слушания закрыты для публики. Организационно Верховный суд разделен на семь палат (судебных присутствий) по гражданским делам и десять - по уголовным делам.

Суд высшей ступени, как уже отмечалось выше, на Тайване один, но у него имеется четыре отделения в Гаосюне, Тайчжуне, Тайнине и Хуаляне. Кроме этого, судебный орган того же уровня действует на территории архипелагов Цзинмынь и Мацзу, формально являясь отделением Фуцзяньского суда высшей ступени. Суд высшей ступени рассматривает по первой инстанции уголовные дела о мятеже, измене и преступлениях против дружественных отношений с иностранными государствами. По второй инстанции им рассматриваются жалобы на решения и определения окружных судов. В этом суде, кроме гражданской и уголовной палат, функционируют палаты по делам несовершеннолетних, по трудовым и транспортным делам. Дела в суде высшей ступени рассматриваются коллегией из трех судей.

Окружные суды являются основными судами первой инстанции. В настоящее время на Тайване 17 окружных судов и два отделения окружных судов.¹¹ В окружных судах создаются гражданские и уголовные палаты и палаты суммарного (упрощенного) судопроизводства по уголовным и гражданским делам. Последних во всем тайваньском регионе 44. Кроме того, могут быть созданы специализированные палаты по делам несовершеннолетних, семейным, транспортным и трудовым делам. Дела в окружных судах рассматриваются, как правило, одним судьей, но наиболее важные или сложные дела - коллегией из трех судей. Палаты суммарного производства - относительно новый институт судебной системы Тайваня, ненасчитывающий и десятилетия своего существования. Эти палаты ведут рассмотрение несложных уголовных и гражданских дел по системе упрощенного судопроизводства одним судьей. Решение палаты суммарного производства может быть обжаловано в уголовной или гражданской палате окружного суда, где дело будет рассматриваться вновь тремя судьями.

Судебные округа не обязательно совпадают с административно-территориальным делением. Председатели судов всех ступеней и председатели палат назначаются.

Органы прокуратуры создаются по местам нахождения судов. Поскольку Верховный суд всегда должен размещаться в том же месте, где и правительство, генеральный прокурор также находится в столице островного государства де-факто. И так по всем ступеням судов. Прокуроры проводят предварительное следствие, предъявляют и поддерживают в суде публичное обвинение. Наиболее важные уголовные дела расследует следственное управление (бюро расследований) Министерства права.

Судебная система Тайваня является объектом многих нареканий, исходящих как от самих судей, так и извне. Требования судей сводятся, главным образом, к осуществлению их реальной независимости, включая финансовую, защиты от вмешательства в их профессиональную деятельность политических структур, в том числе правящей партии, защиты от вызова правосудию со стороны гангстеров. В мае 1994 г. даже имела место демонстрация в Тайбэе пятиста судей, потребовавших от Национального собрания изменить действующую Конституцию Китайской Республики 1947 г., с тем чтобы предоставить Палате юстиции больше контроля за своим бюджетом, гарантиро-

вать судьям свободу от вмешательства извне в судебные процессы и право избирать председателей местных судов¹².

Если же взять критику судебной системы Тайваня извне, то более половины опрошенных в 90-гг. после снятия режима чрезвычайного положения по вопросам отношения к судам выражали уверенность в том, что судебные решения принимаются "под влиянием политики денег". Некоторые респонденты также отмечали, что следственные органы не принимают достаточных мер против такого рода правонарушений.

Люди, занятые в бизнесе, также выступают за судебную реформу, говоря о низком качестве выносимых судебных решений, результатом чего является нанесение им экономического ущерба. Они отмечают, что юстиция должна представлять "справедливость общественного порядка и масштаб общественного диалога". Говорится и то, что иностранные инвесторы не вкладывают средства там, где не существует разумных судебных систем.

Аналитики интерпретируют такие призывы к изменению судебной системы как естественное следствие демократизации Тайваня в последние годы. За реформами в сфере управления и законодательстве, говорят они, изменения в судебном секторе власти неизбежны.

Проблемы реформы судебной системы на Тайване сейчас сосредоточены на трех вопросах: недостаток независимости Палаты юстиции, влияние правящей политической партии и качество самих судов.

Первый из этих вопросов прямо связан с правительственной структурой Тайваня. Как известно, она построена по суньятсеновской схеме сдержек и противовесов пяти высших органов государства: Исполнительной палаты, Законодательной палаты, Палаты юстиции, Экзаменационной палаты и Палаты контроля. По Конституции 1947 г. Палате юстиции установлен такой же статус в системе сдержек и противовесов, как и другим четырем палатам. Но она фактически ущемлена в правах, так как не контролирует своего бюджета и набор персонала. В отличие от Исполнительной и Законодательной палат, составляющих свои бюджеты, годовой бюджет Палаты юстиции проходит Исполнительную палату и затем представляется Законодательной палате. Набор персонала также является объектом посторонних влияний, поскольку планы набора должны быть согласованы и с Экзаменационной палатой, проводящей сертификационные тесты (отдельно для судей, прокуроров и адвокатов), и с Центральной кадровой администрацией Исполнительной палаты.

Во-вторых, судебный сектор власти находится под влиянием правящей партии, которая по-прежнему считает необходимым придерживаться уже отходящей в прошлое системы правительственных органов под объединенным партийным контролем, сложившейся при Чан Кайши. Сейчас такой контроль ослаблен, но до недавнего времени судьи активно поощрялись к вступлению в правящую партию, чем нарушался конституционный принцип их независимости.

Третье - низкое качество судебных решений, что является следствием нехватки судей и их перегруженности. Социальные изменения на острове в течение последних десяти с лишним лет вызвали увеличение числа судебных дел, но количество судей пропорционально не выросло. Каждый из имеющихся на Тайване 618 судей ежедневно ведет два уголовных и четыре гражданских дела, одновременно участвуя в продолжающихся слушаниях в суде. По неофициальным подсчетам, каждый судья ежедневно готовит документы общим объемом 3000-5000 слов, не имея при этом помощников, которыми располагают его коллеги в других странах и регионах. Кроме того, что судей недостаточно, многие из них моложе возрастных стандартов для судей, установившихся в США и большинстве европейских стран. На Тайване судьей может

стать выпускник колледжа, прошедший затем четырехгодичную правовую подготовку по программе бакалавра права, сдавший экзамен на судебный сертификат и закончивший после этого 18-месячный курс профессиональной подготовки. Конечно, образовательная база солидная, но для судьи, кроме этого необходим жизненный опыт. Средний же возраст вновь назначенных окружных судей - примерно 29 лет. Поэтому сторонники судебной реформы, для того чтобы избежать неверных судебных решений, принимаемых из-за отсутствия опыта, предлагают назначать кандидатов на судебные должности сначала помощниками судей, давая им возможность поработать в этом качестве несколько лет.

Надо при этом сказать, что на Тайване в прошлом проводились реформы судебной системы, направленные на усиление ее эффективности. Но такие реформы оставались незаметными, поскольку были направлены на решение отдельных проблем. Так, некоторые реформы имели место в период 1987-1994 гг., когда председателем Палаты юстиции был Линь Янган. Среди них надо отметить компьютеризацию судов, учреждение палат суммарного производства, широкое распространение условного осуждения при рассмотрении судами незначительных уголовных дел. В тот же период было удвоено жалование вновь назначенных судей и построено жилье для них.

Эти реформы не изменили, однако, представления общественности о судебной системе Тайваня. При опросе общественного мнения журналом "Тянься" в июне 1994 г. только 20% опрошенных выразили доверие существующей судебной системе. В то же время 80% респондентов выразили уверенность в том, что деньги и нелегальное лоббирование должны помочь выиграть дело в суде. Среди тех же, кто имел опыт судебных тяжб, девять из десяти были уверены, что на решения судей оказывается внешнее влияние. Неверие в юстицию подогревается сообщениями СМИ о получении подарков судьями и прокурорами.

Так или иначе, судебная реформа на Тайване приобрела значение первостепенной политической важности. Важнейшей задачей назвал ее Президент Тайваня Ли Дэньхуэй в новогоднем послании 1995 г. Вице-президент и премьер правительства Лянь Чжань в выступлении перед журналистами "Повысить конкурентоспособность государства, принять вызов XXI века" осенью 1996 г. декларировал следующее: "В ходе судебной реформы должны добиться полной власти закона, обеспечив справедливость судебных решений и равенство всех граждан перед законом, а также "чистоту" и эффективность следствия и судебного разбирательства"¹³.

Возглавивший в сентябре 1994 г. Палату юстиции Ши Циян, демонстрируя твердое намерение взяться за решение насущных проблем своего ведомства, вышел в отставку с занимавшихся им постов в ЦК Гоминьдана и Национальном собрании. Одновременно по его инициативе Палатой юстиции был сформирован Временный комитет по реформе существующей судебнопроцессуальной системы и других практических вопросов судопроизводства, в который вошли сначала 25, а затем 30 юристов, депутатов Национального собрания и членов Палаты контроля. Комитет решил, что предстоящие реформы будут включать: 1) установление избрания председателя Палаты юстиции великими судьями из их числа вместо назначения Президентом с согласия Национального собрания; 2) расширение полномочий великих судей в отношении толкования Конституции; 3) пересмотр процессуальной системы и улучшение качества судопроизводства; 4) расширение самоуправления судей; 5) объединение сертификационного экзамена для судей, прокуроров и адвокатов, установление общих для них тестов.

13 июня 1996 г. Палата юстиции одобрила законопроект, запрещающий судьям всех уровней политическую деятельность. С вступлением в должность судьи должны приостанавливать членство в политических партиях. Проекту предстоит еще немалый путь через Исполнительную и Законодательную палаты. Он не проходит гладко даже на предварительных стадиях, вызывая различные возражения, в том числе и обвинение авторов законопроекта в ограничении гражданских прав судей¹⁴.

Путь судебной реформы на Тайване самими юристами острова характеризуется как длительный и не без ухабов. "Его достижения определить не так легко, как рост национального продукта на душу населения," - говорят они¹⁵.

1. В источниках на русском языке Палата юстиции называется также Судебным юанем или Юридической палатой.
2. В тайваньских и зарубежных англоязычных изданиях фигурирует как Ministry of Justice.
3. Тайвань. Краткие справочные сведения. - М.: ИДВ РАН, 1995. - Вып. IV. - С. 25.
4. Там же, с.24.
5. The Free China Journal. 1994. - Aug. 26. - Vol. XI. - N 33. - P. 2.
6. Авторы при подготовке статьи использовали текст указанного закона, опубликованного в сборнике "Цзуйсинь люфа цюаньшу" ("Новейшая полная книга шести отраслей права"), Тайбэй, 1996, сс.24-26. Из того же источника взяты используемые в статье тексты Закона об организации Палаты юстиции и Закона об организации судов (соответственно сс. 22-24 и 26-31).
7. Приказ (минлин) в данном случае следует толковать расширительно, имея в виду все нормативные акты, не подпадающие в категорию законов.
8. В частности, толкованием N224 (1988 г.), объявлявшим неконституционными несколько статей Закона о налогах, предусматривался, как максимум, двухгодичный срок для изменения соответствующих статей. Несколько ранее, в 1987 г., толкованием N218 для исправления нормативного акта Министерства финансов был дан шестимесячный срок.
9. The Free China Journal. - 1995. - Aug. 4. - Vol. XII. - N 29. - P. 2.
10. The Free China Journal. - 1995. - Oct. 20. - Vol. XII. - N. 40. - P. 2. Нумерации толкований от 28 июля и 13 октября 1995 г. в источниках не содержится.
11. Все данные о количестве различных видов судов и их внутренней организации - по ежегоднику The Republic of China Yearbook 1996, p.80-81.
12. The Free China Journal. - 1995. - Jan. 27. - Vol. XII. - N. 4. - P. 7. Из этого же источника взяты другие данные, характеризующие современное состояние судов Тайваня и предполагаемую судебную реформу. См. также - Тайвань. Краткие справочные сведения. - М.: ИДВ РАН, 1995. - Вып. V. - С. 28-31.
13. Свободный Китай, 1996, N6, с.4.
14. The Free China Journal. - 1996. - Jun. 22. - Vol. XIII. - N. 23. - P. 2.
15. Ibid. - 1995. - Jan. 27. - Vol. XII. - N. 4. - P. 7.

Экономика

Некоторые подходы к проблеме сравнения экономических реформ в Китае и России

© 1997

Фэн Шаолэй

Сравнение самого процесса, путей и методов проведения экономических реформ в Китае и России представляет собой, несомненно, громадный научно-практический интерес, хотя, признаться, это совсем нелегкое дело. Такое сравнение может помочь найти ответы, скажем, на такие важные вопросы: Могут ли избранные пути привести к модернизации экономики в этих странах? Какое влияние могут оказать используемые методы перехода от плановой к рыночной экономике в наших странах на современную западную экономическую науку? На какие экономические факторы стоит прежде всего обратить внимание, выявляя общее и особенное в путях преобразования всей экономической системы? Какое влияние на современный меняющийся мир могут оказать практические успехи перехода от плановой к рыночной системе в Китае и России, равно как и их теоретическое осмысление? В данной статье читатель не сможет найти ответы на все эти вопросы: это проблема многих исследований. Однако автор хотел бы обратить внимание на следующие важные, на его взгляд, узловые моменты и подходы, с помощью которых можно приблизиться к уяснению сути проблем модернизации в наших странах.

Основные условия осуществления экономических реформ в Китае и России

Обе страны находятся в процессе перехода от традиционной плановой экономической системы к рыночной, что и дает основание для сравнения путей и методов осуществления этого перехода. Известная идентичность характера исторически сложившихся экономических систем предопределяла в чем-то единую логику поведения руководства наших стран. Так, и в Китае, и в России прежде всего были предприняты попытки как-то улучшить систему хозяйствования государственных предприятий, сделать ее более экономически эффективной, то есть в качестве объекта экономических реформ стали рассматриваться государственные предприятия. И следует сказать, что ни в Китае, ни в России этот объект до сих пор в общем-то не реформирован. Сле-

довательно, именно эта проблема может стать исходным пунктом сравнительного исследования процесса реформ в наших странах.

Говоря о сходстве к началу реформ характера экономических систем в Китае, СССР и некоторых странах Восточной Европы, следует отметить, что в целом они придерживались и единой стратегии развития, заключавшейся в преимущественном развитии тяжелой промышленности путем централизации средств в руках государства. Это формировало и сходную макрополитическую среду, и схожую систему распределения ресурсов и, естественно, сходную систему хозяйствования государственных предприятий - с чрезвычайно низким уровнем самостоятельности и ответственности за эффективность их работы. В связи с этим можно говорить о том, что любой успех, достигаемый в деле реформирования государственных предприятий в Китае или любой другой из названных стран, имеет известное общее значение для перехода всех этих стран к рынку.

При этом, однако, нельзя не учитывать тех различий, которые были свойственны нашим странам, структуре экономики и населения, уровне жизни и т.п. Так, по уровню индустриализации и развития науки и техники Россия намного опережала Китай. В сущности, только Россия была в состоянии превзойти США в каких-то областях развития науки и техники. Или такой факт: в России свыше 3/4 населения проживает в городах, свыше 95% населения было занято на государственных предприятиях города и деревни. В Китае, напротив, 3/4 населения проживает в деревне и занято не только сельскохозяйственным, но и промышленным трудом в негосударственном секторе экономики. Влияние этих различий на проведение реформ очевидно. Свыше 95% работников государственных предприятий города и деревни России находились под всесторонней защитой государства. Как только такого рода защита была снята или существенно ослаблена, начались расшатывание или развал основ старой системы. В Китае, напротив, созданные в деревне за время реформы многочисленные негосударственные промышленные предприятия осуществляют наем работников высвобождающихся из сферы сельскохозяйственного труда, то есть создают возможность трудоустройства крестьян в системе складывающихся рыночных отношений на сельских промышленных предприятиях. Наконец, Китай пользуется значительной поддержкой со стороны зарубежных китайцев-эмигрантов, в то время как Россия не располагает такой поддержкой: российские эмигранты не проявляют подобного энтузиазма, не вкладывают капиталы на своей родине.

Учитывая известное сходство характера прежних экономических систем в Китае и России, надо также помнить, что широта и глубина внедрения этой системы в наших странах были различными. В Китае гораздо слабее было и влияние централизованного планирования, чем в СССР. Как говорится, нет худа без добра: десятилетний хаос во время "культурной революции" существенно снизил роль централизованного планирования и макрорегулирования. В этих условиях местные органы власти и были вынуждены создавать свои мелкие и средние промышленные предприятия.

Характерные черты реформ в Китае и России

В Китае проведено немало исследований этой важной проблемы. Точки зрения китайских ученых не столько противостоят, сколько дополняют друг друга.

Самой характерной чертой китайских реформ обычно считается постепенность их осуществления, а российских - радикальность. Особенно ярко эта черта начала проявляться в России с 1992 г. Однако если мы возьмем более длительный период, то обнаружим, что те постепенные реформы, которые Китай начал проводить в 80-е годы, в бывшем СССР намечались и частично

осуществлялись уже со середины 50-х годов, в 60 и 70-ые годы. В сущности, после 1992 г. радикальность реформы в России проявилась только в либерализации цен и торговли, а чуть позже - во всеобщей приватизации, впрочем цены на нефть и хлеб и хлебопродукты до сих пор еще не отпущены, как объясняют - в связи с различного рода трудностями.

Иногда спрашивают, в чем все-таки самое существенное различие путей осуществления реформ в Китае и России? В том, что в одном случае реформируется сначала некоторое ядро экономической системы, а потом ее, так сказать, периферия или наоборот? А может необходимо найти сначала источник инвестиций для структурной перестройки государственных предприятий вне системы? Молодой китайский экономист Фань Ган считает, что в Китае в условиях, когда в целом государственные средства для этих целей оставались ограниченными, рост капиталовложений в ходе реформы осуществляется в основном за счет накоплений в негосударственных секторах экономики. После 1992 г. удельный вес негосударственных предприятий в производстве валовой продукции составил 50%. В то время как в России в условиях, когда негосударственный сектор еще не сложился и, следовательно, отсутствовала возможность увеличения капиталовложений за его счет, пришлось встать на путь "шоковой терапии", то есть всеобщей либерализации цен, с расчетом, что "все отрегулирует рынок". Предприятия в этих условиях не могут развиваться за счет государственных средств, так как их почти нет, и не в состоянии войти в рынок, не проведя необходимую реконструкцию производства. Вот почему мы можем сказать, что *самое существенное различие путей проведения реформ в Китае и в России* состоит в том, что в Китае вначале был подготовлен негосударственный источник финансирования, а в России главным и все уменьшающимся источником финансирования по-прежнему остается государственный бюджет.

Разумеется, различную роль играют и правительства в наших странах. Можно, конечно, "заставлять", просто "отнимать" средства, а можно и "соблазнять" выгодой вложения средств. В России, начиная с 1992 г. и кончая "черным вторником" в октябре 1994 г. государство не раз обесценивало вклады населения (я был свидетелем этого) и средства предприятий самым грубым образом, не найдя путей их эффективного инвестирования. В Китае же средства привлекаются путем выпуска займов и создания фондовых рынков. Так, с 1990 по 1995 год 1/4-1/5 капиталовложений в районе развития Пудуне в Восточном Шанхае было получено с рынка акций. В этом - главное различие в методах проведения реформ в Китае России.

Некоторые конкретные процессы реформ в Китае и России

Вследствие в общем сходных исторических условий в наших странах логика реформ на начальном этапе виделась примерно одинаково. Когда обнаружили дефекты сложившихся экономических систем в Китае и СССР руководство наших стран попыталось исправить их с помощью реформ. Сначала они выразились в попытках разделить права центральных и местных органов власти. В СССР попытались это сделать уже в середине 50-х годов, в Китае - после "культурной революции".

Далее, в результате неудачных попыток улучшить систему распределения ресурсов административным путем наши страны попытались выработать экономический механизм стимулирования эффективного хозяйствования. Это явилось главным содержанием реформы, начатой в СССР в 1965 г., а в Китае - в 1978 г. Предприятиям была предоставлена некоторая хозяйственная самостоятельность, вводилось материальное стимулирование труда. Такого рода изменения в микроэкономике расшатывало устои административной

системы управления производством и открывало простор для углубления реформ.

В принципе содержание реформ в хозяйственного микромеханизма, принимавшиеся в наших странах в 80-е и в первые два года 90-х годов, были сходными. Они прошли примерно такой путь: сначала расширялась хозяйственная самостоятельность предприятий и усиливалась роль материального стимулирования, хотя общая структура экономики оставалась неизменной. Тем не менее это поднимало трудовую активность работников на предприятиях сами предприятия проявляли известную предприимчивость, на них устанавливался режим производственной ответственности, предприятия постепенно втягивались в рынок.

Наряду с этим государство сокращало поддержку предприятий и заботу о них по типу "отцовской власти и материнской любви". В этом отношении плановая высокоцентрализованная система в бывшем СССР оказалась более неповоротливой и испытывала на себе несравненно большее давление со стороны предприятий, чем в Китае.

Тем не менее самым значительным различием в хозяйственном микромеханизме Китая и России явился тот факт, что в Китае на первом этапе реформ в деревне быстро прижился семейный подряд, заменивший коллективную форму хозяйствования. В первые годы китайское правительство не решалось отменить сложившуюся систему производства в деревне. Но уже к концу 1983 г. 98% сельскохозяйственных кооперативов приняло новую систему. В следующем году правительство разрешило продлить срок подряда на обрабатываемом участке земли до 15 лет.

В 80-е годы СССР в конце концов декларировал необходимость широкого движения арендаторов в сельскохозяйственном секторе. Однако высокомонополизированная и застывшая система распределения ресурсов сковала свободу их хозяйствования. Я был тогда в СССР и видел, как первые арендаторы, покинув колхоз и с трудом получив участок земли, никак не могли получить кредиты, приобрести сельхозмашины, удобрения. Мешала проведению реформы и традиционная общинная идеология коллективизма. Вплоть до распада СССР лишь очень незначительная часть сельского населения была готова покинуть колхоз или совхоз и вести индивидуальное хозяйство. Возможно, большие площади земли и сложные климатические условия вынуждают население деревни искать опору в коллективных формах ведения сельского хозяйства.

Громадная разница между Китаем и Россией наблюдалась и в сфере реформирования прежней системы распределения ресурсов, что сказывается на общей схеме реформы. Разумеется, наши страны в первые годы делали и какие-то однотипные шаги. Для Китая, однако, характерна определенная непрерывность и постепенность осуществления реформы в этой важной, если не центральной, сфере. Под давлением предприятий, получивших хозяйственную самостоятельность, в Китае расширилось внефондовое снабжение ресурсами. Розничная торговля постепенно освобождалась от контроля плановых органов. К концу 1984 г. право предоставлять кредит было передано банкам. Китай уже опережал Россию.

Но, пожалуй, ключевым изменением ситуации явился неожиданный результат смягчения режима планового снабжения предприятий ресурсами: в Китае стали бурно развиваться негосударственные промышленные предприятия. Оказалось, что по степени влияния на весь ход реформ в стране это явление важнее даже самой реформы в сельском хозяйстве. Во-первых, на них производятся необходимые для города и деревни товары; во-вторых, на них проверяются экспериментальные шаги реформы всей экономики; в-третьих, производственная структура этих предприятий больше согласуется с таким

преимуществом Китая, как объем трудовых ресурсов, нежели структура государственных предприятий; трудоемкие производства этих предприятий смягчали проблему трудоустройства освобождающихся работников сельскохозяйственного производства.

К сожалению, до 80-х годов в бывшем СССР почти не наблюдалось подобных изменений. Дело вовсе не в том, что население не проявило желания развивать кооперативную экономику. Есть данные, что в середине 80-х годов в СССР примерно 18 млн. человек, участвуя в кооперативном труде после основной работы, получали неплохой доход. Некогда исчезнувший слой частных предпринимателей быстро воскресал. В социологических исследованиях бывшего СССР показывалось, что складывается социальный слой, зарабатывающий себе легально или нелегально подсобными методами. В это время в сфере услуг оборот средств "теневой экономики" составлял 1,6-1,8 млн. рублей, что было в два раза больше общей суммы оборотного капитала всех государственных предприятий этой сферы.

Любопытно, что М.С.Горбачев тогда хвалил работу кооператоров. Однако кооперативная экономика так и не получила в СССР юридического признания. Возможно, эта экономика, в случае ее бурного развития, грозила старой сложившейся экономической системе своей активной конкурентоспособностью, и кое-кто этого боялся. И в официальных кругах, и в народе к кооперативной экономике относились как к чему-то незаконнорожденному, жуликоватому. Чрезвычайная важность этого экономического фактора в деле реформирования экономики, к сожалению, не была оценена должным образом.

Различие макроэкономических подходов к реформированию в Китае и России

В макроэкономических подходах к реформированию в Китае и в России наблюдаются коренные различия. В обеих странах макроэкономическое регулирование было начато с реформы цен. Однако в Китае примерно десять лет поддерживалась "двухколейная" система цен. Только в 1994 г. свыше 80% товаров стало поступать в зону свободного ценообразования. Между тем как в России в начале 1992 г. в течение нескольких недель свыше 95% товаров вдруг были освобождены от ценового контроля.

Аналогично: в Китае с 1981 г. и до второй половины 90-х годов поддерживалась система "двойного курса валют" - официальная и в пунктах обмена валют для нерезидентов, то есть не для населения Китая. В России же в целом свободный обмен валют был введен за очень короткий срок.

В результате столь крупных поворотов в макросфере государственные предприятия России были совершенно не способны функционировать по-старому, и после "шоковой терапии" у правительства остался единственный выход - путь спешной массовой приватизации.

Политика постепенных, поэтапных реформ в Китае хотя и не привела пока к коренным изменениям производственной структуры государственных предприятий, тем не менее способствовала их адаптации к работе в "двойном" параллельном режиме, облегчая переход к рынку. К тому же увеличение капитала на негосударственных предприятиях смягчало кризисное положение на государственных предприятиях.

Позволим себя прямо указать, что политика в макроэкономике привела к суперинфляции и непрерывному падению производства в России. Стабильность валютного курса здесь долгое время считалась как успех валютной реформы. Однако в декабре 1994 г. события "черного вторника" показали, что этот успех - миф.

Все названные факты реформы в России говорят о том, что экономика России еще очень далека от стабилизации. Ее состояние сродни некоей "депрессии", которая наблюдалась в странах с классической рыночной экономикой. Кризис, представляется, еще не достиг своей высшей точки. В противоположность этому в Китае вот уже более десяти лет сохраняется непрерывный рост, и есть основания полагать, что эта тенденция сохранится.

Перспективы экономических реформ в Китае и России

Стоит обратить внимание на тот факт, что хотя экономические реформы в Китае и России продвигались различными путями, в 1995 г. обе страны подошли к тому рубежу, когда усилия были направлены на реформирование основного объекта реформы - государственных предприятий. В России об этом свидетельствует стремление перейти ко второму ответственному этапу приватизации, который неминуемо связан с проблемой банкротства; в Китае также нащупываются подходы к коренной структурной перестройке государственных предприятий, с тем чтобы в рыночной среде сформировать современный тип самостоятельно хозяйствующих предприятий. В этом смысле можно утверждать, что реформы в наших странах подошли к ключевому моменту модернизации экономик.

Перед государственными предприятиями наших стран стоят в целом однотипные проблемы, которые необходимо преодолеть, - низкая экономическая эффективность, избыток рабочей силы, нехватка средств, убыточность.

В России пока не заметны успехи приватизации, хотя объявлено, что уже 50% предприятий приватизировано, но нет свидетельств о повышении их экономической эффективности, как предполагалось, слабо формируется средний класс, не создается база для повышения благосостояния. Словом, приватизация здесь все еще поверхностна, предстоит ее существенное углубление.

У каждой из наших стран есть свои проблемы в области политики на общегосударственном и региональном уровнях, которые, естественно, по-разному влияют на решение этого ключевого момента модернизации экономик.

Углубление политики приватизации в России столкнется с проблемой банкротства предприятий, что связано с трудоустройством освобождающихся работников, с проблемой капиталовложений для реконструкции производства и внедрения современных технологий, с проблемой сбыта продукции на внутреннем и внешнем рынках - все это чрезвычайно труднорешаемые проблемы.

Нет полной уверенности и в том, что международный валютный фонд и Мировой банк будут последовательны в выполнении своих обещаний о предоставлении льготных кредитов.

Перед китайской экономикой в этой области стоят такие же проблемы. К тому же в целом не развитая инфраструктура, отсталое сельское хозяйство, серьезные различия в уровнях развития различных регионов страны - все это осложняет реструктуризацию государственных предприятий.

На общегосударственном уровне политики реформ в Китае и России уже выявились следующие проблемы: во-первых, - это налогообложение предприятий. Россия меняет налоговую политику, обещает меньше взимать налогов. Выработаны политические установки о валютных отчислениях для предприятий, работающих на экспорт, и о налоговых льготах для предприятий с зарубежным капиталом. Время покажет, что и как эти шаги изменят. В Китае работают над двумя проблемами в налоговой политике: а) выработка принципов разделения налогов между центральным и местными правительствами; б) расширение сферы действия налога на добавленную стоимость. Можно говорить об определенных успехах, достигнутых в этой области. Правда, вследствие отмены прежней установки о возвращении кредитов до выпла-

ты налогов, в известной степени ослаблен механизм накопления капитала предприятиями. Неблагоприятно сказывается на реформе предприятий и лишение местных правительств права предоставлять налоговые льготы предприятиям.

Во-вторых, наряду со смягчением финансовой политики в отношении предприятий, приходится вести очень осторожную валютную политику. Так, смогут ли более или менее успешно функционировать и развиваться российские предприятия в условиях, когда государство сократит финансирование в национальной и конвертируемой валюте? В Китае в условиях более или менее устоявшейся тарифной политики существует иная опасность для предприятий - инфляция. Контроль над ней должен быть согласован с экономическим ростом, а этого совсем нелегко добиваться.

Наряду с насущной необходимостью осуществления структурных реформ на предприятиях необходимо развивать инфраструктуру. Несколько это возможно? - тоже большая проблема. Развитая инфраструктура могла бы вернуть в свою сферу какую-то часть высвобождающейся на предприятиях рабочей силы. Однако работа в этом направлении также требует немалых средств, экономически необоснованная эмиссия которых может существенно углубить инфляцию.

Коренные преобразования государственных предприятий затрагивают интересы центра и мест, различных отраслей народного хозяйства, различных слоев населения. Наконец, они ведут к реформе всего политического строя. В этом отношении Китай и Россия стоят в конце 90-х годов перед очень трудными испытаниями.

Коренные преобразования предприятий как сердцевина модернизации происходят в Китае и России в условиях глубокого различия исторически сложившихся культур и традиций. Китай - центр древнейшей цивилизации народов Дальнего Востока, Россия же - перекресток на пересечении западной и восточной культур. Многовековая история конфликтов, слияний и заимствований восточной и западной культур выработана во многонациональном организме России известную гибкость, способность приспосабливаться к различного рода преобразованиям. Определенные успехи Китая в подъеме своей экономики, думается, усиливают уверенность России в целесообразности экономических преобразований в настоящее время. Весь вопрос в том, насколько гармонично войдет традиционная культура в жесткие индивидуалистические условия функционирования современного модернизированного общественного устройства.

Коренные преобразования предприятий связаны, конечно, и с внешней средой наших стран. В условиях все усиливающейся международной конкуренции будет ли эта внешняя среда сторонним наблюдателем, или станет оказывать то или иное влияние на процессы перехода наших стран от одной системы к другой? Вряд ли следует рассчитывать на первый вариант. Скорее конкуренция между США, Германией и Японией выявит, кто из них и в каком направлении будет влиять на процессы преобразований в Китае и России. Очевидно, та из держав, которая сможет установить эффективное сотрудничество с Россией и/или Китаем и одержит верх в конкуренции. Очень может статься, что такого рода внешний стимул будет способствовать или вынуждать Россию возрождать и развивать традиционные направления ее экономики - энергетику, военную промышленность, что может означать частичный возврат к прежней системе. Что касается Китая, то еще более вероятно, что он будет вовлечен в тесное экономическое сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе и других районах мира. В целом же, несмотря на различие тенденций в развитии Китая и России, они окажут глубокое влияние на изменение всей международной экономической структуры.

О жилищной реформе в КНР (на примере Шанхая)

© 1997

Д.Шаринов

Жилищная реформа является одним из ключевых элементов реформирования социальной сферы в КНР. Ее магистральным направлением является переход от нерыночных к рыночным методам распределения жилья. Опыт проведения жилищной реформы в Шанхае - крупнейшем мегаполисе Китая - весьма показателен: он официально был признан успешным и рекомендован к распространению в других районах страны.

К началу 90-х годов в связи с нехваткой средств у местных правительств и большинства предприятий пришла в упадок старая система, при которой распределение жилья производилось в натуральной форме в зависимости от должности, трудового стажа, наличия жилищных проблем и других факторов. В 1991 г. одним из первых в КНР Шанхай начал проведение жилищной реформы. Разработка ее концепции, идеологом которой стал зам. премьер-министра Госсовета КНР Чжу Жунцзи, было возложено на специально созданную Канцелярию по жилищной реформе. Основными составляющими реформы стали создание системы общественных фондов накопления, продажа занимаемого государственного и ведомственного жилья населению, повышение квартплаты и коммерциализация системы эксплуатации недвижимости.

Создание общественных фондов накопления (ОФН) было начато в мае 1991 г. При разработке законодательной базы их деятельности широко использовался сингапурский опыт. Руководство ОФН осуществляет шанхайский Центр управления общественными фондами накопления, подчиненный городскому Управлению недвижимости.

ОФН являются одним из видов обязательных долгосрочных сбережений. Они финансируются за счет средств предприятий (в размере 5% от фонда зарплаты) и их работников (5% от зарплаты), а также выпуска специальных облигаций жилищного строительства¹. На конец 1996 г. системой ОФН было охвачено 98% рабочих и служащих города. В случае покупки жилья, выхода на пенсию или переезда из Шанхая осуществляется возврат индивидуальных взносов. За вычетом сумм возврата на конец прошлого года в ОФН было собрано 10,6 млрд. д. (1,3 млрд. ам. долл.).

Расходование средств ОФН в 1991-1996 гг. осуществлялось по следующим направлениям:

- Выдача кредитов на ведение жилищного строительства предприятиям (5,6 млрд. ю.) и городскому, районным и уездным правительствам (1,7 млрд. ю.).

- Осуществление прямых инвестиций в строительство некоммерческого жилья (0,87 млрд. ю.) с последующей продажей его по себестоимости особо нуждающимся горожанам (рабочим и служащим убыточных госпредприятий

и семьям, располагающим жилплощадью менее 4 кв. м на человека) или мелким и средним предприятиям, не способным самостоятельно вести жилищное строительство.

- Выдача потребительских кредитов на покупку жилья рабочим и служащим. За пять с половиной лет функционирования ОФН около 47 тыс. семей получили такие кредиты на сумму 2 млрд. ю.

- Выдача кредитов на реконструкцию старых районов и капитальный ремонт находящегося в аварийном состоянии жилья.

- Выдача кредитов на строительство важнейших коммунальных объектов.

- Продажа занимаемого государственного и ведомственного жилья населению была начата в Шанхае в 1993 г. Основными принципами китайской приватизации жилья² стали добровольность, возможность осуществления только один раз и погашения облигаций - 5 лет, за 1991-1996 гг. объем эмиссии составил 0,66 млрд. ю.

Согласно действующим правилам для покупки занимаемого жилья по себестоимости требуется выплатить отнюдь не символическую сумму: в переводе на СКВ от нескольких сотен до нескольких тысяч долларов США. Величина оплаты зависит от таких факторов, как базовая себестоимость 1 кв. м жилья, величина которой в Шанхае в 1994 г. была определена в размере 902 юаней (108 ам. долл.)³ времени постройки (годовая норма амортизации - 2%), района, этажа, имеющихся удобств, наличия излишков жилплощади, оплачиваемых по рыночной цене, а также от целого ряда льгот и скидок, связанных с величиной трудового стажа, должностями, накоплениями членов семьи на счетах ОФН и различных государственных и ведомственных субсидий. Приватизация жилья не облагается налогом с оборота и на операции с недвижимостью, после приватизации с владельца квартиры не взимается налог на недвижимость.

Всего на конец 1996 г. около 650 тысяч шанхайских семей приватизировали 34 млн. кв. м жилья, то есть около 50% подлежащего приватизации общественного жилого фонда, что является наивысшим показателем в КНР.

Полученные от приватизации жилья денежные средства поступают в специальные внебюджетные фонды организаций, являвшихся его владельцами (городского Управления недвижимости, районных и уездных правительств, различных предприятий и организаций), и целенаправленно используются ими для жилищного строительства, улучшения жилищных условий горожан, реконструкции старых районов, ремонта и эксплуатации жилого фонда. Например, средства от приватизации жилья, принадлежавшего шанхайским районным правительствам, расходуются следующим образом:

- на решение жилищных проблем работников районных правительств - 30%;

- на решение жилищных проблем наиболее нуждающихся, строительство жилья и важнейших коммунальных объектов - 30%;

- на реконструкцию старых жилых районов - 40%.

Согласно действующим правилам, в течение пяти лет после приватизации жилье может быть продано только обратно прежнему владельцу, а по истечении этого срока - свободно продаваться и сдаваться в аренду⁴. С целью оживления городского рынка недвижимости в августе 1996 г. в трех районах Шанхая, включая новый район Пудун, впервые в КНР в экспериментальном порядке было отменено это ограничение по времени и разрешено ведение коммерческих операций со всем приватизированным жильем.

Для преодоления трудностей по финансированию ремонта и эксплуатации жилых зданий и стимулирования платной приватизации жилья насе-

лением в 1991 г. было начато повышение квартплаты и поставлена задача ее сближения с уровнем коммерческой арендной платы. В качестве рационального соотношения между себестоимостью 1 кв. м и месячной квартплатой за 1 кв. м, реально равнявшегося в то время 700:1, было определено 120:1.

Повышение квартплаты осуществляется по принципу минимизации социальных издержек. В мае 1991 г., когда квартплата была повышена в два раза, предприятия начали выдачу целевых компенсаций нуждающимся семьям рабочих и служащих³. Был соответствующим образом повышен прожиточный минимум и различные социальные пособия. Кроме того, если уровень квартплаты превышает 5% доходов семьи, может быть подано заявление о ее сокращении. Повышение квартплаты не коснулось определяемых Управлением гражданской администрации наиболее нуждающихся семей, а также вышедших на пенсию управленческих работников и их вдов. Квартплата семей "павших в боях" была ограничена 15 юанями (1,8 ам. долл.) в месяц.

Одновременно была проведена работа по дифференциации уровня квартплаты в зависимости от района, наличия удобств, наличия излишков жилплощади и т.п.; стимулировался переезд населения из центральных районов на окраины.

На конец 1996 г. месячная квартплата в Шанхае составляла в среднем 1,17 юаня (0,14 ам. долл.) за кв.м. Поскольку такая квартплата покрывает лишь часть затрат по ремонту и эксплуатации, еще в 1993 г. составлявших в среднем 1,49 юаня (0,18 ам. долл.) на 1 кв. м., ее уровень по-прежнему остается заниженным и сохраняется необходимость в дальнейших повышениях. Согласно принятому Госсоветом КНР "Решению об углублении жилищной реформы в городах и поселках", к 2000 г. планируется довести уровень квартплаты до 15% от доходов семьи, в которую входят двое рабочих и служащих. Что касается платы за электричество, газ и воду, то в результате многократных повышений в настоящее время цены на них превышают себестоимость, причем для населения они выше, чем для предприятий.

Важным элементом жилищной реформы стала коммерциализация системы эксплуатации недвижимости, начатая одновременно с приватизацией жилья. При прежней системе эксплуатация недвижимости осуществлялась местными жилищно-эксплуатационными конторами, подчиненными городскому жилищно-эксплуатационному управлению. В настоящее время во всех жилых зданиях и микрорайонах, где приватизировано более 30% квартир, формируются соответственно эксплуатационные группы и эксплуатационные комитеты владельцев жилья. Они представляют собой организации самоуправления, защищающие интересы владельцев квартир, определяющие требования к ремонту и эксплуатации жилья и по своему выбору осуществляющие найм (и расторжение договоров о найме) компаний по эксплуатации недвижимости, заменивших ЖЭКи. В настоящее время в Шанхае насчитывается около 2100 эксплуатационных комитетов и 1540 компаний по эксплуатации недвижимости.

Установлено распределение ответственности за ремонт и эксплуатацию жилья после приватизации квартир. При оплате приватизации взимаются отчисления в фонд ремонта здания в размере 6-12% с организаций и 1,5% с частных лиц. После приватизации владельцы квартир за свой счет осуществляют их ремонт и отделку, а также пропорционально занимаемой площади совместно оплачивают ремонт здания и эксплуатационные расходы. Ремонт находящихся за пределами здания коммунальных сооружений пока осуществляется в прежнем порядке.

Таким образом, в принципе созданы условия для реальной коммерциализации системы эксплуатации недвижимости и прежде всего для конкуренции между компаниями по эксплуатации недвижимости. Однако пока произошедшие изменения, особенно реорганизация ЖЭКов в компании, нередко носят чисто формальный характер, отмечаются даже случаи совмещения должностей председателя эксплуатационного комитета владельцев жилья и директора компании по эксплуатации недвижимости. В перспективе планируется свести конкуренцию между такими компаниями исключительно к неценовой путем создания рейтинговой системы оценки качества их работы, унификации ставок оплаты и ограничения получаемой прибыли.

В настоящее время основной формой распределения жилья в Шанхае стало его платное распределение. В 1996 г. в Шанхае на рынке недвижимости по коммерческим ценам (составляющим в среднем около 5000 юаней, т.е. более 600 ам. долл. за 1 кв. м) было реализовано около 3 млн. кв. м жилья (около 1/4 от общего объема жилищного строительства в прошлом году). Во многом благодаря кредитам ОФН и банковским потребительским кредитам, за период 1990-1996 гг. доля жилья, купленного частными лицами, в общем объеме его коммерческих продаж выросла с 12,3% до 54%, а доля расходов на покупку жилья в расходах шанхайцев - с 3,4% до 5,7%³. На предприятиях города осуществляется переход к распределению жилья по льготным ценам с использованием кредитов ОФН. Вместе с тем, согласно заявлениям представителей местных властей, семьям с низким и средним уровнем доходов по-прежнему будет оказываться социальная помощь в решении квартирного вопроса.

За оказание такой помощи отвечает городская Канцелярия по решению жилищных проблем, которая ежегодно в обязательном порядке по себестоимости закупает квартиры у ведущих коммерческое строительство жилья городских организаций в количестве 20% от объема продаж за предыдущий год и по низким государственным ценам с предоставлением субсидий и кредитов ОФН продает его нуждающимся горожанам или их организациям. Одновременно путем предоставления льгот в области налогообложения и землепользования активно привлекаются китайские и иностранные инвестиции в строительство некоммерческого жилья. Поставлена задача к 2000 г. решить жилищные проблемы всех 60 тысяч шанхайских семей (около 3% от общего числа), располагающих жилплощадью менее 4 кв. м на человека.

Благодаря средствам, полученным в виде отчислений в ОФН и оплаты приватизации, обеспечивается примерно половина инвестиций в строительство некоммерческого жилья. В значительной степени благодаря этим средствам в течение 8-й пятилетки (1991-1995) удалось довести масштабы жилищного строительства до более 10 млн. кв. м в год, реконструировать половину старых жилых районов, обеспечить переезд в новые квартиры 10% населения города, повысить среднюю жилплощадь на одного шанхайца с 6,6 до 8 кв. м, а долю квартир со всеми удобствами - с 35 до 51% (к 2000 г. эти показатели планируется довести до 10 кв. м и 70% соответственно).

Таким образом, проведение жилищной реформы позволило при сохранении социальной стабильности достичь значительных сдвигов в маркетизации жилищной системы города и "жилищной психологии" горожан, обеспечить привлечение значительных средств населения для жилищного строительства и улучшения жилищных условий нуждающихся, повысить качество ремонта и эксплуатации жилого фонда. Вместе с тем колоссальный разрыв между средним уровнем зарплаты и ценами на недвижимость, пока затрудняет нормальное функционирование новой системы распределения жилья.

1. Эти облигации обязательны для покупки рабочими и служащими, получающими в пользование общественное жилье.
2. В китайских публикациях вместо термина "приватизация жилья" используются такие термины, как "продажа жилья населению" и даже "обобществление жилья".
3. В большинстве городов КНР ее величина значительно меньше и составляет 500-700 юаней.
4. С момента получения права на свободную продажу квартиры с ее владельца начинает регулярно взиматься арендная плата за землю, а при продаже квартиры необходимо оплатить право пользования землей.
5. При последующих повышениях в связи с финансовыми трудностями многих предприятий от таких компенсаций пришлось отказаться.
6. Вместе с тем такое кредитование пока развито довольно слабо: если в развитых странах на него приходится до 40% общего объема кредитов, то в Шанхае, где в настоящее время около 3 млн. кв. м жилья простаивает, не находя покупателя, - лишь 2-3%.

Социальная эволюция китайского крестьянства во второй половине XX века

© 1997

В. Курбатов

Крестьянство в Китае в отличие от стран Европы и России всегда считалось почетным сословием, труд землепашца был уважаем и престижен. Крестьянин имел право сдавать экзамены на получение ученой степени и в случае успеха приобщался к правящему сословию чиновников. Крестьяне, как правило, хорошо знали суть конфуцианского учения, его основные постулаты и принципы, знали и наиболее яркие эпизоды отечественной истории, ее героев и выдающихся деятелей. Трудолюбивый китайский земледелец обычно был патриотом и ярким приверженцем национальных традиций.

Однако в XX в. (в конце правления Цинской династии и особенно в период господства милитаристов) в положении крестьянства и в отношении к нему произошли серьезные изменения. Принятие новых республиканских законов (минь фа) лишило крестьян некоторых, освященных веками льгот и преимуществ, стали рушиться многие традиционные нормы обычного права, прежде всего привилегированных аренд ("вечной аренды" и долговременной аренды). Вторжение иностранного капитала в Китай сопровождалось наполнением внутреннего рынка страны зарубежными товарами и подрывом, а местами разрушением домашней промышленности, возникновением в ряде районов товарно-денежных отношений, ухудшением условий аренды земли и более широким распространением денежной ренты. Тяжело ударила по всем сельским жителям существовавшая во время правления милитаристов практика сбора налогов за многие годы вперед, усиление зависимости крестьян от чиновника, крупного землевладельца, ростовщика, деревенской верхушки; едва ли не повсеместно ускорило разорение мелких земледельческих хозяйств.

Говоря о крестьянстве в целом (до образования КНР), нельзя не отметить его социальную пестроту. Переходный характер китайской экономики в первой половине XX века выражался в наличии разнородных социальных структур и отношений, присущих различным общественно-экономическим укладам, что хорошо прослеживалось и в крестьянской среде. Очевидно, что крестьянин-середняк, ведущий преимущественно натуральное хозяйство, и середняк втянутый в сферу товарно-денежных отношений (в районах возделывания товарных культур - чай, шелк, тунг, табак) - это различные типы. Не могут быть отнесены к одной и той же социальной группе крестьян-бедняк, арендующий землю, и бедняк-собственник парцеллы. Особый слой составляли батраки (поденщики), часто не имевшие собственного хозяйства.

Тем не менее многие общие черты были присущи, если и не всему крестьянству, то его подавляющей части. К ним можно отнести трудолюбие, терпение, упорство, патриотизм, конфуцианское мировоззрение, дополняемое рядом религиозных представлений и суеверий, глубокая убежденность в пре-

восходстве всего китайского, некоторая ксенофобия, неграмотность, привязанность к земле, к своей деревне. В производственной деятельности - опора на традиционную практику и многовековой опыт, почти полное отсутствие каких-либо сведений о современной агротехнике, тем более - о машинной технике. Оторванность не только от мировой цивилизации и международных событий, но и от политической жизни своей страны, преобладание узкосемейных (клановых, деревенских) интересов. Приоритет семейных (клановых) интересов над личностными. Понятие о правах отдельной личности, о соблюдении ее интересов практически отсутствовало.

В первой половине XX в. идет интенсивный процесс разложения крестьянства, главным итогом которого становится массовое появление пауперизированного производителя, неспособного осуществлять даже простое воспроизводство, в том числе собственную рабочую силу. Это и предопределило развитие мощного крестьянского движения и активное участие крестьян в революционной борьбе.

С победой революции (1949) в ходе проведения социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве КНР часть социальных различий в крестьянской среде, унаследованных от старого общества, стала постепенно сглаживаться. Земельная реформа (1950-1954) положила конец помещичьей эксплуатации крестьянства, превратила крестьян в формальных собственников земли, явилась радикальной чисткой аграрных отношений от пережитков феодализма. Последовавшие вскоре за ней кооперирование деревни формально поставило почти всех сельских жителей в равное положение по отношению к земле и другим основным средствам производства, равно как и по отношению к властям.

Четверть века существования крестьян в производственных объединениях (СХПК и народных коммунах) привело к массовому обнищанию деревенского населения и резкому падению эффективности его труда, что, в конце концов, вынудило власти пойти на упразднение коллективных форм сельскохозяйственного производства. Деколлективизация села заметно усилила имущественную дифференциацию и привела к возрождению многих старых обычаев и суеверий, вплоть до активизации в некоторых местах деятельности тайных обществ.

Изменение социального облика тех или иных слоев населения - процесс длительный, и ряд различий, порожденных условиями старого Китая, продолжает существовать среди крестьянства до сих пор, хотя причины, их обусловившие, в основном устранены. По-видимому, по мере смены поколений земледельцев, эти различия будут постепенно отмирать, но вместе с тем, безусловно, появятся новые социально-экономические различия, что не трудно обнаружить уже в настоящее время.

Важно отметить, что в старом Китае психология сельской молодежи, ее взгляды, вкусы, нравы и обычаи формировались по традиционным канонам прежде всего в семье, а затем под воздействием пользовавшихся уважением и авторитетом соседей, знакомых, односельчан. Общество и государство активного участия в этом практически не принимали. Потому-то каждое новое поколение крестьян обычно в значительной степени повторяло предыдущее. Это было тем более естественно, что условия жизни и условия производства изменялись незначительно.

После победы революции ситуация стала иной. Условия производственной деятельности (и в известной мере условия жизни) существенно изменились. Уменьшилась роль семьи в воспитании и формировании молодого поколения. И, наоборот, большую роль в этом стали играть общественность и

государство. Появились школы, читальни, элементарное медицинское обслуживание, пионерские и комсомольские организации, клубы, кружки по передаче передового производственного опыта, по изучению современной агротехники и т.п. Сеть радиовещания (а затем и телевидения) из года в год охватывала все большую территорию страны. Кругозор обитателей деревни постепенно расширялся, повышался их общеобразовательный и культурный уровень. За неполные полвека существования КНР в социальном, экономическом и культурно-психологическом облике китайского населения, включая громадную массу сельских жителей, произошли значительные перемены. Важная роль в этом принадлежит смене поколений (в дальнейшем имеется в виду смена поколений китайского крестьянства).

В демографии под поколением понимается интервал между рождением отца и его первого сына, матери и ее первой дочери. Этот интервал у мужчины и женщины неодинаков, он разнится примерно на 5-6 лет: интервал между рождением отца и его первого ребенка в законном браке обычно колеблется в пределах 26-30 лет, а между рождением матери и ее первого ребенка - от 20 до 24 лет.

Стремительный ход событий в Китае делает такой интервал слишком большим, когда в одном демографическом поколении оказываются люди, чей социальный и культурный облик существенно отличается друг от друга. Мы под поколением крестьян условно принимаем общее число сельских жителей, родившихся за одно десятилетие; например, с 1930 по 1939 г. - поколение 30-х годов, с 1940 по 1949 г. - поколение 40-х гг. и т.д.

К началу второй половины XX века (когда народная революция уже победила и была образована КНР) основную массу трудоспособных жителей составляли поколения девятилетних, десятих и двадцатых годов, а поколение 30-х гг. как раз начинало вступать в трудовую деятельность. Все эти люди родились, выросли и сформировались при старом режиме. Жизнь подавляющего большинства этих крестьян (и их семей) была тяжелой и безрадостной, они в полной мере испытали на себе голод, нищету, несправедливость, зависимость от "сильных мира сего". Обычно они были неграмотными или в лучшем случае малограмотными, старательно соблюдали вековые традиции, в жизни и труде опирались на прошлый опыт, не были знакомы с современными методами хозяйственной деятельности и не проявляли к ним интереса.

Почти всему трудовому крестьянству (а это примерно 90% сельского населения) революция принесла реальное улучшение жизни. Земельная реформа избавила крестьян (арендаторов и полуарендаторов) от выплаты землевладельцам арендной платы, равной стоимости 30 млн. т зерна, а также от других платежей и поборов, составлявших в общей сумме 20 млн. т зерна. Конечно, крестьянам досталась далеко не вся эта сумма, эквивалентная 50 млн. т зерна. Значительную ее часть так или иначе изымало государство, но и земледельцы почувствовали существенное облегчение. Улучшилось питание крестьян, повысилась их трудовая активность, люди воспрянули духом и обрели надежду на достойную жизнь в недалеком будущем. Все это обеспечило новым властям их поддержку на сравнительно долгое время. Многие миллионы крестьян охотно и практически бесплатно занимались ремонтом ирригационных сооружений, строительством новых плотин, каналов, водохранилищ, вели борьбу с эрозией почвы, сыпучими песками, затоплением полей и т.п. Ряд производственных задач в начале 50-х гг. решался на одном "голом энтузиазме". Даже такие авантюристические кампании, как большой скачок и "культурная революция" активного противодействия с их стороны не встречали. К настоящему времени эти поколения фактически ушли из активной

хозяйственной и политической жизни. Даже поколение тридцатых годов ныне перешагивает шестидесятилетний рубеж и уже в нынешнем десятилетии полностью, говоря нашим языком, достигнет пенсионного возраста. Сейчас эти поколения занимают вершину демографической пирамиды, и их доля в общей массе населения КНР сравнительно мала.

Поколение крестьян 40-х гг. уже существенно отличается от предыдущих. Эти люди родились при старом режиме, но в сознательную жизнь вступили при новой власти. Многие из них могли учиться и получить начальное образование. Некоторые, отслужив в армии, принесли в деревню новые знания, знакомство с техникой (автотранспортом, тракторами и др. машинами), имели возможность читать простые тексты в популярных изданиях. На их глазах и при их участии проходило кооперирование, создание народных коммун, они пережили годы тяжких бедствий (1959-1961) и сохранили память об индивидуальном крестьянском хозяйстве. После создания производственных объединений все сельское население и прежде всего поколение 40-х гг. надолго оказалось привязано к своему месту жительства. Это позволило властям предупредить заметную поляризацию крестьянства, но вместе с тем обрекло сельских жителей на производственную пассивность и нищету¹. Когда в Китае начались экономические реформы (после Третьего пленума в декабре 1978 г.) этому поколению было по 30-40 лет, и оно наряду с предшествующими поколениями стало главной движущей силой реформ в деревне. Оно и сейчас играет важную роль в сельскохозяйственном производстве и сохранит ее до начала следующего тысячелетия.

Поколение 50-х гг. родилось, выросло и сформировалось в Новом Китае. Его детство сопровождалось такими событиями, как большой скачок, крах народных коммун в их первоначальном варианте, голод, проведение политики "урегулирования". Большая часть этих людей могла учиться, получить начальное и неполное среднее образование. (В Китае начальное образование - 5 классов, неполное среднее - 9 классов, среднее - 12 классов). Среди них значительный процент грамотных, способных читать газеты, научно-популярную и художественную литературу. Их вступление в производственную деятельность совпало с "культурной революцией". Ее идеи - эгалитаризм, неуважение начальства ("огонь по штабам"), пренебрежение к конфуцианской морали, нравственным ценностям прошлого и т.п. - проникли в сознание основной массы этих людей. Они в отличие от прежних поколений не склонны терпеть произвол или несправедливость чиновника, нарушение своих прав, значительную имущественную разницу. Отношение к правящим верхам у них скорее отрицательное, так как помимо всего прочего, вступление их в брачный возраст ознаменовалось резким усилением кампании за ограничение рождаемости. Наряду с предыдущим, это поколение сейчас играет основную роль в сельскохозяйственном производстве.

Поколение крестьян 60-х гг. (это все еще молодые люди только что начавшие переступать 35-летний рубеж), как и предшествующее, отличается высокой долей грамотных людей. Его вступление в трудовую жизнь совпало с началом широкого спектра реформ в КНР и проведением "политики открытости", поэтому в отличие от старших оно хорошо осведомлено о быте за пределами Китая. Это поколение оказалось фактически первым, остро столкнувшимся с проблемой трудоустройства. В деревне для многих его представителей работы по существу нет; с подрядным наделом, как правило, успешно справляются их отцы и старшие братья (вспомним, что с 1954 по 1960 и с 1962 по 1971 (1975) гг. в Китае произошло два демографических взрыва)². К тому же обработка земли многих из них не слишком-то прельщает. Они охот-

но покидают землю и свои деревни, при первой же возможности переходят в поселково-волостную промышленность, переселяются в города, направляются в другие провинции и окраинные районы, где есть хоть какая-то надежда на трудоустройство. Для этих людей традиционные этические нормы китайцев заметно утрачивают свою ценность, они сравнительно легко усваивают дух торгово-денежных отношений и западную (буржуазную) мораль.

Эти же качества присущи и поколению 70-х гг. (ныне полностью вступившему в трудоспособный возраст), которое выросло и сформировалось под влиянием распространения рыночных отношений. На духовный облик этого поколения сильный отпечаток наложило активное проведение политики "однодетной семьи", непрерывно ужесточавшееся со второй половины 70-х гг. Хотя в 70-е годы однодетных семей в деревне фактически не было (коэффициент плодovitости на одну женщину превышал 4,0), настоятельные призывы к ограничению деторождения, дополняемые административным принуждением, способствовали уменьшению количества детей в сельских семьях; а, следовательно, и отношение к детям, особенно к мальчикам, основательно изменилось (еще более заметно, это в последующих поколениях). Эти люди изначально "знают себе цену", покорность и уважение к старшим по положению свойственна им в значительно меньшей мере, чем всем предшествующим. Свои права и интересы они склонны ставить выше общественных; по сути своей они индивидуалисты, охотно усваивают западные ценности, берут за образец жизнь средних слоев в так называемых свободных странах и распространяют все это среди остальной массы сельского населения. Маоистские идеи и идеалы им чужды (как и многим представителям поколения 60-х гг.); они озабочены собственными проблемами, прежде всего достижением материального благополучия. Среди них многие, особенно мужчины, обладают чувством собственной значимости, их запросы и требования к жизни часто завышены, они легче осознают себя личностью. Для них естественны права человека, либерализм, т.е. все то, что совсем еще недавно было далеко от сознания земледельца Среднего государства. Они утрачивают некоторые характерные черты китайцев, выраставших обычно в многодетных семьях, и не случайно в китайской прессе тревожно звучит тема об измене "национальным этическим нормам" (это, несомненно, относится и к молодым горожанам).

Поколений крестьян 80-х гг. только лишь начинает вступать в трудовую деятельность. Ему присущи все особенности людей предыдущего десятилетия, но в еще более ярко выраженной форме.

Таким образом, сейчас и в ближайшее время (примерно до 2010 г.) основной контингент рабочей силы, занятый в сельскохозяйственном производстве, составляют поколения 40-х, 50-х и частично 60-х гг. Им свойственны, с одной стороны, боязнь коллективизации и приверженность к семейному подряду, а, с другой, - сильные уравнилельные тенденции. "Пусть сначала разбогатеют некоторые, а потом остальные" - это отнюдь не тот лозунг, который они приветствуют. В их среде широко распространена зависть, "болезнь красных глаз", они активно не приемлют тех, кто значительно отрывается от основной массы по уровню зажиточности и нередко им противодействуют. Среди них немало относительно грамотных (главным образом, поколения 50-х и 60-х гг.), и они склонны заимствовать новые методы агротехники.

Распространение грамотности в китайской деревне вырвало многих крестьян из состояния "идиотизма деревенской жизни", открыло перед ними путь к зажиточности и карьере. Во время существования народных коммун едва ли не единственной возможностью для сельских парней повысить свой со-

циальный статус была служба в армии. Отбор туда был весьма строгий и одним из непереносимых условий (среди других) являлась грамотность. В 60-е и в первой половине 70-х гг. это был важный стимул для получения образования. После начала реформ (с конца 70-х гг.) многие крестьяне стали владельцами предприятий, торговцами, основателями различных компаний, фирм и агентств. Грамотная молодежь - основной источник пополнения сельских "кадров" и партийных функционеров низших рангов.

В настоящее время властями КНР поставлена задача - ликвидировать неграмотность к концу XX в. (не более 5% неграмотных среди молодежи и лиц среднего возраста) и одновременно ввести в стране всеобщее неполное среднее образование, т.е. сделать его обязательным для всей сельской молодежи. Это трудная задача. Во-первых, часть подростков перестает посещать школы, так как должна помогать родителям в их производственной деятельности. При огромном избытке рабочей силы в деревне многие семьи испытывают ее нехватку в своем хозяйстве³. Во-вторых, образование в Китае платное. Если прежде плата за обучение была сравнительно невысока и посылена для основной массы крестьян, то в ходе экономической реформы, для облегчения "финансового бремени государства", она была заметно увеличена. Даже учащиеся начальных школ должны платить за обучение, учебники, питание, проживание в общежитиях (где это необходимо). Все это вместе взятое составляет довольно весомую сумму, которая не всякому по карману. Обследования показали, что большое количество учащихся прекратили посещение учебных заведений именно вследствие материальных затруднений. В-третьих, многие крестьяне не удовлетворены качеством образования. Они считают, что школа дает мало практических знаний, необходимых для их повседневной жизни, так как ее основная цель подготовить ученика для поступления в высшее учебное заведение, а туда идут очень немногие⁴. По этим причинам отсев учащихся довольно велик. Например, в провинции Шаньси пять миллионов школьников ушли из училищ, не окончив их⁵.

Общественность и руководство страны обеспокоены проблемами, возникшими при обучении молодого поколения. В частности, предпринимаются меры по возвращению в школы тех учеников, которые покинули их из-за материальных трудностей; развивается сеть заочных училищ, ведется обучение по радио и телевидению.

Начиная с 80-х гг. кругозор крестьян стремительно расширяется. Сельские жители все больше выписывают газет и журналов, специальной сельскохозяйственной литературы, в деревнях резко увеличивается количество радиоприемников и телевизоров. Только за два года (в 1986 против 1984 гг.) число телевизоров на каждые 100 дворов возросло в 1,6 раза, а радиоприемников - в полтора раза⁶. К настоящему времени телевизоры имеют более 90% крестьянских семей, сетью радиовещания охвачена практически вся территория страны.

Повышение общего культурного уровня открыло перед нынешней сельской молодежью новые горизонты и предоставило такие возможности, о которых даже не смели мечтать поколения их отцов.

Обследования в китайских деревнях показали, что результаты хозяйственной деятельности и культурный уровень крестьян тесно взаимосвязаны, и, как правило, доход тем выше, чем выше уровень образования. Среди относительно зажиточных дворов (в середине 80-х гг. доход на душу более 800 ю.) 45% имели трудоспособных с неполным средним образованием, у 35% были люди, владеющие той или иной (технической) специальностью⁷. В общей массе лиц, получивших незаконченное среднее образование (9 классов), по

сравнению с теми, кто ограничился начальным образованием (5 классов), чистый доход на одного трудоспособного оказался в среднем почти на 40% выше⁸. Среди бедных дворов, где доход на душу был менее 200 ю., 71% трудоспособных были неграмотны, малограмотны или в лучшем случае имели начальное образование. (Важной особенностью бедных дворов является то, что у них "едоков в семьях много, а трудоспособных мало, основа семьи слаба"). Урожайность зерновых у этих дворов примерно на 40% ниже среднего уровня, а доход, полученный за каждый рабочий день, ниже против среднего на 50%.

Выше уже отмечалось, что непосредственно в сельскохозяйственном труде заняты, как правило, люди старше 35 лет. Основная часть крестьянской молодежи не проявляет интереса к возделыванию земли, предпочитая искать применения своим силам и способностям в других сферах деятельности. Это обуславливается и тем, что зарплата в промышленности, строительстве и т.п. обычно значительно превышает доход крестьянина-хлебороба. Даже полуграмотный сельский парень, устроившийся за пределами родного села порой на самую примитивную работу (землекопа, мусорщика), получает обычно больше, чем его односельчане, трудящиеся на полях. Быстрое развитие "вторичного" и "третичного" секторов в деревне, урбанизация сельских районов меняют хозяйственное умястроение и взгляды крестьян, что серьезно сказывается на всем сельскохозяйственном производстве. Престиж земледельца в глазах молодежи весьма невысок; ее надежды связаны с уходом из деревни, несмотря на все противодействие центральных и местных властей.

Особенности нынешнего контингента сельскохозяйственных производителей позволяют сделать важные выводы. Во-первых, для большинства крестьян основой производственной деятельности по-прежнему остается традиционный земледельческий опыт с частичным использованием некоторых новшеств (применение полиэтиленовой пленки, химикатов, механизированной вспашки). Во-вторых, рациональная реорганизация аграрного сектора как путем создания "фермеров" (крупных хозяйств "умелых земледельцев"), так и путем нового кооперирования по крайней мере в ближайшее десятилетие маловероятно. А это значит, что сельское хозяйство по-прежнему будет оставаться неустойчивым и неспособным в должном объеме удовлетворять потребности Китая в продовольствие и сельхозсырье.

Серьезной проблемой в 90-е гг. становятся взаимоотношения центральных и местных властей с неисчислимыми крестьянскими массами. Стремление всеми возможными способами удержать крестьян в деревне усиливает социальную напряженность в сельском Китае. С 80-х гг. численность трудоспособных в деревне неуклонно растет, а их доля в общей массе сельских жителей превышает 50%. Избыток рабочей силы в аграрном секторе приобрел беспрецедентный характер, и поиск путей ее занятости давно уже стал острой головной болью для руководства современного Китая. По сообщениям китайской печати, в деревне самая высокая в стране безработица, превышающая 100 млн. В начале будущего столетия она может составить более 200 млн., и деревня будет оказывать все более мощное давление на город. "Для того, чтобы устроить такую массу людей, государству придется выложить 360 млрд. юаней, что значительно превышает возможности национальной экономики"⁹. Тем не менее многие китайские ученые считают, что пока деревня изнемогает под гнетом огромной массы "лишней" рабочей силы, надежный подъем сельского хозяйства более чем проблематичен.

Возврат к мелкому индивидуальному землепользованию повлек за собой сложные и непредвиденные социально-экономические последствия, в частности восстановление ряда особенностей, характерных для старого Китая.

Вновь встала проблема обеспечения крестьянским дворам прожиточного минимума, когда они сталкиваются с трудностями (особенно в случаях стихийных бедствий); наблюдается возвращение к разделению труда на мужской и женский, усиление патриархальных настроений, возрождение традиционных крестьянских верований и обычаев, в отдельных местах стало заметно проявление кланового влияния и даже сращивание клановых авторитетов с низовыми органами власти и руководством низовых партийных организаций (КПК).

Тем не менее китайская пресса справедливо отмечает, что природные качества и способности крестьян (так примерно можно перевести с китайского понятие "сучжи") заметно повысились, и сельское население сделало большой шаг в своем развитии. Факт бесспорный, но вместе с тем это создало для начальства немалые трудности. Расширение кругозора земледельцев, наличие среди них большого слоя грамотных людей, знакомство с основными установками центра по аграрной политике (через газеты, радио, телевидение) делает прежний командно-приказной стиль руководства агросферой не только малоэффективным, но и не отвечающим современным условиям, вызывает раздражение у крестьян. Влияние местных партийных и административных "кадров" на крестьянство продолжает падать, а местами отношение сельских жителей к ним нельзя охарактеризовать иначе как отрицательное.

Недовольство существующим положением стало характерной чертой для большей части сельского населения, особенно во внутренних провинциях. Небывалый размах для КНР приобрели протесты крестьян против произвола чиновников, несправедливых цен, отсутствие должного внимания властей к нуждам деревни. По признанию верховного судьи КНР Жэнь Цзяньсиня, "закон и порядок во многих сельских районах государства подорваны", низовые партийные организации, равно как и административные органы в условиях нарождающегося рынка не справляются с новыми задачами¹⁰.

В 90-е гг. в различных провинциях наблюдались крестьянские волнения, и в ряде случаев для наведения порядка власти вынуждены были прибегать к посылке войск. Для нынешнего режима, которому уже в ближайшем будущем предстоит столкнуться с множеством трудностей и осложнений (уход ветеранов с политической арены), такое развитие событий может обернуться серьезными потрясениями.

1. Чжэнчжисюэ яньцзю. - Пекин, 1987. - № 4. - С. 24.
2. Коэффициент плодovitости на одну женщину составлял в среднем в 50-е гг. - 5,87, в 60-е - 5,68. Жэньминь жибао. - 1983. - 31 марта.
3. Наемный труд в деревне существует, но, с точки зрения обычной крестьянской семьи со средним доходом, он дорог и к нему стараются не прибегать.
4. Нунминь жибао. - 1988. - 23 января.
5. Жэньминь жибао. - 1994. - 25 марта и 11 октября; Гуанмин жибао. - 1994. - 14 марта.
6. Нунминь жибао. - 1988. - 23 января.
7. China daily. - 1988. - 2 февраля.
8. Нунминь жибао. - 1988. - 23 января.
9. Жэньминь жибао. - 1991. - 17 июня и 5 августа.
10. Синьхуа. - 1994. - 9 мая.

История

Московское совещание министров иностраннных дел (декабрь 1945 г.) и раскол Кореи

© 1997

Ки Кван Со

15 августа 1945 г. Корея стала свободной в результате безоговорочной капитуляции Японии, произошедшей после вступления в войну 9 августа Советской Армии и атомной бомбардировки Соединенными Штатами двух японских городов. По предложению США корейская территория была разделена по 38-й параллели на две части: Север и Юг¹. Первоначально это размежевание предназначалось лишь для приема там капитуляции японских войск, осуществляемого Советской Армией на Севере, а американскими войсками - на Юге. Но дислокация войск двух стран в Корею обеспечивала им условия для реализации там своих политических интересов.

В течение первых четырех месяцев после освобождения переговоры о Корее между державами официально не велись. В это время США и СССР стремились, главным образом, расширить и усилить свое влияние на занятых ими территориях, содействовать росту дружественных им местных политических сил. Но в проводимой обеими странами в Корею политике было существенное различие. Оно состояло в том, что американское командование в своей зоне не признавало созданные по воле народных масс органы самоуправления - народные комитеты - и подавляло их, а советское командование оказывало всемерное содействие их возникновению и росту. Конечно, такая разница проистекала из противоположности двух идеологий. Американцы не могли доброжелательно воспринимать левонастроенные народные комитеты.

8 ноября 1945 г. американский посол в Москве А. Гарриман направил В.М. Молотову письмо, в котором сообщал: "Мое правительство поручило мне исследовать возможность ведения переговоров с советским правительством о временно действующем соглашении относительно упорядочения связи, торговли, финансов и других нерешенных в Корею спорных вопросов"². Письмо заканчивалось следующим: "Мое правительство желает знать, готово ли советское правительство уполномочить советского командующего в Корею вступить в переговоры с генералом Ходжем (командующим американской армией в Южной Корею - авт.) по этим вопросам или оно желает, чтобы эти вопросы были обсуждены между обоими правительствами"³. Американская сторона обращала основное внимание на экономическое объединение двух зон, что от-

ражало соответствующие потребности США в Корее. Насколько известно, ответа на это письмо со стороны Советского Союза не последовало. По нашему мнению, до декабрьского совещания Москва еще не слишком разбиралась в корейском вопросе.

Таким образом, обсуждение СССР и США корейского вопроса было тогда отложено. С 16 по 26 декабря 1945 г. министры иностранных дел СССР, США и Великобритании провели совещание в Москве и рассмотрели широкий круг актуальных проблем послевоенного переустройства, в том числе и корейский вопрос.

17 декабря на 2-ом заседании госсекретарь Соединенных Штатов Д.Бирнс выдвинул предложение о создании в Корее единой администрации во главе с двумя военными командующими. Предполагалось, что этот аппарат будет заниматься вопросами торговли, транспорта, телекоммуникаций и т.д. Согласно американскому предложению, корейцев надлежало использовать в нем только как администраторов, консультантов и советников при командующих. Функции единой администрации должны были осуществляться до введения опеки над Кореей четырех держав - США, СССР, Великобритании и Китая. Американцы предложили также образовать из представителей четырех держав административный орган для установления опеки. Этот орган предназначался для осуществления всей исполнительной, законодательной и судебной власти в Корее в течение срока опеки. Административный орган должен был осуществлять свои полномочия и функции через Высшего Комиссара и Исполнительный Совет, включавший по одному представителю от каждой из четырех держав. Опека четырех держав в Корее предполагалась сроком на пять лет, после чего она могла быть продлена на последующий период, не превышающий еще пяти лет⁴.

Цель предложений американской делегации состояла в том, чтобы на определенный срок задержать обретение Кореей независимости путем установления над ней опеки и административного контроля, предоставить корейцам лишь ограниченное участие в создаваемой единой администрации. Разумеется, советская сторона не согласилась с предложением американцев. 20 декабря на 5-м заседании она выдвинула свое встречное предложение по вопросу о Корее.

На следующий день на совещании было достигнуто соглашение по вопросу о Корее и 27 декабря оглашены следующие его четыре принципиальных пункта:

1. В целях восстановления Кореи как независимого государства создается Временное корейское демократическое правительство, на которое будет возложено развитие экономики и культуры страны.

2. Для содействия образованию Временного корейского правительства учреждается Американско-советская совместная комиссия. При выработке своих предложений комиссия должна консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями. Рекомендации, выработанные комиссией, до принятия окончательного решения двумя правительствами, представленными в совместной комиссии, должны быть внесены на рассмотрение правительств США, СССР, Великобритании и Китая.

3. Совместной комиссии поручается с участием Временного корейского демократического правительства и с привлечением корейских демократических организаций разработать также меры помощи и содействия (опека) прогрессу корейского народа и установлению государственной независимости Кореи и т.д. Предложения Совместной комиссии после консультации с Временным корейским правительством передаются на совместное рассмотрение

правительствам США, СССР, Англии и Китая для выработки соглашения об опеке четырех держав в отношении Кореи на срок до 5 лет.

4. Для рассмотрения срочных вопросов созвать в двухнедельный срок совещание из представителей американского и советского командования в Корее⁵.

Это соглашение было основано на советском предложении, в котором американской делегацией 21 декабря были исправлены только две фразы. Советское предложение, внесенное на Московском совещании, резко отличалось от проекта, выработанного СССР при подготовке к Лондонскому совещанию 11 сентября - 2 октября 1945 г.⁶ Москва тогда предполагала, что примерно через 2 года после введения оккупационного режима Корее будет отведена роль подопечной территории четырех держав с выделением трех стратегических районов: 1) Пусан, Чинхэ, 2) Чечжудо, 3) Инчхон, которые должны находиться под контролем советского военного командования⁷.

Рассмотрим теперь изменения позиции Советского Союза по корейскому вопросу во время Московского совещания. Советская сторона в ходе него разработала и уточнила по крайней мере пять проектов предложений о Корее советской делегации и один проект Наркоминдела⁸. По своей сути эти проекты похожи друг на друга. Но, если внимательно разобрать их, можно увидеть, как изменялись взгляды советского правительства по корейскому вопросу. Кроме проекта Наркоминдела, рассмотрим остальные в порядке очередной их разработки, распределив их на варианты (а) - (д). Окончательный вариант проекта (д) был отработан для внесения советской делегацией на совещании. Оказывается, только проект (а) по теме "Учреждение независимого корейского правительства" был предварительно подготовлен накануне Совещания. Он был передан Молотову и состоял из следующих трех пунктов: 1) Создать Комиссию из представителей США, СССР, Великобритании и Китая для предварительной разработки вопросов об условиях и времени создания временного независимого корейского правительства, корейской демократической Конституции, местного самоуправления и пр.; 2) Рекомендации, выработанные Комиссией, должны быть внесены на рассмотрение соответствующих правительств; 3) Условлено, что правительства США и СССР, после урегулирования вопроса о создании союзного контрольного механизма в Японии, дадут указания командованиям американских войск в Южной Корее и советских войск в Северной Корее, чтобы они выделили представителей для совместного обсуждения срочных вопросов⁹. Основным содержанием проекта (а), как показано выше, явилась подготовка соответствующих государств к созданию корейского временного правительства. В нем ничего не говорилось о введении опеки над Кореей. Это можно объяснить следующим образом: накануне Московского совещания Советское правительство изменило свою позицию по корейскому вопросу - отказалось от идеи об опеке и сделало для себя главным образование Временного корейского правительства четырьмя державами. Возможно, одной из причин такого поворота в позиции СССР послужила политическая ситуация в Корее. Так, в одном из документов, направленных в адрес ЦК ВКП(б) 20 ноября 1945 г., говорилось: "Все партии (в Южной Корее - авт.), в том числе и коммунистическая, через печать и листовки проводят агитацию среди населения за быстрейшее воссоединение Кореи в единое целое, создание самостоятельного корейского правительства и недопущение опеки над Кореей со стороны других государств"¹⁰. (подчеркнуто нами - авт.) Вероятно, общее резкое негативное отношение в Корее к идее опеки побудило СССР в проекте (а) даже не упоминать о ней. Вместе с тем Москва не отказалась от метода разрешения корейского вопроса через сотрудничество четырех

держав. 3-ий параграф этого проекта обнаруживал страстное желание СССР совместно с США участвовать в управлении Японией.

Главный тезис проектов (б) - (д) также состоял в том, чтобы создать Временное корейское демократическое правительство. Только в первом параграфе проекта (б) предлагалось образовать постоянно действующую комиссию в составе представителей американского и советского военных командований для разрешения срочных и неотложных вопросов. Вопрос о создании Временного корейского правительства во втором параграфе проекта (б) почти совпадает с первым параграфом проекта (а). Скорее всего, Советское правительство полагало, что в первую очередь именно образование Временного корейского правительства создаст благоприятные условия для обеспечения его государственных интересов в будущей Корее. Только Временное правительство, состоящее из антияпонских и демократических деятелей, могло быть дружественным к Советскому Союзу. Причем создание такого правительства соответствовало идеологической и внешнеполитической позиции СССР, направленной на помощь и поддержку освободительных движений угнетенных наций.

Что касается вопроса о том, кто станет субъектом создания Временного корейского правительства, то проекты (а), (б), и Наркоминдела предусматривали для этого "создать Комиссию из представителей США, СССР, Великобритании и Китая..."(- подчеркнуто нами - авт.). Но в остальных проектах мы видим уже иное: предлагалось создать Временное корейское демократическое правительство через образование объединенной комиссии из представителей только командований США и СССР и при ее содействии. Это изменение, вероятно, отражало намерение Советского правительства усилить свое влияние на формирование Временного корейского правительства, ибо ему казалось легче иметь дело с одними американцами, чем еще и с Великобританией и Китаем, стоявшими на стороне Соединенных Штатов. В этом контексте последняя фраза параграфа 2 проекта (д), представленного советской делегацией, гласила: "Рекомендации, выработанные комиссией, должны быть внесены на рассмотрение соответствующих (т.е. американского и советского - авт.) правительств". Однако, как изложено выше, в Соглашении к ним добавлены правительства Великобритании и Китая в результате поправки американской стороны.

Как следовало ожидать, к декабрьскому совещанию Советский Союз должен был окончательно определиться с вопросом об опеке над Кореей, устно согласованным между СССР и США в ходе Крымской конференции (февраль 1945 г.). Но в ходе разработки проектов его предложений проявилась неясность позиции Советского Союза по этому поводу. Приведем в качестве примера 4-й параграф проекта(б):

"Что касается вопроса о применении системы опеки в отношении Кореи, то, принимая во внимание, что сведения, проникшие по этому вопросу в Корею, вызвали серьезное недовольство широких кругов корейской общественности, условленно поручить Комиссии (Совместной советско-американской комиссии - авт.) тщательно и всесторонне изучить этот вопрос и внести свои предложения на решение правительств США, Великобритании, СССР и Китая"¹¹.

Этот фрагмент означал, что первоначально предусматривалось воздержаться от установления опеки. С учетом недовольства общественности Кореи, Москва пошла ей на уступку, предлагая отложить вопрос об опеке, передав его сначала на рассмотрение Совместной Комиссии. В случае дальнейшего осложнения обстановки в Корее введение опеки, видимо, вообще могло быть отменено. Однако, оказалось, что советская сторона не могла не по-

считаться на совещании с американской позицией в этом вопросе. Поэтому соображения советской делегации об установлении опеки над Кореей (проект (д)) выражены следующим образом: "Предложения объединенной комиссии передаются на совместное рассмотрение правительств США, СССР, Великобритании и Китая для выработки после консультации с временным корейским демократическим правительством соглашения об опеке четырех держав в отношении Кореи на срок до пяти лет¹²".

В предложениях СССР обнаруживается постоянная уступка американцам по сравнению с первыми его проектами по опеке. Позиция Советского руководства изменялась поэтапно: от отказа от введения опеки к попытке отложить вопрос о нем на будущее и затем к согласию на ее осуществление сроком до пяти лет. Поскольку ряд проектов СССР был разработан и исправлен непосредственно в ходе Совещания, можно считать, что такое изменение позиций советской делегации явилось результатом компромисса с американской позицией, направленной на обязательное установление опеки. Согласно видному американскому дипломату Джорджу Кеннану, компромисс США и СССР состоял в принятии ими принципа опеки и подчеркивании роли в ней корейских демократических партий и общественных организаций и Временного правительства¹³. Тем не менее, предложение советской стороны предполагало совсем иной, чем у США, процесс введения опеки, т.е. при активном участии корейцев и с укороченным сроком ее осуществления. В практике осуществления опеки это давало бы возможность проявить гибкость в случае изменения политической ситуации в Корее. Как упоминалось выше, советская сторона согласилась с поправками американской делегации, но и после этого еще оставались поводы к разным толкованиям вопроса об опеке.

Советская сторона полагала, что в условиях хозяйничанья американских войск в Южной Корее опека могла стать наилучшим решением корейской проблемы. Она также могла принести известную пользу в деле подготовки Кореей собственных национальных кадров и позволила бы укрепить "демократическому лагерю" страны¹⁴.

По сути дела основной чертой Московского решения о Корее стало переплетение первоочередных задач по созданию Временного корейского правительства (для СССР) и установлению опеки (США). Это решение давало некоторый шанс сформировать единое государство в Корее. Однако ситуация развивалась иначе.

Бурный политический водоворот в Южной Корее

Освобождение Кореи позволило корейским политическим силам активизировать деятельность, подавляемую при колониальном господстве Японии. Уже 6 сентября 1945 г. по инициативе левых сил в Сеуле состоялся съезд народных представителей всей страны, на котором была провозглашена Корейская народная республика, предполагавшая коалицию левых и правых сил на основе единого фронта. Она не была признана американским военным командованием, но на некоторое время предоставление ей государственного статуса стало основным лозунгом борьбы левых сил. 11 сентября коммунистам удалось воссоздать Компартию Кореи во главе с Пак Хон Ёном. Между тем сразу же после высадки американских войск, 9 сентября была образована Демократическая партия Кореи (Хангук минчжудан) представителями правых сил (от прояпонских элементов до умеренных националистов). Она поддерживала эмигрантское "Временное правительство", возглавляемое известным националистическим деятелем Ким Гу и расширяла свои ряды при покровительстве

американцев. Кроме того, в Южной Корее возникали другие партии различного политического направления.

Накануне Московского совещания основное внимание корейцев сосредоточивалось на том, как великие державы, прежде всего СССР и США, будут решать вопрос, связанный с разделением страны на Север и Юг по 38-параллели. Из печати корейцам стало известно, что, согласно Ялтинским переговорам, в ходе которых СССР и США пришли к согласию о введении опеки в Корее, она действительно будет установлена. Вполне понятно, что идея опеки была крайне непопулярной у корейского народа, пережившего до того 35-летнее колониальное угнетение.

Все левые и правые партии в Южной Корее с самого начала выступали за быстрое воссоединение Кореи, создание в ней самостоятельного правительства и против опеки над Кореей со стороны великих держав. Учитывая массовые настроения против опеки" у корейцев, американское военное командование не раз предлагало Вашингтону отказаться от этой идеи. Так, командующий американскими войсками в Корее генерал Д. Ходж настаивал на отказе от опеки, мотивируя это тем, что ее установление практически приведет к восстанию корейского народа¹⁵. Вместе с тем он не выступал за немедленное предоставление независимости Корее, потому что это, по его мнению, означало бы ее переход под управление Советского Союза¹⁶. Однако правительство США не приняло предложений местных американских военных властей.

Когда стали известны решения Московского совещания министров иностранных дел трех держав о Корее, вся страна оказалась в бурном политическом водовороте. Вне зависимости от общего содержания документа, само наличие в нем пункта об опеке вызвало протест большинства корейцев. С конца декабря 1945 г. почти вся печать Южной Кореи (кроме левой) помещала многочисленные статьи о Московском решении, в которых главным был вопрос об установлении опеки над Кореей. С целью укрепления своего влияния среди масс правые в Южной Корее использовали стремление корейцев к немедленному предоставлению Корее независимости.

28 декабря 1945 г. Ким Гу и его сторонники решили организовать "Комитет по всеобщей мобилизации населения против опеки", в состав которого вошли представители почти всех крупных правых партий и общественных организаций. Комитет сразу же начал устраивать демонстрации и забастовки против опеки. 31 декабря 1945 г. он призвал к всеобщей забастовке и по его инициативе прошла демонстрация в Сеуле. Таким путем правым силам удалось увлечь за собой и восстановить против опеки многих корейцев. Между тем, одна из целей движения "анти-опеки" состояла в том, чтобы добиться признания в качестве единственного правительства Кореи вернувшегося перед тем из эмиграции "Временного правительства". Это требование выдвигалось правыми силами сразу после освобождения Кореи, но американцы отказывались его признавать¹⁷. Правые трактовали опеку как новый протекторат над Кореей, утверждая, что по сути она ничем не отличается от предыдущего колониального господства. Вначале консервативная печать Южной Кореи утверждала, что это советская сторона, якобы, разработала проект опеки. Вскоре эта ложь была опровергнута, когда 25 января 1946 г. последовало сообщение ТАСС "По вопросу о Корее", в котором говорилось: "Упомянутые выше сообщения корейских газет искажают фактическое положение дела и извращают действительную позицию Советского правительства"¹⁸. Сообщение ТАСС получило определенный резонанс в Корее, но правые продолжали использовать подобные измышления, чтобы настраивать народные массы про-

тив Советского Союза и коммунизма¹⁹. Правые стремились таким образом отобрать у левых руководство массовым движением и в дальнейшем возглавить политическую борьбу. Активизировались их антикоммунистические и антисоветские выступления. Устраивались даже террористические акты против левых деятелей²⁰.

Американские власти, со своей стороны, не принимали мер для пресечения движения "против-опеки" правых сил, ставших его главной опорой. Наоборот, они весьма двусмысленно высказывались о Московском решении, принятом по их же инициативе. Так, госсекретарь США Д. Бирнс 30 декабря 1945 г. заявил, что Совместная советско-американская комиссия может принять решение о том, что опека не будет нужна²¹. 2 января 1946 г. начальник Американской военной администрации в Южной Корее А. Арнольд поддержал Бирнса, заверив, что будут предприняты все усилия для предотвращения опеки²². Такое отношение американских военных властей еще более усилило конфронтацию среди корейцев.

Левые силы Южной Кореи до опубликования Московского решения также резко высказывались против введения опеки. Например, 26 октября 1945 г. в Сеуле при участии различных партий и по инициативе Компартии Кореи было опубликовано заявление "против-опеки"²³. Однако 2 января 1946 г. они внезапно изменили свою позицию и начали выступать за всемерную поддержку Московского решения, как конструктивного способа обеспечения независимости Кореи. Компартия Кореи заявила тогда: "Мы должны правильно разъяснить всему корейскому народу истинный смысл решения Московского совещания трех министров иностранных дел, которое имеет безусловно прогрессивный характер... Решение Московского совещания об установлении опеки на срок до 5 лет является более конкретным и определенным решением вопроса о независимости Кореи"²⁴. 3 января левые силы организовали в Сеуле демонстрации в поддержку Московского решения²⁵. Вероятно, такое резкое изменение взглядов коммунистов было связано с соответствующим указанием, полученным ими с Севера. Как будет показано ниже, советское руководство прилагало тогда все усилия для организации поддержки корейцами Московского решения. Тем не менее южнокорейские левые силы не сразу достигли абсолютной согласованности в этом вопросе. К примеру, видный лидер левых Пэк Нам Ун впоследствии некоторое время продолжал выступать против опеки²⁶.

Противостояние между левыми и правыми в Южной Корее, вызванное вопросом об опеке, совсем исключило возможность их сотрудничества в строительстве единого государства.

Резонанс в Северной Корее

В течение первых трех-четырёх месяцев после освобождения в Северной Корее проходила работа по созданию там "буржуазной демократической власти" под руководством командования Советской армии. Как известно, 20 сентября 1945 г. Сталин направил советским представителям в Северной Корее директиву, в которой им предписывалось содействовать установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических партий и организаций²⁷. Ее основу должна была составить коалиция коммунистов и националистов. В октябре-ноябре 1945 г. возникли Северокорейское Оргбюро ЦК Компартии, подчиненное руководству Компартии в Сеуле, и Демократическая партия (Чосон минчжудан) во главе с известным националистом Чо Ман Сиком.

До Московского решения мнение лидеров Северной Кореи относительно опеки было известно. Но газета Оргбюро ЦК Компартии "Чонно" 26 декабря 1945 г. писала: "Достигнем полной независимости в 1946 году"²⁸. Очевидно, что в Пхеньяне тогда тоже отнюдь не ожидали введения опеки в Корею. Какова же была ситуация в Северной Корее после опубликования Московского решения о Корее? Оно вызвало там явное смятение. Первая реакция северо-корейского руководства отражена в новогоднем обращении к народу Ким Ир Сена, ставшего ответственным секретарем Оргбюро ЦК Компартии 18 декабря 1945 г. В нем по поводу Московского решения говорилось: "...Это решение предусматривает... установить в отношении Кореи пятилетнюю совместную опеку СССР, США, Великобритании и Китая. Такое решение может более или менее противоречить нашему субъективному желанию. Но все дело в том, сумеем ли мы организовать прочный Единый демократический национальный фронт и достигнуть сплоченности..."²⁹ Ким Ир Сен здесь определенно признавал, что опека противоречила желаниям корейского народа. Очевидно, что сразу же после обнародования Московского решения северо-корейские коммунисты, как и их южнокорейские коллеги, заняли относительно него соглашательскую позицию. Но были и случаи более жесткого реагирования. Так, в уезде Чхорвон (провинция Канвон) местные коммунисты посетили военную комендатуру 29 декабря 1945 г. и заявили, что возмущены несправедливым решением трех министров иностранных дел о Корее³⁰.

Хотя еще не в полной мере известно, как же руководство Компартии в Северной Кореи на самом деле отреагировало на первое сообщение о Московском решении, но можно выдвинуть весьма вероятную гипотезу: оно также поначалу было воспринято им критически. Однако советскому командованию удалось быстро убедить его в необходимости такого решения и внушить, что это решение имело прогрессивный характер для судьбы Кореи и, что самое главное, оно было основано на предложении СССР. В провинции Хванхэ, например, политработникам комендатуры пришлось разъяснять руководству местного обкома партии и народного комитета смысл московского решения³¹. Вероятно, это происходило повсеместно.

Советские военные власти не принимали малейших возражений со стороны корейцев, в том числе коммунистов, против Московского решения. В статьях по этому поводу цензура вычеркивала любые фразы, которые ей были не по нраву. С точки зрения советской стороны, настроив населения против Московского решения нельзя было допускать. Ибо, во-первых, решение в его окончательном виде практически было составлено и принято по предложению Советского Союза. То, что политика Советского Союза могла встретить протесты корейцев, плохо было бы воспринято его руководством. Во-вторых, СССР, по-видимому, надеялся, что выполнение Московского решения обеспечит благоприятные условия для достижения его стратегических целей на Корейском полуострове.

Расстановка сил во всей Кореи, отличавшаяся тогда заметным превосходством левых, могла бы позволить СССР образовать там "просоветское" правительство. Для этого прежде всего нужна была всемерная поддержка решения со стороны корейского населения. 3 января 1946 г. полковник А.М. Игнатьев, ведавший политической работой в Управлении советской гражданской администрации, созвал совещание редакторов и цензоров северо-корейских газет, на котором, объяснив суть решения Московского совещания о Корее, поставил перед ними ряд практических задач: правильно разъяснять корейскому народу через печать решение 3-х министров, вести борьбу с про-японскими элементами, пытающимися исказить его смысл, воспитывать в ко-

рейском народе доверие к Московскому решению, мобилизовать массы на решение насущных задач и др.³²

Возникает вопрос: по какой внутренней логике северокорейские коммунисты все же согласились с введением опеки сроком до пяти лет? Вероятно, фразы из статьи в газете "Пхённам минбо" от 6 января 1946 г., озаглавленной "Мысли о решении Московского совещания о Корее", вычеркнутые военной цензурой, в какой-то мере отражали их истинную позицию: "Нечего и говорить о сроке опеки до пяти лет. Но нужно хорошо подумать, как будет достигнута независимость в одном государстве. Такое государство только тогда будет свободным, когда сама нация создаст все условия для того, чтобы страна стала независимым государством"³³. В них, как нам кажется, отражено сожаление об установлении опеки и одновременно осознание необходимости принять ее для накопления сил корейской нации. Видимо, северокорейское коммунистическое руководство внутренне сочувствовало национальному духу, восстававшему против опеки. Но, по его мнению, поскольку корейская нация еще недостаточно готова к осуществлению немедленной независимости страны, для ее достижения необходимо некоторое время. В конечном счете, настойчивая разъяснительная работа военных властей, данные ими заверения в прогрессивности намеченных Московским решением мер, особенно связанных с образованием Временного корейского демократического правительства, оказались достаточными для того, чтобы коммунисты согласились с пунктом об опеке.

3 января 1946 г. 6 левых организаций Северной Кореи объявили об абсолютной поддержке решения Московского совещания. Помимо Оргбюро ЦК Компартии Кореи, в их число входили Северокорейское генеральное бюро Всекорейской конференции труда, Крестьянский союз провинции Южная Пхёнан, Демократический женский союз, Демократический союз молодежи, Лига независимости Кореи³⁴. Их совместная декларация по этому поводу явилась основой для создания затем Единого демократического национального фронта Северной Кореи, организационно оформленного в июле 1946 г. В декларации так объяснялся смысл установления опеки над Кореей: "Четыре союзника окажут всемерную помощь и содействие политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, т. е. развитию демократической политики и установлению свободного, единого и независимого государства"³⁵.

В тот же день Оргбюро ЦК Компартии через своего ответственного секретаря Ким Ир Сена дало указания местным органам компартии поддерживать московское решение, изолировать выступавших против него, выставляя их как национальных предателей³⁶. С 18 января 1946 г. отдел пропаганды Обкома компартии провинции Южная Пхёнан разослал бригады пропагандистов на места, чтобы "в дальнейшем углубить понимание местным населением корейского вопроса, решенного на Московском совещании"³⁷. Однако на деле трудно было добиться общего согласия относительно опеки.

Серьезное сопротивление Московскому решению оказало руководство Демократической партии. Чо Ман Сик и его окружение заняли резко отрицательную позицию в вопросе об опеке. Известно, что советское командование и коммунисты не раз пытались убедить Чо Ман Сика в необходимости пересмотра его взглядов. Но он отказался это сделать, полностью солидаризировавшись с правыми силами Южной Кореи. 5 января 1946 г. состоялось заседание Политического народного комитета провинции Южная Пхёнан, в котором, кроме членов Комитета, приняли участие представители командования 25-армии А.А.Романенко и Н.Г.Лебедев. На нем Чо Ман Сик повторил свою

позицию "против-опеки". После этого военное руководство вынудило его уйти с должности председателя провинциального народного комитета³⁸. В тот же день, в отсутствие Чо Ман Сика и его коллег, комитет провозгласил свое согласие с Московским решением о Корее, призвав корейский народ к его поддержке³⁹. Чо Ман Сик был подвергнут длительному домашнему аресту в гостинице, а затем вообще исчез с политической арены. Многие его соратники ушли тогда на Юг и образовали там свою Демократическую партию Кореи, ставшую частью наиболее радикальных правых сил.

Но протесты в Северной Корее не ограничились только этим событием. В большинстве провинций органы Демократической партии категорически отказались подписывать декларацию о солидарности с решением Московского совещания⁴⁰. В ряде городов расклеивались листовки и плакаты, призывавшие население к отказу от опеки, к демонстрациям протеста против коммунистов и Красной Армии. В некоторых из них, таких как Токчхон, Чхорвон и др., имели место, выступления против опеки⁴¹. Их участники состояли чаще всего из представителей буржуазной интеллигенции, учащихся и членов Демократической партии. Военные власти жестко реагировали на попытки протеста со стороны оппозиции и спешили их нейтрализовать. Например, 3 января 1946 г. в Пхеньяне за распространение листовок были арестованы 69 чел., в основном учащиеся, в том числе, 6 студентов, прибывших из Сеула. С 30 декабря 1945 г. по 5 января 1946 г. в провинции Хванхэ были арестованы 20 чел. за распространение листовок и попытку организовать демонстрацию⁴². Однако все такого рода выступления националистических сил Северной Кореи оказались разрозненными и небольшими по масштабам. Поэтому они не могли вызвать сколько-нибудь крупного резонанса в стране.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что устранение Чо Ман Сика означало не просто уход одного руководящего деятеля с политической арены. С его исчезновением значительная часть мелкой и средней национальной буржуазии, духовенства и интеллигенции, поддерживавшая его линию, перешла в реальные и "потенциальные" противники режима Северной Кореи. Для коммунистов это имело следствием резкое ослабление создаваемого ими единого фронта.

Между тем, советские военные власти и северокорейские коммунисты стремились продемонстрировать полное единодушие в Северной Корее. Вся печать разъясняла "прогрессивность" решений Московского совещания по вопросу о Корее. Так, вернувшийся из Китая лидер Лиги независимости Ким Ду Бон подчеркивал, что корейская нация должна "укрепить демократическое объединение, поднять политический уровень народа на должную высоту и упорным трудом в течение пяти лет восстановить полностью независимое демократическое государство Кореи"⁴³. В разных городах организовывались массовые демонстрации и митинги в поддержку Московского решения о Корее. В состоявшемся 6 января митинге в Пхеньяне участвовало около 100 000 чел.

С начала 1946 г. политическое положение в Южной Корее отличалось острыми конфликтами и даже столкновениями между левыми и правыми из-за отношения к опеке. В Северной Корее, напротив, к февралю прекратились открытые протесты против опеки. Оппозиция вынуждена была либо высказаться за Московское решение, либо укрыться в подполье или же бежать на Юг. Изучение различных материалов показывает, что левые силы в Корее после освобождения в основном воздерживались от открытой критики американской политики и деятельности правых до того, как те выступили с движением "против-опеки". Очищение от прояпонских элементов выдвигалось ими сначала как одна из самых главных задач. Теперь же они стали обвинять

правых сторонников "против-опеки" в антидемократической деятельности. Поведение последних затрудняло взаимодействие и даже поиск компромисса с ними левых сил.

Как уже отмечалось, несмотря на то, что сначала советское руководство проявляло пассивность в отношении опеки над Кореей, сама опека затем стала превращаться в "орудие" корейской политики Советского Союза. Отношение к Московским решениям стало для него критерием деления корейцев на "друзей" и "врагов", "прогрессивных" и "реакционных"⁴⁴.

* * *

Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшееся в декабре 1945 г., объективно сыграло, на наш взгляд, негативную роль в судьбе Кореи.

Советский Союз, воспринявший после заметных колебаний на этом совещании идею об опеке над Кореей, затем согласился с ее реализацией, преследуя тем самым не только интересы корейского народа, но и собственные стратегические интересы. Соединенные Штаты - авторы предложения об опеке - вели явно двойственную политику, не отказываясь от Московского решения и одновременно поддерживая его откровенных противников, стремясь, таким образом, обеспечить свое преобладание в Корее. В результате разногласия по поводу подхода к Московскому решению стали мощным катализатором советско-американского противоборства в Корее, совпавшим с расколом этой страны и сделавшим ее одним из фронтов "холодной войны".

Принятие на Московском совещании решения об опеке над Кореей нарушило существовавший в ней в первые месяцы после освобождения хрупкий баланс политических сил. Борьба вокруг этого решения неизмеримо обострила давние противоречия корейских коммунистов и националистов. Последовавшие в 1946-1947 гг. во исполнение Московского решения советско-американские совещания по Корее завершились неудачей и лишь углубили пропасть между левыми и правыми, между Севером и Югом. Своим жестким противостоянием, нежеланием совместно искать мирные пути урегулирования национальных проблем политические силы самой Кореи внесли существенный "вклад" в раскол страны.

В части, касающейся Кореи, Московское совещание министров иностранных дел - пример того, насколько опасно непродуманное, поспешное вмешательство извне в дела какой-либо страны, не учитывающее всю сложность национальной специфики и игнорирующее волю и интересы ее народа. Понимать это особенно важно сейчас, когда нарастает тенденция активного участия мирового сообщества в разрешении внутренних конфликтных ситуаций в некоторых странах.

1. Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. - М. 1957, - Т - С. 259-260.
2. АВПР. - Ф. 0430. - Оп. 1. - П. 2. - Д. 11. - Л. 1.
3. Там же. - Л. 2.
4. АВПР. -Ф. 0430. - Оп. 1. - П. 2. - Лл. 3-5.
5. Советский Союз и Корейский Вопрос (Документы). - М. 1948. -С. 5-7.
6. На этом совещании корейский вопрос не обсуждался, но советская сторона подготовила по нему ряд документов.
7. АВПР. -Ф. - 0431/1. - Оп. 1. - П.

8. - Д. 52. - Л. 42. 8 См: АВПР. -Ф. 0430. - Оп. 2. - П. 5. - Д. 18, лл. 39 - 57; а также Ф. 013. - Оп. 7. - П. 4. - Д. 46. - Лл. 17-18. К сожалению, дата разработки этих документов не известна.
9. АВПР. - Ф. 013. - Оп., 7. - П. 4. - Д. 46. - Лл. 17-18.
10. РЦХИДНИ. - Ф. 17. - Оп. 128. - Д. 47. Лл. 24.
11. АВПР. - Ф. 0430. - Оп. 2. - П. 5. - Д. 18. - Л. 44.
12. АВПР. - Ф. 0430. - Оп. 1. - П. 2. - Д. 11. - Л. 7.
13. FRUS. - 1946. - Wash., 1971. - Vol VIII -P. 619.
14. Очерки международных отношений в Южной, Юго-восточной Азии и на Дальнем Востоке. - М; 1975. -С. 202.
15. FRUS. - 1945. - Wash., 1969. - Vol VI - PP. 1146-1147.
16. Hoag C.L. American Millitary Government in Korea. War Policy and the First Year of Occupation: 1941 - 1946. 1970. Перевод на кор.яз. - Сеул, 1992. - P. 262.
17. Со Чжун Сок, Исследование национального движения в современной Корее. - Сеул, 1992. - С. 306.
18. Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945-1980: Документы и материалы. - М., 1981. - С. 22.
19. См: Ли Ван Бом. Проблема протектората на Корейском полуострове в 1943-1946 гг. - Сеул, 1987. - Т3.
20. Син Вок Ён. Доклад о расколе Кореи. - Сеул, 1992. - С. 186-187.
21. Hoag C.L. - Ук. соч. - P. 264.
22. Сеул синмун. - 1946. - 3 января.
23. Мэиль синбо. - 1945. - 29 октября.
24. Хэбан ильбо. - 1946. - 6 января.
25. Первоначально эта демонстрация предназначалась как раз для выражения "против-опеки".
26. ЦАМО. - Ф. 142. - Оп. 540936. - Д. 1. - Л. 34.
27. ЦАМО. - Ф. 148. - Оп. 3763. - Д. . - Л.1. - Лл. 92-93.
28. Чонно. - 1945. - 26 декабря.
29. Чонно.- 1946. - 1 января. Подчеркнутая нами фраза вычеркнута из современных публикаций этой речи.
30. ЦАМО. - Ф. УСГАСК. - Оп.102038. - Д. 2. - Л. 7.
31. ЦАМО. - Ф. УСГАСК. - Оп. 106546. - Д. 1. - Л. 203.
32. ЦАМО. - Ф. УСГАСК. - О. 102038. - Д. 2. - Л. 27-28.
33. Там же. - Л. 33.
34. Чонно. - 1946. - 3 января.
35. Там же.
36. Сим Чи Ён. Изучение Совместной американо-советской комиссии.- Сеул, 1989. - С. 181-183.
37. Чонно. - 1946. - 16 января.
38. Го Дан Чон Ман Сик. - Сеул, 1966. - С. 239-243.
39. Чонно. - 1946. - 8 января.
40. ЦАМО. - Ф. УСГАСК. - Оп. . - 102038. - Д. 2. - Л. 8; Ф. УСГАСК, Оп. 106546. - Д. 1. - Лл. 10-12, 79-80, 203-204.
41. ЦАМО. - Ф. УСГАСК. - Оп. 102038. - Д. 2. - Л. 8. - Л. 10-11.
42. Там же. - Лл. 5-9.
43. Пхённам минбо. - 1946. -6 января.. - Цит. по: . - Ф. УСГАСК. - О. 102038. - Д. 2. - Л. 33.
44. Ю.Ванин. Окончание второй мировой войны и Корея // Проблемы Дальнего Востока - 1995. - №6. - С. 65-67.

Документы, архивы

Новый сборник документов о советской политике на Дальнем Востоке в 1920-1922 годах

Недавно вышедший сборник материалов из Госархива Новосибирской области* содержит 317 ранее не публиковавшихся документов, освещающих почти всю палитру многосторонней деятельности Сиббюро и Дальбюро ЦК РКП(б), а также Сибревкома по реализации большевистской политики (внешней, внутренней, военной и коминтерновской) на Дальнем Востоке и в Сибири начала 20-х годов XX века.

Таким образом, составители сборника - научные сотрудники Объединенного Института истории, философии и филологии Сибирского отделения РАН к.и.н. М.П.Мальшцева и д.и.н. В.Р.Познанский (он же ответственный редактор), предоставили историкам разных направлений немало возможностей, чтобы внести серьезные коррективы и дополнения в свои прежние работы названной тематики. В этом ценность сборника и оправдание его многопрофильности.

Большой блок документов сборника посвящен буферной идее, рожденной меньшевиками и подхваченной советской властью. Буферная политика оказалась поистине спасительной для России, обеспечив ей сохранение своего дальневосточного региона без большой войны с Японией.

Однако утверждение этого политического курса отнюдь не закончилось провозглашением 6 апреля 1920 г. формально суверенной, но фактически полностью зависимой от Советской России буржуазно-демократической Дальневосточной Республики (ДВР). Этот акт был лишь началом сложного процесса строительства и утверждения просоветской буферной государственности. Документы показывают сколь значительным было противодействие ему. Прежде всего это конечно вооруженное и политическое сопротивление Японии, стремившейся с помощью белогвардейских формирований Семенова, Унгерна, Калмыкова и других создать на российском Дальнем Востоке свой собственный "черный буфер" (см. док. 66, 79 и др.), что могло привести лишь к полному отторжению дальневосточных земель России в пользу Японии.

Читатель узнает также об острой полемике по вопросам буферной политики в среде самого коммунистического руководства не только Сибири и Дальнего Востока, но и Москвы. Познакомится он и с конкретными деятелями - горячими защитниками буфера и его противниками (док. 32, 38).

* Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). Сборник документов Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома и др., Новосибирск, 1996, 370 с.

Весьма интересно, например, свидетельство первого министра иностранных дел ДВР Краснощекова о колебаниях самого руководства НКИД. В подробной телеграмме Ленину, копия Чичерину, от 5 мая он писал: "Наркоминдел в лице Карахана [зам. наркома] не имеет определенной точки зрения. Вечно спрашивает Янсона [уполномоченного НКИД в ДВР] нужен ли буфер или нет". Даже сам И.Н. Смирнов - член ЦК РКП(б), коммунистический бог и царь Сибири, занимавший там все ключевые посты, в отчаянно трудный момент военного и дипломатического противоборства с японской армией и ее командованием (переговоры в Гонготе) усомнился в способности ДВР предотвратить полномасштабную войну России с Японией. "Думаю, - писал он 1 июня 1920 г. Ленину и Троцкому, - что война неизбежна. Все силы прилагаем, чтобы оттянуть ее до осени" (док. 52). В этой связи его особенно пугало то, что главком С.С.Каменев предъявляет "ряд невероятных требований", настаивая на присылке из Сибири для Южного и Западного фронтов все новых и новых войск (док. 67 и др.). "При их удовлетворении мы при первом напоре японцев не удержим Иркутска и Красноярска. Центру необходимо учесть, - предупреждал Смирнов, - что преувеличенные требования обнажают сиб[ирский] фронт" (док. 78, 79, 102, 151).

Оппозиция буферной политике в руководящих коммунистических кругах Сибири и Дальнего Востока вылилась 21.XII.1920 г. в официальном обращении Сиббюро (док. 145), а затем и Дальбюро (25.XII.) к ЦК РКП(б) с предложением признать своевременным и даже необходимым преобразовать ДВР в советскую единицу.

Дальбюро обосновывало свое предложение успехами Красной Армии на главных фронтах гражданской войны и последовавшим укреплением внутреннего и внешнеполитического положения Советской России. Отмечались также победы народно-революционной армии и партизанских отрядов ДВР, вынудившие Японию эвакуировать часть своих войск из Забайкалья. Между прочим, последнее обстоятельство столь обескуражило атамана Семенова, что он обратился к Троцкому, выразив готовность вступить в Красную Армию при условии, что будет амнистирован. Троцкий всерьез отнесся к этой эскападе и, сообщая о ней 14.VIII.1920 г. Смирнову, писал: "Нет причин отказать ему в амнистии" и даже в гарантии неприкосновенности, коли он прибудет в Москву. И телеграмму закончил так: "Если не встречается возражений, немедленно примите практические меры" (док. 95). Эта пикантная история получила продолжение, как и предполагал Троцкий, в Москве, но только несколько позднее, в 1946 г., когда и завершилась по-сталински.

В сборнике впервые приведены и антибуферные доводы Сиббюро. В них было указано, что ДВР в своей внутренней политике применяет те же методы хозяйствования, что и в Советской России: реквизиции, продрозверстка и т.д., поскольку и там и тут - в ДВР управляли коммунисты. В итоге, - указывало Сиббюро, налицо недовольство трудящихся в городах (док. 196) и частые восстания крестьян (док. 67). Получалось (документы это показывают), что фронт подавления этих восстаний требовал почти такого же числа полков и дивизий как и война с интервентами и белогвардейцами (док. 102 и др.).

Разумеется, Сиббюро выступило и против главного, что было особенно неприемлемо для правоверных коммунистов в ДВР - права частной собственности и свободы торговли. Все это, по мнению Сиббюро, дискредитирует РКП(б), что помешает ей возглавить переход к Советам, когда такая необходимость настанет. Ответ Политбюро ЦК РКП(б) хорошо известен. 4 января 1921 г. оно решило "Признать советизацию ДВР безусловно недопустимой в

настоящее время, равно как и недопустимы какие бы то ни было шаги, способные нарушить договор с Японией" (док. 152, 153).

Однако, как только японские войска покинули Приморье, эта установка Центра утратила силу. В этой связи большой интерес представляет группа документов Дальбюро ЦК РКП(б) конца 1922 г., посвященных обеспечению всестороннего процесса ликвидации буфера и восстановления на его месте советской власти. Среди них весьма заметны постановления, источающие злобно-нетерпимое отношение к меньшевикам и эсерам, хотя сотрудничество с ними в годы борьбы с интервентами и белогвардейцами не раз было успешным и полезным (док. 1, 7, 93, 110).

В документах то и дело - строки, предписывающие беспощадную расправу с ними, необходимость ареста их видных деятелей, окончательной ликвидации и просто уничтожения этих партий, не говоря уже о запрете каких-либо переговоров с их представителями. Все это, разумеется, "с целью создания для данных партий такого же положения, которое существует ... в Советской России" (док. 308, 314, 315, 316). В общем, в сборнике - достаточно материалов, весьма своеобразно иллюстрирующих утверждение одного из местных деятелей Коминтерна, что "Российская советская республика является страной самой совершенной социальной и политической терпимости" (док. 176).

Много интересного содержит блок документов, повествующих о методах экспорта социалистической революции в близлежащие страны Востока. Причем, речь идет о способах не только идейно-пропагандистского, но и чисто военного воздействия на них.

За право вести коммунистическую работу в этих странах и среди тысяч китайцев, корейцев и монголов, находившихся в России, соперничали между собой многие партийные, государственные, коминтерновские организации и их представители. Это - Сиббюро и Дальбюро ЦК РКП(б), а также губернские бюро РКП(б), сам Исполком Коминтерна, и наконец, Наркоминдел РСФСР. Создавалась довольно большая организационная неразбериха (док. 40, 84, 96). Все хотели быть причастны к делу создания восточного фронта мировой революции, который, казалось, был не за горами. Форменная драка разыгралась между Дальбюро и Сиббюро за право возглавлять революционную работу в Китае, Корее, Монголии (док. 124, 129, 154). Стремясь положить этому конец, Коминтерн в декабре 1920 - январе 1921 г. попытался взять в собственные руки всю зарубежную революционную деятельность, создав в Иркутске Дальневосточный секретариат Коминтерна (ДВСК) и возложив на местные губкомы РКП(б) задачу коммунистического воспитания выходцев из восточных стран, находящихся на их территории.

Но и после всего этого Дальбюро продолжало заниматься организацией коммунистической деятельности за границей. Тогда с резким протестом в ЦК РКП(б) обратился глава ДВСК Шумяцкий. Он писал, что курс Дальбюро "стоит в вопиющем противоречии с основами буферной политики, всюду прокламирующей, что ДВР не ведет линии коммунизма и пропаганды его революционных идей в других странах" (док. 172).

Документы сборника показывают, что несмотря на соперничество сторон коммунистическая работа успешно развивалась, ибо, во-первых, антиимпериалистические идеи и призывы Октябрьской революции находили живой отклик среди наиболее активных участников растущего национально-освободительного движения в Китае, Корее и Монголии, а во-вторых, большевики не жалели средств и сил - людских, финансовых, военных - на всемерное обеспечение этого движения в расчете на его последующий поворот в русло социалистической революции.

В деле централизации коммунистической работы значительную роль играло Сиббюро. По-видимому, именно оно выполняло неформальные функции наблюдателя сверху за всеми субъектами коминтерновской заграничной работы в дальневосточно-сибирском регионе. В докладной записке, адресованной ЦК РКП(б) от 4.XII.1920 г., Сиббюро сообщало об организации этой работы, начальных ее результатах и ближайших перспективах. Главное внимание обращалось на ДВСК, его структуру, страновые отделы "с налаженным аппаратом" - издательским, связи и информации, говорилось о приезжающих в Россию революционерах Востока, о воспитании их в духе решений II конгресса Коминтерна, для чего намечалось создание разветвленной сети краткосрочных политшкол и курсов. Сообщалось также, что ДВСК интенсивно занимается созданием коммунистических групп в Китае и Корее, а также направляет их на распространение нелегальной, кружковой агитационно-пропагандистской работы в более широких слоях населения.

Говорилось и о том, что ДВСК стремится вообще "взять в свои руки руководство всеми [китайскими и корейскими] оппозиционными элементами" путем "вхождения [коммунистов] для органической работы" внутрь этих националистическо-революционных организаций (док. 142). Такой радикальный метод воздействия на революционные элементы национально-освободительного движения обычно связывался с именем голландского коммуниста, представителя ИККИ в Китае Маринга и был впервые осуществлен в Китае же лишь в августе 1922 г. Тогда, что хорошо известно, коммунисты по решению Коминтерна вступили в ряды Гоминьдана, рассчитывая подчинить его себе и даже перестроить в рабоче-крестьянскую партию. Как видно, этот троцкий курс зарождался уже в конце 1920 г. в недрах ДВСК.

Значительная группа документов сборника убедительно свидетельствует о намерении советской власти осуществить военно-революционный поход в Корею в целях ее советизации и, следовательно, освобождения от японских колонизаторов и собственных угнетателей. Поэтому усилия большевиков были прежде всего, еще в 1918 г., направлены на создание коммунистических организаций среди корейского населения Сибири и Дальнего Востока, руководства ими и быстрого формирования освободительной Корейской Красной Армии, подготовки командных кадров для нее.

В этой своей деятельности большевики достигли известных успехов, встретив горячую благодарность собственно корейских руководителей, а также их полную поддержку идеи советизации своей родины и подготовки восточного фронта мировой революции (док. 20, 72, 77, 125, 144). К концу 1920 г. в России существовало уже более 16 корейских партийных организаций, а в их рядах состояло свыше двух тысяч человек. С санкции Сиббюро, а затем и Дальбюро, под общим руководством ДВСК проводились корейские съезды социалистов, коммунистов и даже беспартийных (док. 109, 129). В июле 1920 г. был создан ЦК корейских коммунистических организаций России², а 20.VII.1920 г. председатель Сибревкома Смирнов телеграфировал "Срочно, вне очереди" Карахану в Наркоминдел, что "во Владивостоке и Благовещенске организованы областные комитеты Корейской компартии, работающие [также] под нашим руководством" (док. 82).

Не менее интересны материалы за май-июнь 1920 г. о результатах работы по созданию Корейской Красной Армии и сосредоточению ее частей в Сибири, где стали действовать и военно-инструкторские курсы, готовившие красных командиров для этой армии, создавались новые воинские отряды среди местных корейцев, в августе 1920 г. намечался перевод в Иркутск из

ДВР китайско-корейского полка (док. 88). Наркоминдел и Реввоенсовет РСФСР санкционировали всю эту деятельность (док. 51, 56).

В декабре Сиббюро сообщило ЦК РКП(б), что "китайский и корейский отделы Дальневосточного секретариата Коминтерна имеют вполне сформированные батальоны (при 5 армии)" (док. 142). Наконец, в начале 1921 г. был даже учрежден Корейский Реввоенсовет, объединивший под своим руководством несколько корейских отрядов в крупное воинское подразделение в составе НРА ДВР (док. 266).

Однако идея создания Корейской Красной Армии и ее похода в Корею не осуществилась. Когда подготовка такого похода стала слишком очевидной и близилась к завершению, с резким протестом против нее выступил Чичерин.

10 июня 1921 г. он писал в ЦК РКП(б): "Пока Япония в борьбе против ДВР и СовРоссии ограничивается нынешними ограниченными действиями без открытой войны [против нас] и продолжает обнаруживать колебания, отправка из СовРоссии и ДВР в Корею повстанческих отрядов в форме целых соединений недопустима".

Ленин полностью поддержал наркома и в тот же день начертал на полях его письма: "предложение [Чичерина] принять за основу ... при посылке [директивы] письмом или телеграммой формулировать еще острее. Исправление в этом смысле поручить Чичерину." Вслед за подписью "Ленин" читаем: "За - Молотов, за - Калинин, за - Зиновьев".³

Вскоре после этого дружественное заинтересованное отношение большевиков к корейским революционерам и их партизанским отрядам сменилось напряженностью и даже враждой. Вот пример: 28 июня 1921 г. крупный корейский партизанский отряд (1500 штыков) не подчинился приказу начальства из НРА ДВР о передислокации из района г. Свободный в район г. Зеи. И тогда "без ведома и согласия корейского Реввоенсовета" последовало "вмешательство командования 2 армии ДВР в дела корейских частей".

Расправа с ослушниками была кровавой. В результате сражения с ними 29 полк 2-ой армии потерял одного убитого и четырех раненых, зато "потери на стороне неповиновавшихся были очень большие (точно не выяснено)". Отряд разоружили, 800 человек арестовали и перевели в рабочие бригады. Это сообщение о бунте, о принятых мерах против него и вообще о корейских боевых частях было подписано главкомом ДВР Блюхером и направлено в Сиббюро с просьбой "срочно подтвердить" (док. 266).

Дальнейшее развитие отношений большевиков с корейским партизанским движением в сборнике не представлено. Однако отражено их печальное окончание во время Дайренско-Чаньчунских переговоров и приближавшегося ухода японских войск в Корею. Естественно, что как раз в то время корейцы стремились не только продолжать, но и наращивать удары против японских войск. Однако тогда они были уже не нужны и даже вредны большевикам, ибо мешали быстрейшему изживанию японского военного присутствия на российском Дальнем Востоке.

В сборнике представлены два красноречивых постановления Дальбюро, завершавших участие корейцев в вооруженной борьбе за советы на Дальнем Востоке. В первом, от 15 августа 1922 г., предлагалось всем приморским властям и Военному совету "принять меры к недопущению развития корейскими партизанскими отрядами боевых операций на русской территории вообще", а во втором, от 25 октября 1922 г., предписывалось "корейские партизанские отряды Приморья ... демобилизовать, а нежелающих демобилизоваться разоружить" (док. 309, 315).

Заслуживает особого внимания серия документов, посвященных монгольскому вопросу. Этот вопрос возник еще в связи с агрессией царизма, установившего над Монголией в 1913 г. свой протекторат, правда, при формальном признании над ней суверенитета Китая. Монгольский вопрос стал вновь актуален, начиная с 1920 г. Тогда территория Монголии использовалась белогвардейскими частями в качестве плацдарма для вооруженной борьбы против советской власти, войска же пекинского правительства (в 1919 г.) снова (как до 1913 г.) заняли страну, чтобы закрепить ее возвращение в состав Китая, а большевики с Красной Армией, противодействуя белогвардейцам и агрессивным намерениям Японии, прилагали все силы, чтобы советизировать Монголию и сделать ее звеном восточного фронта мировой социалистической революции.

Завязалась сложная борьба между столкнувшимися странами, включая Монголию, добывавшуюся независимости прежде всего от Китая, восставшавшего свое господство над ней. Победителями в этой схватке оказались большевики. И данный сборник, возможно, впервые в исторической литературе Российской Федерации, не говоря уже о публикациях в СССР, приподнял непроницаемую завесу почти восьмидесятилетнего молчания над важнейшими деталями истории вооруженной и дипломатической борьбы большевиков за просоветское решение монгольского вопроса, за советизацию Монголии.

Причем, показана инициативная, порой едва ли не решающая роль в этой борьбе местных деятелей из различных бюро РКП(б), областных управлений и армии. Она была даже впоследствии отмечена советским полпредом в Китае А.А.Иоффе, написавшим руководству страны в сентябре 1922 г., что если бы не войска Унгерна, вторгшиеся в Ургу, и не наши "местные товарищи", упорно требовавшие захвата соседней страны, "мы не советизировали бы Монголии"⁴.

Кстати, Иоффе в том же письме резко критиковал советизацию Монголии, начавшуюся в 1921 г., считал ее повторением царской политики, в результате которой "Монголия фактически была отторгнута от Китая и полуаннексирована Россией"⁵.

Вот полное тревоги за ослабление российских позиций в Монголии письмо уполномоченного НКВД на Дальнем Востоке Янсона, оно адресовано в Москву, НКВД и в Омск, Сиббюро от 22.IV.1920 г. "В Монголии, - пишет Янсон, - полное господство китайцев - японофилов, не исключены агрессивные действия в отношении России", даже "формируются белогвардейские отряды", а советская опора - "революционная дума в Урге ликвидировалась" (док. 30).

Этому посланию противостоит другая, весьма оптимистическая докладная в Сиббюро от 26.IX.1920 г. Рычкова-Ракая, участника пограничных переговоров с китайскими властями о выдворении из Синьцзяна и Западной Монголии утвердившихся там белогвардейцев. Автор полагает, что роль России в борьбе за Монголию должна состоять в том, чтобы "толкнуть вперед и усилить" освободительное антикитайское движение ее народа. И "при такой постановке дела, - утверждает он, - Монголия будет наша в течение двух-трех месяцев" (док. 115). Автор ошибся в своем прогнозе всего на несколько месяцев.

Этот план безусловно осуществлялся, хотя и встречал в начале некоторое противодействие Сиббюро. 2 октября 1920 г., как известно, войска барона Унгерна, ставленника Японии, захватили Ургу. Видимо, вскоре, в октябре предсিবревкома Смирнов, сообщая Ленину, что Пекин в связи с этим захватом просит советской помощи, писал: "Наше вооруженное вмешательство в монгольские дела на стороне Китая вызовет нежелательное в настоящих ус-

ловиях столкновение с Японией", что опасно и потому пока нецелесообразно (док. 126). По-видимому Ленин не согласился с этим мнением. И поэтому уже 6 ноября "командующий сибирскими войсками Шорин получил с согласия НКВД боевую директиву главкома Каменева - "добить белогвардейские отряды, ушедшие из России ... в Ургу". В тот же день был отдан приказ 35-ой дивизии, стоявшей в Иркутске, "двинуться в Монголию". Это сообщение - из новой телеграммы Смирнова, отправленной Ленину тогда же, 6 ноября. Причем ее автор вновь выражал тревогу в связи с тем, что предстоящая операция "может кончиться для нас катастрофой даже помимо Японии", поскольку дивизии предстоит путь в 900 километров без какой-либо к нему подготовки "и при запутанном положении в Монголии" (док. 127).

Но движение советских войск вскоре было задержано, ибо стало известно, что китайские войска сами освободили Ургу. Однако Унгерн не был выбит из Монголии и коммунистические агенты Сибири и ДВР активно работали внутри страны, используя сложившуюся обстановку для утверждения в Монголии советского влияния.

В обширном донесении от 29.XI.1920 г. сотрудник Секции восточных народов Сиббуро Гочитский, находившийся в монгольской командировке, писал своему руководству, что "китайцы воспользовались выступлением Унгерна, чтобы ... окончательно поработить Монголию и подавить всякое ее желание к независимости". Тем не менее "умы рядовых монголов и крупных князей заняты сильнейшим желанием освободиться от ига китайцев и они ждут помощи от Советской России". Поэтому "необходимо усилить агитацию в пользу Советской России..., а для ослабления сил белых и китайцев ... добиваться их столкновения между собой". Надо, кроме того, создавать "монгольские отряды для партизанско-разбойничьих действий в тылу китайцев в Гоби", чтобы прервать их связь с Пекином и затруднить поставку новых войск. Гочитский обращал внимание также на Народную партию (будущую МНРП), которая нуждается в инструктировании и усилении руководства со стороны Секции восточных народов, а "Чойболсан и Сухэ-Батор ждут средств" от Секции, так же как и он сам и еще двое других товарищей. Все они вынуждены "бездействовать за неимением средств для установки связей, приглашения агентов и т.д." (док. 139).

События на Дальнем Востоке развивались быстро, шла война, и Смирнов, еще совсем недавно весьма осторожный политик, в конце февраля 1921 г. становится на позиции самого радикального и немедленного решения монгольского вопроса. Он вместе с главой ДВСК Шумяцким вырабатывает и направляет в НКВД (25.II.) план вооруженного удара армии ДВР по наступающим войскам Унгерна, подходивших тогда к советской границе на линии Кяхта - Маймачен.

В результате, "Создается возможность, значилось в плане, с помощью партизанских отрядов Монгольской народно-революционной партии, снабдив их оружием и военными инструкторами, занять пограничную с нами часть Монголии и провозгласить там действительную независимость Монголии ... этим самым будет разрешен вопрос об охране русско-монгольской границы и возможность нашего проникновения в Монголию путем создания в ней власти Монгольской Народно-Революционной партии, ориентирующейся на Сов. Россию". План завершался просьбой дать "срочный ответ", ибо в связи с реальной угрозой вторжения Унгерна в Кяхту "мы уже встали перед лицом необходимости ... приступить к исполнению настоящего плана" (док. 173, 176).

Но, отправив этот завоевательный план, Смирнов и Шумяцкий спохватились, что не все в нем предусмотрели, и срочно, по прямому проводу 2 мар-

та 1921 г. передают специальную записку Чичерину и Ленину с существенными дополнениями к плану. Во-первых, они полагают, что уж коли освободить Монголию и восстанавливать ее "независимость" под эгидой Советской России, а это было решено Москвой еще осенью 1920 г., то лучше предварительно включить в ее состав Урянхайский край (Туву). Соответствующая просоветская работа там уже давно проводилась, о чем документы сборника говорят убедительно и ярко. Включение Урянхая, утверждалось далее, укрепит наши влияние и силы в Монголии, и также "придаст устойчивость правительству Народно-революционной партии". Во-вторых, записка определяла способ избрания правительства Монголии, его конструкцию, даже численный и персональный состав. Во главе кабинета предлагалось поставить Бодо и Чойболсана (док. 177, 178; об Урянхае: 152, 225-а, 252, 253, 290 и др.).

Все планы и предложения Сибревкома, его Секции восточных народов и ДВСК Москва одобрила и приняла меры быстрее их осуществления. Уже 5 марта зам.наркома по иностранным делам Карахан сообщил Смирнову и Шумяцкому, что: 1. главком Каменев "приказал выдать МНРП 3.000 японских винтовок, 10.000 ручных бомб, 2.000.000 патронов, 5 пулеметов, 150 револьверов; 2. зампредреввоенсовета республики Склянский заявил, что "экспедиция в Монголию партизанскими отрядами" и вообще наши действия в этой стране "не встречают возражения"; 3. сам Карахан указал, что обращение китайского губернатора Урги Чен И от 19.II с просьбой ввести русские войска в 25-верстную пограничную полосу Монголии и помочь китайским частям боеприпасами "дает нам легальный повод для вмешательства" (док. 179).

При этом наркоминдел неизменно в своих посланиях Китаю⁸ по монгольскому вопросу подчеркивал, что РСФСР "ни в коем случае не посягает на суверенитет Китая над Монголией". Янсон, например, внушал Смирнову, "что даже в случае образования революционного правительства в Монголии не следует его нарушать" (док. 178).

И вот, 13 марта 1921 г. было образовано такое именно правительство. В мае оно уже обратилось к правительствам РСФСР и ДВР с просьбой о введении их войск в Монголию для противодействия Унгерну. И, конечно, никаких 25-верстных ограничений не устанавливалось. Поэтому, когда в июне "Красная Армия и войска Народно-революционной армии вступили в пределы Монголии", то было заявлено об их намерении двигаться "вглубь" страны. Беспокойство вызывало лишь одно - удастся ли обеспечить их "свободное и безболезненное продвижение" в Ургу и далее в глубь страны. Примечательно, что обеспечением благоприятных условий продвижения российских войск и установлением для этого дружественного отношения к ним монгольского населения занялся Дальневосточный секретариат Коминтерна, наглядно зафиксировав, что является функциональным органом РКП(б) и Советской власти, как и Коминтерн в целом (док. 185, 214, 275 и мн. др.). Именно ДВСК и его глава Шумяцкий в телеграммах Сибревкому и Сибвнешторгу настойчиво доказывали, что необходимо потребовать от командования непрямого отказа от каких бы то ни было реквизиций у монгольского населения и немедленной оплаты за пользование его скотом, продовольствием и различными услугами. "В противном случае, - указывалось в телеграмме от 29.VI.1921 г., опасаясь создания дурных отношений с местным населением Монголии" (док. 262, 275).

Немало сделав для быстрее и беспрепятственного ввода советских частей в Монголию, ДВСК вовсе не проявлял интереса к определению сроков их пребывания в стране и ухода из нее, хотя от этого прямо зависел характер отношений монголов к российской армии. Впрочем, эта проблема не была поставлена и в обращении самого монгольского революционного правительства к

РСФСР и ДВР. Была она "забыта" и в советско-монгольском соглашении о дружбе, подписанном в начале ноября 1921 г.' Но о ней все же вспомнили... Советские войска окончательно покинули гостеприимную страну только в 1989 г.

Помимо отмеченных выше проблем документы сборника освещают и другие важные вопросы, стоявшие в то время перед советской властью на Дальнем Востоке. Конечно, это строительство Народно-революционной армии ДВР, укрепление советских войск и обеспечение ее действий на многих фронтах сражений с белогвардейскими частями Семенова, Унгерна, Калмыкова, Бакича и многих других, а также японских оккупантов. В этом ряду примечательны документы о разгроме и пленении Бакича в ходе совместной операции советских и китайских войск в Синьцзяне (док. 282, 288, 292). Видимо именно этот пример успешного боевого содружества укреплял впоследствии Сунь Ятсена и советское руководство в мысли организовать из Синьцзяна советско-китайский поход против пекинского правительства.

Запомнится читателю и протокол судебной расправы с партизанским вожакон Тряпициным, называвшим себя анархистом-индивидуалистом (док. 6, 12, 21, 75). Представляется, что эту фигуру стоило бы подробнее отметить в специальном примечании. Интересны также материалы о большой коминтерновской работе в Японии и среди японских войск в России, серьезно подрывавшей антисоветскую политику Токио как в процессе интервенции, так и во время Дайренско-Чаньчунских переговоров (док. 54, 71, 124, 129, 137, 138, 142, 143, 163, 296, 298, 299, 301, 305, 311).

Нет возможности перечислить все вопросы, которых касаются публикуемые документы, их чрезмерно много. Думаю, немалое число материалов могло бы не присутствовать в сборнике (напр. док. 162, 164, 168, 171, 201, 209, 213, 221, 223, 224). Сборник из-за столь значительного разнообразия и разнохарактерности представленных в нем документов особенно нуждается в предметном указателе. Но его вовсе нет, и даже высококвалифицированный читатель будет тем очень раздосадован и, более того, будет поражен, когда не обнаружит даже абсолютно обязательного в таком издании списка содержащихся в нем документов. Читателю, чтобы найти интересующий его документ, придется, если не прочесть, то, по крайней мере, просмотреть все 362 страницы сборника. Нет в сборнике и необходимого списка сокращений, зато напрасно занимает место бессмысленное перечисление месяцев и годов, почему-то названных "содержанием".

Теперь - о нумерованных примечаниях комментаторского характера, располагаемых после документа. Их ничтожно мало. Из 317 документов только 45 снабжены примечаниями, хотя для очень многих материалов комментарии просто необходимы.

Существуют в сборнике еще и внутритекстовые краткие примечания в скобках о пропущенных отдельных словах и т.д. Они нужны, но совершенно непозволительно назойливо следующие за ними в каждом случае инициалы прописными буквами - "М.М. и В.П.", обозначающие авторов этих замечаний - д.и.н. В.Познанского и к.и.н. М.Мальшеву. Таких примечаний множество. От них порой в глазах рябит. Есть ведь способ сообщить фамилию автора примечаний - всего один лишь раз, написав об этом на обороте титульного листа или в предисловии. А кроме того, непонятно, почему не отмечено авторство важных примечаний комментаторского характера.

Вводная статья "От составителей", хотя и дает читателю некоторые полезные сведения о ситуации 1920-1922 гг. на Дальнем Востоке, но они недостаточны и по числу, и по содержанию. Статья эта не стала серьезным и главным комментарием к материалам сборника, ибо в ней не определены бло-

ки представленных документов, не дана обобщенная характеристика самого существенного в них и не намечена периодизация военно-политических событий, отразившихся в сборнике.

И еще о некоторых упущениях в организации сборника. В определении названий документов, обозначении их дат, мест отправления или создания и адресатов царит произвол составителей. Иногда вслед за названием, предложенным составителями, следует набранное петитом его, так сказать, "самоназвание", но чаще оно отсутствует. Место создания документа порой отмечено, порой нет, не всегда назван и адресат. Возможно, что большая часть из отмеченных упущений имеют независящие от составителей причины, но в любом случае порядок публикации, принятый для данного сборника, необходимо было изложить и обосновать в предисловии. Кроме того, составители почему-то не желают называть письма письмами, а телеграммы телеграммами. И хотя документы такого рода составляют подавляющее большинство среди представленных в сборнике, называются они почти всегда иначе. Например, письмо Фрумкина Чичерину (док. 6) названо "мнением Фрумкина"; телеграмма члена Дальбюро Гончарова председателю Сибревкома Смирнову (док. 29) названа "соображениями...Гончарова", а телеграмма Смирнова Чичерину (док. 70) - "согласием Сибревкома на эвакуацию военнопленных...", что неверно и по существу, ибо здесь Сибревком просит у наркома Чичерина разрешения на предполагаемую эвакуацию", о чем и следовало сказать в названии. И таких примеров очень много.

Часто в названиях приводятся сведения, которых нет и самом документе, и читателю не сообщается откуда эти сведения заимствованы. Например, письмо от 29.XI.1920 г. о военно-политическом положении в Монголии названо "Информацией сотрудника секции восточных народов Гочитского" (док. 139). Но в самом документе эта фамилия вовсе не фигурирует и откуда она ззялась не понятно. И еще - телеграмма Смирнова главному НРА ДВР Лапину от 4.VI.1921 г. названа "Ответом на запрос последнего о военных действиях". Но из телеграммы не видно в чем состоял запрос Лапина и т.д.

Нельзя не упрекнуть составителей и в том, что они отказались от применения метода перекрестных ссылок между отдельными документами и нумерованными примечаниями, которые связаны по содержанию друг с другом. Такой метод был бы очень уместен.

По окончании вводного раздела напечатана петитом одинокая и загадочно звучащая строка: "Редакция не во всем разделяет точку зрения публикаторов". Собственно, загадка здесь не столь сложна. Точка зрения составителей и архива, поставившего свой гриф на титульном листе, выглядит достойно и представлена открыто, во-первых, в самом подборе документов, отражающих события всесторонне и объективно, а во-вторых, в тексте вводной статьи, где они, хотя и несколько смущенно, но все же обозначили свой отказ от обязательного прежде для советских историков апологетического освещения любых деяний РКП(б) и Советской власти.

Хотелось бы ошибиться, но думаю, что редакция издательства не согласна именно с этим подходом составителей, не пожелавших исправлять историю и соответственно подбирать документы в направлении, привычном для нас за 75 прошлых лет. "Высшее руководство РСФСР, - пишут они, - вынужденно встало на путь "тайной дипломатии", мало чем отличающейся от критикуемой "империалистической" (стр. 12). Иначе говоря, умозаключают они, - "с волками жить - по волчьи выть" (стр. 10).

Как видим, составители все же не удержались от попытки оправдать большевиков за официально отрицавшийся, а фактически осуществлявшийся

ими экспорт революции в другие страны рассуждениями об их вынужденности действовать как все державы. Но какая уж тут вынужденность, когда в 1920 г. руководство РКП(б) не только теоретически обосновало свое "право" на "красную интервенцию", на вооруженный экспорт революции, но и приступило к практическому осуществлению этого "права" на Западе (война с Польшей) и на Востоке (вооруженные интервенции в Иран и Бухару)⁴.

Вообще, создается впечатление, что составители, обнародовав много принципиально важных и нужных документов, ранее к публикации не допускавшихся, испугались и стали извиняться за свою отчаянную смелость. Становится особенно досадно, когда читаешь строки о боязни "выглядеть безответственными заявителями сенсации" (стр. 12) и их обращение за поддержкой к поздравительной телеграмме Ленина по поводу взятия Новониколаевска, чтобы, упаси господи, так не выглядеть. А извиняться то не за что. Видимо парт-цензор все еще пребывает в наших головах и держит нас в страхе.

В общем, сборник документов, изданный историками Новосибирска, представляет большую научную ценность, ибо значительно расширяет круг в основном неизвестных доселе достоверных источников, которые позволят ученым углубить исследование многих проблем внутренней и внешней политики советской власти на Дальнем Востоке начала 20-х годов, помогут ликвидации белых пятен в наших знаниях собственной истории. Составители проделали большую и плодотворную работу по выявлению и отбору архивных документов и безусловно заслуживают большой благодарности историков. В то же время нельзя умолчать, что недостатки в организации сборника и в его научно-справочном аппарате весьма существенны, огорчительны, и даже непростительны, но все же преодолимы.

© 1997

*М.Персиц,
доктор исторических наук*

- 1 РЦХИДНИ, ф. 372, оп. 1, д. 12, л. 154.
- 2 См. Революционная демократия и коммунисты Востока. - М., 1984. - С. 194-195.
- 3 РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 654, л. 1.
- 4 РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2145, л. 38.
- 5 Там же, л. 37.
- 6 См., например, Документы внешней политики СССР, т. III. - М., 1959. - С. 324, 345-346.
- 7 См. там же. Т. IV. - М., 1960. - С. 476-480.
- 8 См. Ленин В.И. Политический отчет ЦК РКП(б) на IX конференции РКП(б) 22.IX.1920 г. // Исторический архив, 1992, № 1. - С. 12-31; Бухарин Н.И. О наступательной тактике. // Коммунистический Интернационал, 1920, № 15. - С. 3075-3076; Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран. 1920-1921 гг. - М., 1996. - С. 1-57; Генис В.Л. Разгром Бухарского эмирата. // Вопросы истории, 1993, № 7. - С. 39-54; Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.). - Новосибирск, 1996. - См. документы о Монголии, Урянхайском крае (Туве), Китае и корейском партизанском движении в России.

В лесах Маньчжурии (К 125-летию Н.А.Байкова)

© 1997

А. Хисамутдинов

В этом году исполняется 125 лет со дня рождения известного в кругах эмиграции литератора и ученого-натуралиста Николая Аполлоновича Байкова. Он был своеобразным литературным "двойником". Судьбы этих двух дальневосточников оказались удивительно схожими: оба родились в один и тот же год - 1872, увлекались природой, охотой, путешествиями, писали о тайге и ее обитателях. Только один творил во Владивостоке, а другой - в Харбине.

Николай Аполлонович Байков родился 29 ноября 1872 г. в Киеве. В нем текла кровь Шамиля, племянницей которого была его бабушка со стороны отца. Первым, кто заразил Николая Байкова жаждой странствий, был Н.М.Пржевальский, сказавший однажды еще кадету Байкову: "Ты интересуешься, убивал ли я тигров. К сожалению, нет. Много всякого зверя я стрелял, но тигров не удалось взять ни одного. Это ты сделаешь за меня, когда будешь путешествовать по тайге Маньчжурии или Уссурийского края".

Впервые Н.А.Байков встретился с известным путешественником летом 1887 г. в доме своего отца, который дружил с Пржевальским. Рядом с человеком, о котором гремела мировая слава, юный Байков чувствовал себя неловко, предлагал не стесняться и видеть в госте своего старшего товарища. Он долго беседовал с кадетом о корпусе и об учебе, а узнав, что Коля увлекается природой, охотой и путешествиями, вспомнил свою юность, когда он сам испытывал подобное.

Н.А.Байков часто вспоминал о той встрече, которая определила всю его жизнь: "Если ты так любишь природу и охоту, - говорил Н.М.Пржевальский, - советую тебе после учебы отправиться на Дальний Восток. Дивный край! Прекрасная охота! Тайга - что твои силвасы Бразилии! Степи - пампасы Аргентины! Такой природы нет даже у нас на Кавказе и Туркестане! Жаль, что мне не удалось побывать там вторично!"

Чтобы мальчик смог получить наглядное представление о природе Дальнего Востока, Пржевальский подарил ему свою книгу "Путешествие в Южно-Уссурийский край", на которой сделал памятную надпись: "Моему юному другу Николаю Байкову от старого лесного бродяги". Передавая ему книгу, путешественник сказал: "Возьми эту книгу и постарайся ее дополнить."

Она будет тебе полезна в будущем. А судьба твоя меня интересует куда больше, чем ты думаешь”.

Окончив 2-ю классическую гимназию в Киеве в 1889 г., Н.Байков прослушал один курс медицинского факультета киевского университета, затем поступил на естественно-исторический факультет Санкт-Петербургского университета. Но в это время умер его отец - генерал-лейтенант и член Главного военного суда в Петербурге, - и молодой Байков бросил учебу и поступил в Тифлисское военное училище, которое окончил по 1-му разряду в 1896 г. Свою службу Н.Байков начал подпоручиком в 16-м Гренадерском Мингрельском Великого князя Дмитрия Константиновича полку. На Кавказе офицер познакомился с известным натуралистом Г.И.Радде, ставшем его первым учителем. Поощряя интересы подпоручика, командир полка Великий князь Николай Михайлович разрешил Байкову использовать служебное время для работы в местном музее. Байков сполна отплатил начальству и смонтировал в 1897 г. этномологическую коллекцию Великого князя, собрал также коллекции для музея в Боржоми и Академии наук.

Мысль о Дальнем Востоке Николаю Байкову внушил академик Д.И.Менделеев, рассказавший ему о строительстве Китайско-Восточной железной дороги. 8 декабря 1901 г. командиру 108-го пехотного Саратовского полка был отправлен приказ: “/.../ поручик Байков переводится высочайшим приказом от 26 ноября с.г. в Отдельный корпус пограничной стражи в Заамурский круг сего корпуса. вследствие чего штаб корпуса по приказанию командира корпуса просит Ваше Высокоблагородие предложить упомянутому офицеру отправиться по месту его назначения /.../”. В Харбине офицеру предложили хорошую должность в штабе округа. В те времена пограничные войска не пользовались популярностью, их презрительно называли “таможенной стражей” или “Гвардией Матильды” по имени супруги графа С.В.Витте, который был шефом корпуса пограничной стражи. Но Николай Аполлонович настоял на своем желании служить на охране восточной линии КВЖД.

“В 8 часов утра выехали мы, наконец, - вспоминал Байков позднее, - из Харбина на восток. Мечты мои осуществились: я попал в ту таинственную страну, носившую название “Маньчжурия”, о которой в наших популярных географиях было сказано несколько слов: “Маньчжурия - дикая страна, покрытая дремучими лесами. Здесь растет знаменитый женьшень, водятся тигры и добывается трава для обуви - ула”.

14 лет провел Николай Аполлонович Байков в Маньчжурии: неоднократно рисковал жизнью в схватках с хунхузами, занимаясь ликвидацией их банд, и участвовал в русско-японской войне, собирал научные коллекции и охотился на тигров, писал рассказы и научные работы. У себя дома Н.А.Байков собрал целый зоопарк для наблюдений за жизнью диких животных: от медведей и волков до щитомордника. Не было только тигра - его было накладно содержать на офицерскую зарплату, но среди охотничьих трофеев Байкова он встречался и не однажды. “Находясь на службе, - писал Николай Аполлонович в автобиографии, - занимался исследовательской и литературной деятельностью, выполняя задания Императорской академии наук по сбору зоологических и ботанических экспонатов; по указаниям директора Зоологического института профессора Насонова и ученого ботаника Д.И.Литвинова, произведя исследование края, исходил пешком и верхом всю Гириинскую провинцию от р. Сунгари до границ Кореи, вдоль и поперек”. В 1906 г. он работал в топографическом отряде Генерального штаба по съемке и составлению двухверстовой карты Северной Маньчжурии. На следующий год Академия наук присвоила офицеру почетное звание “Сотрудник-корреспондент”. За на-

учную деятельность Министерство государственных имуществ наградило в 1908 г. Байкова земельным участком в 100 десятин в Южно-Уссурийском крае.

Служба не давала полной свободы для изучения природы и путешествий, и в 1914 г. ротмистр Н.А.Байков вышел в отставку, "предлагая, - как он писал, - поселиться на участке в Южно-Уссурийском крае, отведенном мне распоряжением Министерства государственных имуществ в 1908 г., на основании ходатайства Академии наук, в воздание моих заслуг по изучению природы Маньчжурии". Но мечте не суждено было сбыться, и вместо желанной тайги Байков попал на фронт первой мировой войны.

Четыре года провел Байков в действующей армии: стал полковником, командиром полка, кавалером ордена Св.Владимира 3-й степени с мечами и бантом. неоднократно был ранен и контужен. Советскую власть Н.А.Байков не принял. Изменив внешность и отпустив бороду, он бежал на юг. Полковник Байков командовал Полтавской дружиной (1918), воевал против красных в добровольческой армии в офицерском батальоне генерала Гуттенберга (1919). Перерыв в кровавой бойне он сделал в Николаевске, когда тяжело заболел тифом. Почти два года Байков с семьей мыкался за границей, был в Индии и Египте, пока не вернулся в 1922 г. в Харбин.

В августе 1925 г. В.К.Арсеньеву принесли письмо от Н.А.Байкова. "Сегодня получил от Вас три книжки Ваших трудов, за что приношу глубокую благодарность и признательность, - писал Байков из Харбина. - Я их еще не читал, но, судя по беглому взгляду, они так же интересны и живо написаны, как и все ваши труды по описанию природы и быта обитателей нашего Дальнего Востока /.../ До поступления на концессию Ковальского я зарабатывал на хлеб и кормил семью чертежными работами в частных фирмах Харбина и продажей чучел птиц. На концессии я прослужил в качестве десятника три года, получая по 40 зол. руб. в месяц. Теперь остался с семьей на улице, без средств и без куска хлеба. Советского паспорта не взял до сих пор по причине, что не имел возможности это сделать, за неимением средств, т.к. мне едва хватило заработка, а затем жалованья на пропитание. Первый год службы у Ковальского я был сторожем и получал 25 иен, т.е. 15 зол. руб. в месяц. Кроме того, приходилось выплачивать долги, которые я сделал за первое время безработицы. Таким образом, я никак не мог уделить ту сумму, которая необходима для уплаты за регистрацию и паспорт СССР. Помимо того, я жил все время на линии, вдали от Харбина, и поездка в Харбин для выбора паспорта, была для меня совершенно непосильна. В настоящее время, лишившись места, я не имею и тех грошей, которые зарабатывал для семьи тяжелым трудом. В профсоюз меня не принимают, т.к. я не пролетарского происхождения, надо сперва зарегистрироваться и принять подданство СССР, что стоит значительных денег, которых у меня, к сожалению, нет. Словом, по видимому я попал в заколдованный круг, выйти из которого трудно. Вы, как бывший офицер, состоявший почти в таком же положении, как я, понимаете, меня лучше другого и что предпринять, чтобы опять явилась возможность существовать и содержать семью из жены и малолетней дочери". По вполне понятным причинам Байков не написал всю правду. Конечно, Владимир Клавдиевич не мог ничего посоветовать другу. Времена в России наступили иные.

Действительно, Н.А.Байкову очень трудно жилось в эмиграции. Нищенская зарплата лесного смотрителя едва позволяла сводить концы с концами. В последнем из сохранившихся писем к Арсеньеву Н.А.Байков писал: "На лето предполагаю поехать куда-нибудь на линию, поближе к родной тайге, воздух которой должен окончательно излечить мое больное сердце. Лета мои (55) еще не так велики, и я еще не думаю сдаваться на капитуляцию;

кроме того, мне необходимо прожить еще лет 10, чтобы поставить на ноги девятилетнюю дочь. Через 10 лет я могу умереть спокойно, выполнив, по мере сил и возможности, свой долг перед родиной, оставив некоторый след в краеведческой литературе Дальнего Востока по изучению его животного мира". На календаре был июнь 1928 г., и после этого переписка заглохла. Судьбе было угодно, чтобы В.К.Арсеньев так и не встретился с Н.А.Байковым. Кстати, их единственные дочери носили одно и то же имя - Наташа.

Н.А.Байков был одним из инициаторов создания в Храбине музея, Общества русских ориенталистов и Общества изучения Маньчжурского края. В 1923 г. Байкова избрали Пожизненным Почетным членом ОИМК. В 1930 г. Байков стал штатным преподавателем естествознания в 4-й отделе Департамента народного просвещения в Маньчжурии, но 1 сентября 1934 г. его уволили "за антикоммунистическую работу в школах и за отказ в лонгации советского паспорта, просроченного с 1932 г.". "До 1934 года, - отмечала газета "Русская Жизнь", Н.А. поместил в "Вестнике Маньчжурии" более 12 научно-популярных очерков, некоторые с обильным иллюстрационным материалом, на различные темы от "Охотничьих племен Северной Маньчжурии" и "Зверового промысла и пушной торговли Маньчжурии" и отчетов об экспедициях, также и кратких монографических описаний биологии редких или типичных представителей маньчжурской фауны, как, например, соболя, кабарги, фазана и т.п. В дело популяризации охраны природы, правильной охоты и промысла, изучения животного мира Н.А. также вложил немало труда и энергии, читая лекции в ОИМК, в русском Обществе правильной охоты и рыболовства, в школьных кружках, литературных кружках, у скаутов-пржевальцев и в Клубе юных натуралистов, и печатая свои статьи в местных охотничьих журналах, газетах и изданиях различных обществ и кружков. Он часто подписывал свои статьи псевдонимами, как, например, Пенснэ, Заамурец, Следопыт, Зверобой, Натуралист-Охотник, Промысловик, Скиталец". Ручеек признания хоть и медленно, но все же пробивал себе дорогу. В том же 1934 г. Николай Аполлонович решил бросить работу и заняться только литературным трудом. Писал и издавал он очень много. Самые известные его произведения - "В делях Уссурийского края" - "Великий Ван", который принес автору мировую славу. Книги Байкова помимо Китая издавались в Лондоне, Париже и Токио. По популярности за границей он сравнивался с В.К.Арсеньевым.

До самой старости Н.А.Байков не забросил своего увлечения - охоты, впечатления от которой питали все его произведения. Его работами заинтересовался известный эмигрант, бывший министр колчаковского правительства Иван Иннокентьевич Серебренников. Он решил написать первую биографию Байкова, попросив того рассказать о себе. "Как охотник-натуралист, - ответил на это предложение Н.А.Байков в своем письме в 1937 г., - я вел всегда точный учет своих трофеев и количество добытых зверей и птиц. Охотился я во многих странах старого света как-то: Россия, Африка, Азия и Малайские острова. В России охотился в Польше, Литве, Малороссии, Полесье, на Кавказе, в Архангельской губернии. В Европе только в Галиции и в Карпатах. В Африке - в Египте, Судане, Абиссинии, Восточной Африке (Танганьика). В Азии: в Индокитае, на Яве, Цейлоне, в Индии, в Гималаях и в Маньчжурии. Всего убито мною крупных зверей до 200, средней до 400 и мелких до 800. Птиц не менее 10000. Но я никогда не был промышленником в полном смысле слова и работал не только для себя, но и для Императорского Музея академии наук. Мои трофеи и сборы имеются в музеях Санкт-Петербурга, Тифлиса и немного в Харбине. Если описать все мои путешествия, охоты и приключения, то получится объемистый том, а то и два тома. Но я не пишу своих

воспоминаний, а только состряпал около 60 очерков и рассказов, где даю интересные, захватывающие сюжеты из войны, революции и скитаний по белу свету". О своих политических взглядах Байков писал Серебренникову в марте 1941 г.: "Рассвет уже близок! Тьма Рассеивается! Вся русская эмиграция ждет с нетерпением окончания войны, когда Германия, разгромив Англию, приступит к ликвидации Коммунизма и восстановлению национальной России. В этом теперь никто уже не сомневается, вопрос только во времени. Мы ждали двадцать три года - подождем еще немного".

9 мая 1942 г. Н.А.Байков торжественно отметил 40-летие литературной деятельности, затем состоялась торжественная поездка в Японию. Это было одно из последних свидетельств его успеха в Маньчжурии. 1945-й г. принес Байкову и его семье большие беды. Несмотря на широкую известность, его едва не уекли в застенки "СМЕРШа". Накануне прихода советской армии в Харбин он успел уничтожить свой архив. Книги писателя были изъяты из библиотек и уничтожены. С большим трудом в марте 1956 г. Байковым удалось выбраться в Австралию.

Николая Аполлонович Байков скончался в 10 часов вечера 6 марта 1958 г. в Брисбене. "Особенности творчества Н.А.Байкова, - писала 16 июля того же года газета "Русская мысль", - возвышают его над всеми теми писателями, которые умышленно выискивали и подмечали только худшее в русской жизни и вселяли в неискушенные души дух отрицания и неверия и злобу к порядку. /.../ особенно беззаветная любовь писателя к России и русскому народу вызывает восторг и сознание: Боже, как хороша была Россия и какие прекрасные люди жили на ее просторах".

После смерти писатели-натуралиста куратор музея Русской культуры А.С.Лукашкин создал отдел памяти писателя и исследователя Маньчжурии Н.А.Байкова. Буквально по крохам он собрал свидетельства творчества известного эмигранта. "Из сохранившегося материала, - отмечал он, - в Музей будут переданы альбом с вырезками из газет, отзывов и рецензий о произведениях писателя, много фотографий, рисунки пером и акварелью, пенсне писателя, давшее ему второе имя - фамилию Пенснэ и укрепившееся среди его друзей-охотников (иногда Н.А. пользовался им как псевдонимом под своими статьями), ручку, которой были написаны все его литературные произведения в период 1930-1941 года, и некоторые другие вещи". Не так давно владивостокский альманах "Рубеж" переиздал некоторые работы натуралиста.

Источники и литература:

- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). - Ф. 409. Послужной список (ПС) 16127 - 1911 и ПС 206-950-914. - Оп. 1. - Д. 181808;
 Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). - Ф. 830. - Оп. 3. - Д. 11198 (Личное дело Н.А.Байкова. Фото). - 13 л. (было 36 л.);
 Архив Общества изучения Амурского края (ОИАК). Фонд В.К.Арсеньева. Письма Н.А.Байкова;
 Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Serebrennikov II. (Письма Н.А.Байкова). - Вох 3;
 Музей Русской культуры в Сан-Франциско. Отдел памяти писателя и исследователя Маньчжурии Н.А.Байкова;
 Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты // Рубеж. - Харбин, 1940. - 8 июня. - С. 5-6. - Портр.;
 Юбилей Н.А.Байкова. Торжественное чествование 29 мая в Железнодорожном собрании // Рубеж. - 1942. - 13 июня. - Фото;

- Инф. // The Osaka Mainichi The Tokio Nichi. - 1942. - Nov. 15;
Некролог. Памяти Н.А.Байкова, писателя-натуралиста // Русская жизнь. - Сан-Франциско. - 1958. - 5 июля;
Заамурский Антон. Н.А.Байков: К посмертному изданию его книги "Черный капитан" (издание наследников 1958 г.) // Русская жизнь. - 1959. - 12 сентября;
Жернаков В.Н. Николай Аполлонович Байков <К десятилетию со дня смерти> // Russians in Australia. - Австралия: Мельбурнский университет, 1968. - № 1. - 19 с., ил., список трудов (306 названий). (На русск. и англ. яз.);
Политехник. Юбилейный сборник. - Сидней, 1969-1979. - № 10.

Сочинения:

В горах и лесах Маньчжурии. - Петроград: Изд. редакции журнала "Наша Охота". - Тип. Д.П. Вейсбурга. - 1915. - 464 с., 32 фото автора (Библиотека ОИАК. № 10027);

Изюбр и изюбреводство. - Харбин: Изд. ОИМК. - 1925. - 14 с., ил., карта (Библиотека ОИАК. № 17765. На тит. листе автограф: "Многоуважаемому Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву на добрую память. Н. Байков. 30 декабря 1925");

Маньчжурский тигр. - Харбин: Изд. ОИМК. - 1925. - 18с., ил. табл. (Библиотека ОИАК. № 17403. На тит. листе автограф: "Многоуважаемому Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву на добрую память от автора. Н.Байков. 10 августа 1925");

Корень жизни женьшень. - Харбин: Изд. ОИМК. - 1926. - 21 с., ил.;

Медведи Дальнего Востока. - Харбин: Изд-во ОИМК. - 1928. - 25 с., ил., 3 табл. (Библиотека ОИАК. № 17766. На тит. листе автограф: "Дорогому Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву, исследователю Дальнего Востока на добрую память от маньчжурского бродяги. Н.Байков. 8 декабря 1928 г. Харбин");

В дебрях Маньчжурии: Очерки и рассказы из быта обитателей тайги. - Фото и рис. автора. - Харбин: Изд-во "Офсет-пресс" Р.М.Барсук. - 1934. - 225 с.: ил.;

Великий Ван. Предисл. П.Краснова. - Харбин: Изд. М.В.Зайцев, 1936 (1-е изд.). - 238 с., ил.;

По белу свету: Военные и эмигрантские рассказы. - Харбин: Изд. М.В.Зайцев, 1935 (1-е изд.). - 180 с.;

Тайга шумит. - Харбин: Изд. М.В.Зайцев, 1937. - 191 с.;

У костра: Воспоминания и беседы. - Тяньцзинь: Изд-во "Наше Знание", 1939. - 243 с.;

Сказочная быль. - Тяньцзинь: Изд-во "Наше Знание", 1940. - 202 с.;

Шу-хаи. - Харбин: Изд-во "Наука", 1942. - 189 с., ил.;

Таежные пути. - Харбин: Изд-во "Наука", 1943. - 177 с.;

Сказочная быль. - Харбин: Изд. М.В.Зайцев, 1943. - 227 с.;

Черный капитан: Маньчжурская быль - роман из жизни заамурцев по охране Кит. Вост. жел. дор. 1901-1910. - Вт. изд. - 1959-163 с.;

Великий Ван // Рубеж: Тихоокеанский альманах. - 1992. - № 1/868. - С. 14. - 96. - Рис.

Юбилей ученого

Дирекция Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока", друзья и коллеги сердечно поздравляют главного научного сотрудника ИДВ, профессора В.Ф.Сорокина с юбилеем и желают ему здоровья, счастья и новых творческих достижений

Знаток, исследователь и популяризатор китайской культуры

К 70-летию Владислава Федоровича Сорокина

© 1997

Б.Рифтин

Почти полвека тому назад, когда автор этих строк был студентом Восточного факультета ЛГУ, он впервые услышал фамилию Сорокин. Рассказал нам о нем наш преподаватель китайской литературы Виктор Васильевич Петров. "Вот в Москве есть талантливый выпускник Московского института востоковедения Владислав Сорокин, он сейчас в Китае и занимается литературой. Он скоро вернется в Москву, и тогда мы узнаем много нового современной китайской литературе". Современной китайской литературой тогда занималось в стране лишь несколько человек, источников было чрезвычайно мало, книги доходили плохо, о поездке в Китай можно было только мечтать. А Сорокин был там, мог собирать материал, следить за живым литературным процессом, беседовать с писателями.

Потом уже, после окончания ЛГУ, работая в Москве в Институте мировой литературы, я впервые увидел Сорокина и поразился его синологическим знаниям, их обширностью и глубиной. Мне до сих пор кажется, что нет такого вопроса, не только по истории китайской литературы, будь то классической или современной, но и по многовековой истории Китая, а, скорее всего, и по другим областям китайской культуры и политики, на который В.Ф.Сорокин не смог бы сразу дать исчерпывающего и главное всегда точного ответа. Точность - это неотъемлемое качество сорокинской натуры, точность и взвешенность суждений. Отсюда неспешность в науке: никаких скороспелых выводов, от которых потом приходится отказываться.

Вернувшись из Китая, В.Ф.Сорокин вскоре представил к защите свою кандидатскую диссертацию "Формирование мировоззрения Лу Синя. Ранняя

публицистика и сборник "Клич". В 1958 г. вышла его первая книга под тем же названием.

О Лу Синя и его произведениях наш читатель узнал еще в 20-х годах, когда в Москве вышел первый русский перевод "Подлинной истории А-Ц". В 1938 г. Институт востоковедения Академии наук выпустил сборник статей и переводов произведений умершего в 1936 г. ведущего писателя Китая. За год до появления книги Сорокина вышла в свет биография Лу Синя, написанная Л.Д.Позднеевой. Книга Сорокина была первым монографическим исследованием начала творческого пути Лу Синя. Автор рассказал о детстве и юношеских годах писателя, о той общественной обстановке, в которой формировалось его мировоззрение, о его учителях и наставниках, о первых статьях будущего писателя, опубликованных в Токио, его стремлении познакомить читателей с западной наукой, обсудить проблемы эволюции общества, возбудить у китайцев интерес к революционно-романтической литературе Европы, к мало или совсем неизвестным в Китае русским писателям, особенно к Гоголю, любовь к которому Лу Синь пронес через всю жизнь.

Тема книги - формирование мировоззрения писателя - требовала от Сорокина главным образом раскрытия идейного замысла произведения - и он делает это тонко, без излишнего социологизирования, каждый раз увязывая идею произведения с общественной обстановкой, характерной для тогдашнего Китая, над которым тяготело бремя многовековой традиции феодальных отношений и феодальной морали. Это лучше всего, пожалуй, удалось В.Ф. Сорокину при анализе рассказа Лу Синя "Кун Ицзи" и, конечно, знаменитого произведения писателя - повести "Подлинная история А-Ц".

В конце 50-х - начале 60-х годов В.Ф. Сорокин обратился к изучению творческого пути другого крупнейшего прозаика Китая - Мао Дуня и в 1962 г. в Издательстве Восточной литературы вышла в свет его книга "Творческий путь Мао Дуня". Советские читатели были знакомы с творчеством Мао Дуня еще с 30-х годов. В 1956 г. в Москве вышло трехтомное собрание сочинений писателя, но книги о его творчестве до этого не существовало, были лишь отдельные статьи и предисловия. Подобной книги не было в то время и в Китае. В.Ф.Сорокин неоднократно встречался с Мао Дунем, что не могло не сказаться на точности и глубине изложения материала.

Автор подробно рассказывает в книге о начале пути Мао Дуня как литературоведа и переводчика, знакомящего китайских читателей с шедеврами мировой литературы, о взглядах самого Мао Дуня, о полемике тех лет по многим теоретическим вопросам, о представлениях писателя о том, какой должна быть новая китайская литература.

В книге о Мао Дуне мы находим примеры зрелого художественного анализа, включающего целый ряд метких замечаний о мастерстве писателя. В.Ф.Сорокин соотносил прозу Мао Дуня с традицией изображения персонажей в китайской классической литературе, показывая при этом, как писатель использует и художественные приемы европейской прозы. При анализе произведений Мао Дуня В.Ф.Сорокин обращался и к китайской критике тех лет, отыскивая в старых журналах отзывы современников о произведениях писателя и возражения критикам самого Мао Дуня. Конечно, он использовал и русские переводы повестей писателя, сверяя их с оригиналом и отмечая замеченные ошибки.

В книге была рельефно показана эволюция писателя, проанализированы его повести 30-х годов и наиболее известный роман "Перед рассветом", в котором нарисована широкая панорама жизни Китая 30-х годов, рассказано о произведениях периода антияпонской войны. Анализ произведений сопровож-

ждался замечаниями о недостатках и просчетах творчества писателя. Прослеживая эволюцию творческого пути Мао Дуня, В.Ф.Сорокин подмечает новые тенденции в его произведениях тех лет, например, стремление писателя к сближению художественного повествования с документальным, очерковым в повестях времен антияпонской войны.

В целом, отечественный читатель получил весьма точную картину творчества Мао Дуня до 1949 г. и краткий рассказ о том, чем был занят писатель в 50-х годах, почти целиком посвятивший себя общественной деятельности, о темах его выступлений как министра культуры КНР и одного из руководителей Союза писателей Китая.

Работу над книгой о Мао Дуне В.Ф.Сорокин совмещал с углубленным изучением китайской классики. Вместе с Л.З.Эйдлиным он подготовил краткий очерк китайской литературы, где написал главы о современной литературе и сжатые очерки о классической драме и прозе. Эта небольшая, но очень точная по фактам и оценкам книга, вышедшая в 1962 г., наверно и послужила толчком к обращению к классической литературе - явление в синологии отнюдь не частое. Обычно китаисты, посвятившие себя классической литературе, не занимаются современностью и, наоборот, те, кто специализируется на современной литературе (или истории) не обращаются к классическому наследию или истории предыдущих веков. Сорокин, можно сказать, редкое исключение.

Много лет он отдал изучению самого интересного периода в становлении и развитии китайской драмы - эпохе Юань, т.е. XIII-XIV вв. Нельзя сказать, что юаньская драма не исследовалась до В.Ф.Сорокина. Были известны работы китайских ученых и исследования японских синологов, в частности, монография Ёсикава Кодзио и отдельные труды западных авторов. Но многое из того, что писалось о юаньской драме, основывалось не на всей совокупности сохранившихся текстов, а на анализе наиболее известных образцов. Со свойственной ему доскональностью Владислав Федорович изучил не только все сохранившиеся до нашего времени юаньские драмы (их известно 162), но и всю литературу вопроса, включая японские и западные исследования. Два месяца он как стипендиат ЮНЕСКО провел в США, читая неопубликованные диссертации по теме, побывал в Западной Европе и в результате смог включить в круг своих штудий практически все, что было сделано в этой области его предшественниками. Защищенное в качестве докторской диссертации его исследование было издано в 1979 г. под названием "Китайская классическая драма XIII-XIV вв.: Генезис. Структура. Образы. Сюжеты".

В.Ф.Сорокин создал фундаментальную работу, которая дает всестороннее представление о первом периоде китайской драматургии. В подзаголовке книги, четко обозначены те проблемы, которые привлекли пристальное внимание исследователя - это генезис юаньской драмы, художественная структура произведений, типы персонажей и наиболее характерные сюжеты. В исследовании всех этих вопросов В.Ф.Сорокин сказал новое слово в науке. Всестороннее исследование генезиса и композиционных особенностей юаньской драмы потребовало от автора анализа самых разных ее компонентов. Впервые в нашей синологии В.Ф.Сорокин отважился вторгнуться в музыкальный мир китайского театра, в проблемы мелодии и прасодии - столь специфичные и сложные для исследования, что даже в специальных работах их обычно обходят стороной. Исследование юаньской драмы потребовало и углубления в крайне сложный вопрос об аутентичности сохранившихся текстов, так как, за исключением тридцати драм, остальные произведения дошли до нас в изданиях конца XVI - начала XVII вв. и, скорее всего, подверглись различным

переделкам или редактированию. В.Ф.Сорокин подошел к этому вопросу со всей осторожностью, пытаясь реконструировать драмы XIII-XIV веков на основе сохранившихся текстов.

В книге много новых, оригинальных суждений. Исследователи давно знали, что юаньские драмы строятся на основе четырехчастной композиции, но Сорокин впервые попытался дать объяснение этому факту, заметив схожесть четырехчастной композиции китайской лирической поэзии и драмы. При этом он видит здесь не простой перенос законов композиции стиха на драму, что едва ли возможно, а интуитивное следование общим эстетическим принципам, которые определяли построение произведений и в поэзии, и в высокой прозе - гувэнь, т.е. в изящной (по тогдашним понятиям) словесности.

Книгу Сорокина интересно читать не только потому, что узнаешь из нее новые факты, но во многом и потому, что автор стремится уловить нюансы и оттенки мыслей драматургов, живших шестьсот-семьсот лет тому назад. Самый большой раздел книги назван "Мир образов китайской драмы". Это, пожалуй, и самый интересный ее раздел, в котором автор попытался на основании сохранившихся пьес реконструировать мировоззрение драматургов, их отношение к различным слоям и фигурам тогдашнего общества - от императоров до простых торговцев и крестьян.

Особая глава книги, своеобразное ее заключение, названо "Человек и его место в мире в представлении юаньских драматургов". Тут читатель найдет целый ряд тонких рассуждений о том, как драматурги XIII-XIV вв. представляли себе человеческую долю (фэнь), объединяющую определенного персонажа с группой ему подобных, и индивидуальную судьбу (мин), зависящую от личных качеств человека. Такого рода анализа автор этих строк не встречал у других исследователей. Намеченные В.Ф.Сорокиным новаторские пути анализа чрезвычайно перспективны, особенно при исследовании, например, старинных романов и повестей.

В книге есть еще один необычный раздел, содержащий изложение сюжетов всех сохранившихся 162 драм. Их краткое содержание можно найти в работах китайских ученых, например, в известном справочнике "Основное содержание моря драм" (Цюй хай цзунлу ти яо) или в книге тайваньского профессора Ло Цзиньтана. Но ни в одном справочнике мы не найдем последовательного изложения сюжетов, сделанного в соответствии с разбивкой пьес на акты, с указанием амплуа действующих лиц. Такое точное изложение сюжетов есть только в книге В.Ф.Сорокина и автор этих строк не раз с благодарностью пользовался трудом своего коллеги как пособием, помогающем быстро навести справку о том или ином сюжете. Думается, что к этой книге обращались и будут обращаться китаеведы и специалисты по истории мировой драматургии и теории театра.

Завершив многолетний труд по истории китайской драмы, Сорокин вновь обратился к современной китайской литературе, к тем ее произведениям, которые начали появляться после окончания трагического периода истории КНР - так наз. "культурной революции" - и описывали пережитое китайцами страшное время. Сорокину принадлежит и наиболее обстоятельное исследование китайской прозы конца 70-80-х годов, опубликованное в сборнике "Литература и искусство КНР. 1976-1985", изданном в 1989 г.

С начала 90-х годов В.Ф.Сорокин приступил к изучению новой для российского китаеведения темы - истории тайваньской литературы. До сих пор не стихают споры о том, существует ли самостоятельная "тайваньская литература", либо это неотъемлемая часть общекитайской литературы. Сорокин посвятил этому специальную статью, опубликованную в журнале

“Проблемы Дальнего Востока” в 1993 г. (№ 5). По мнению российского ученого тайваньская литература - составная часть общекитайской литературы, очень специфичная, имеющая свои особенности, обусловленные исторической судьбой острова, но все-таки развивающаяся в русле общекитайской литературной традиции.

Работая в последние годы над первой в нашей стране “Историей тайваньской литературы”, В.Ф.Сорокин не оставляет и исследования истории и современной китайской литературы, развивавшейся на материке. Из работ последних лет особое внимание специалистов привлекла обобщающая статья о судьбах реализма в китайской литературе, в которой показан очень непростой путь развития реалистического метода в литературе Китая, начиная с первых произведений Лу Синя и кончая прозой 80-х годов.

Можно сказать, что начав с монографического исследования творчества отдельных ведущих писателей современного Китая, Сорокин поднялся до обобщений, до анализа эволюции творческих методов современной китайской литературы. Статья об этом опубликована под названием “Правда жизни и правда искусства” в книге “Китайская культура 20-40-х годов и современность” (М., 1993). Пожалуй, впервые в нашем китаеведении развитие реализма в ней рассматривается на сложном литературном фоне, когда в Китае наряду с произведениями реалистическими, появлялись и произведения модернистского толка. Развитие реализма Сорокин рассматривает не как однолинейное, плавное развитие, а как сложный противоречивый процесс, фактически прерванный в 50-60-х годах, когда во множестве появлялись произведения, лакирующие действительность и прямо иллюстрирующие политические лозунги. И только, как справедливо указывает Сорокин, с конца 70-х годов в Китае вновь стала развиваться подлинно реалистическая литература.

Всю жизнь В.Ф.Сорокин пристально следит за всеми сложными и подчас противоречивыми явлениями китайской жизни, оказывающими непосредственное влияние и на развитие литературы. Только ученый, ежедневно следящий за событиями в современном Китае, мог написать столь обстоятельную, информативную статью “Идеология, рынок, культура” (сб. “Литература и искусство КНР начала 90-х годов” М., 1995), в которой впервые в нашем китаеведении поставлены такие актуальные и для современной России вопросы, как влияние телевидения и видео на читательскую аудиторию, воздействие западной массовой культуры на развитие национальной литературы и искусства, борьба ортодоксальных (марксистско-маоистских) и либеральных взглядов в культуре. Всему этому в статье Сорокина дается взвешенная оценка и выражается надежда на то, что “культура КНР достойно ответит на вызов брошенный ей рыночной экономикой”.

Анализируя сегодняшнее состояние китайской литературы, Сорокин одновременно снова обращается к изучавшимся много лет назад вопросам. По-новому, в свете новых данных и новых концепций он исследует эстетические взгляды Лу Синя и Мао Дуня.

Научный портрет В.Ф.Сорокина был бы неполным, если бы не было сказано о его переводах. Он участвовал в переводе “Избранных произведений” Мао Цзэдуна (1953-1954 гг.), “Новой истории Китая” Фань Вэньляня, подготовке антологии “Прогрессивные китайские мыслители Нового времени” (ему принадлежат переводы работ Янь Фу и Лян Цичао) и ряда других книг. Но особо, конечно, необходимо сказать о его литературных переводах. Сорокину принадлежат переводы знаменитых старинных драм (“Обида Доу Э” Гуань Ханьцина, “Убить собаку, чтобы образумить мужа” (неизвестного автора), “Знак терпение” Чжэн Тинъюя и “Отмененный пир” Ян Чаогуана), во-

шедших в том "Классическая драма Востока" двухсоттомной "Библиотеки всемирной литературы", а также произведений современных писателей, начиная с Лу Синя и Е Шэнтао и кончая Фэн Цзицаем, Лю Синью и Чжан Синьсинь. Особо следует отметить перевод романа Цянь Чжуншу "В осажденной крепости", выдержавший два издания. Перевод этот не потребовал, по словам издательского редактора вообще никакой правки, его можно было сразу отправлять в набор. Сорокин - один из участников перевода книги Юань Кэ "Мифы древнего Китая", где ему пришлось переводить труднейшие комментарии, например, из цитаты из "Книги гор и морей" и сотен других древних памятников.

Автор этих строк был редактором этой книги и сверял перевод, часть Сорокина была сделана превосходно. Вообще все его переводы удивительно точны и безупречны с точки зрения стиля. Каждому слову оригинала он находит точное соответствие, используя все богатство русского языка, являя истинное переводческое мастерство.

Это мастерство проявилось не только в переводах китайской литературы разных эпох, но и при переводе новелл корейского писателя XV в. Ким Си Сыпа, изданных в 1972 г., а углубленное изучение китайской классики помогло Сорокину написать глубокое предисловие к корейскому роману XVIII в. "Сон в нефритовом павильоне".

В.Ф.Сорокин отнюдь не кабинетный ученый. Он активный участник научной жизни. Много лет он руководил сектором китайской культуры Института Дальнего Востока АН и воспитал целую плеяду молодых синологов, избирался вице-президентом Европейской ассоциации китаеведов. Владислав Федорович был неизменным участником ежегодных симпозиумов по теоретическим проблемам литератур Востока, проводимых сначала в Ленинграде, а затем в Москве. (Мне особо запомнился его интересный доклад "Французский миракль и юаньская драма", к сожалению, так и не напечатанный). А сколько сделал В.Ф.Сорокин для укрепления дружбы и культурных связей СССР и Китая, принимая самое живое участие в работе Общества дружбы!

Приятно писать о прекрасном нашем синологе, знатоке древней и современной культуры Китая, видя, как активно и плодотворно он продолжает свою работу. Без сомнения, Владислав Федорович Сорокин создаст еще немало новых трудов и порадует читателей новыми переводами.

Научная жизнь

Встреча ученых России и КНР

25-26 августа 1997 г. в Москве состоялась очередная IV российско-китайская научно-практическая конференция на тему "Перспективы отношений России с Китаем в XXI веке", организованная Институтом Дальнего Востока РАН совместно с Китайским институтом современных международных отношений (КИСМО), являющемся исследовательским центром при Госсовете КНР. Конференция была приурочена к намеченному на осень 1997 г. официальному визиту Президента РФ Б.Н.Ельцина в КНР - очередной встрече руководителей двух стран на высшем уровне.

Делегацию российских ученых на конференции возглавлял директор ИДВ, член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко, китайскую делегацию - директор КИСМО, член Всекитайского политико-консультативного совета, профессор Шэн Цюйжун.

С приветствиями участникам на открытии конференции выступили заместитель директора Первого департамента Азии МИД России В.О.Рахманин, огласивший обращение заместителя министра МИД РФ Г.Б.Карасина, почетный председатель Общества российско-китайской дружбы, академик РАН С.Л.Тихвинский, советник-посланник посольства КНР в РФ, полномочный министр У Сяою.

Открывая конференцию, директор ИДВ М.Л.Титаренко во вступительной речи подчеркнул настоятельную необходимость наполнения конкретным содержанием и практическими делами курса на стратегическое партнерство двух стран, обращенного в XXI век. На конференции были заслушаны и обсуждены 13 докладов российских и китайских ученых. По установившейся традиции участники конференции провели откровенный обмен мнениями по основным вопросам двусторонних межгосударственных отношений и важнейшим международным проблемам, подробно обсудили возможности, пути и методы конструктивного сотрудничества России и Китая в решении этих проблем. Рассматривая определенные трудности, возникающие время от времени в отношениях между двумя странами, а также известные различия в их подходах к решению тех или иных международных вопросов, участники конференции стремились выявить общность интересов и достичь взаимопонимания сторон по обсуждаемым вопросам.

Участники конференции были едины в том, что российско-китайское партнерство складывается как результат совпадения главных национальных интересов: сохранение суверенитета и целостности двух государств и обеспечения их достойного места в мире, утверждения равноправных отношений сотрудничества со всеми государствами. Подчеркивалось, что это партнерство

не направлено против третьих стран, а осуществляется в интересах всеобщего мира, безопасности, утверждения многополюсности, справедливого международного порядка.

Отметив крупные положительные сдвиги в российско-китайских отношениях за последние пять лет, ученые двух стран вместе с тем высказали убеждение в необходимости более активной и действенной поддержки курса на многостороннее и конструктивное стратегическое партнерство, обращенного в XXI век, наполнения этого курса конкретным, материальным содержанием. Это тем более актуально, что идея стратегического партнерства России с Китаем имеет своих противников среди различных прозападных политических сил как на международной арене, так и внутри самих стран-партнеров.

В ряде докладов отмечалось, что США и их партнеры по НАТО недовольны сближением России с Китаем. Они не хотят, чтобы эти страны стали самостоятельными политическими и экономическими полюсами в многополюсном мире, стремятся навязать России и Китаю прозападный уклон в политике и экономике, подтолкнуть РФ и КНР на путь соперничества друг с другом в борьбе за наиболее благоприятные и выгодные отношения с Западом. Так, отношения КНР с США китайские ученые характеризовали как весьма далекие от стратегического партнерства, главным образом в силу того, что США пытаются оказывать давление на КНР.

По общему мнению участников конференции перед исследователями и политиками России и КНР сейчас вплотную встала задача дать реалистическую оценку международной обстановки и тех новых проблем, с которыми сталкиваются наши государства, выявить общность интересов, а также объективно рассмотреть расхождения сторон в позициях и взглядах, различия в подходах к решению тех или иных проблем с тем, чтобы полнее раскрыть потенциал двустороннего сотрудничества.

В нынешней обстановке важное значение приобретает своевременное выявление симптомов возможных новых проблем, могущих нанести ущерб российско-китайскому сотрудничеству и преодоление назревающих осложнений без серьезных последствий методами превентивной дипломатии.

Участники конференции высказали свое одобрение проводимому руководителями РФ и КНР политическому курсу на конструктивное сотрудничество и стратегическое партнерство двух стран. И российские, и китайские ученые считают крайне важным не ослаблять усилий сторон на этом направлении, терпеливо и настойчиво создавать прочную основу для укрепления и развития политических, торгово-экономических, военно-технических, научных, культурных и других связей между двумя государствами и их народами. Отмечалось, что существенный вклад в укрепление взаимопонимания и доверия, в подготовку молодого поколения, настроенного на дружбу двух великих государств, призван внести общественный комитет российско-китайской дружбы, мира и развития, созданный в 1997 г.

На конференции был высказан ряд конкретных соображений и предложений, намечены темы и проблемы, требующие дальнейшего изучения учеными России и Китая.

Международная научная конференция "Будущее Китая и Северо-Восточной Азии"

Конференция состоялась 22-23 мая 1997 года в г.Сеуле. Она была организована Институтом Дальнего Востока Кйоннамского университета по случаю 25-летия Института, являющегося одним из ведущих научных центров Республики Корея. Институт занимается вопросами объединения Севера и Юга Кореи, изучением положения в КНДР, актуальными международными проблемами Северо-Восточной Азии, проводит семинары и международные конференции по этой тематике, издает журналы "Азиатские перспективы" (на английском языке), "Корея и мировая политика" и "Исследования проблем Северо-Восточной Азии" (на корейском языке). Его учеными опубликовано около 80 трудов. ИДВ располагает обширной библиотекой, имеющей уникальный отдел, насчитывающий 3000 монографий и других материалов по славяноведению - Дмитрушинская библиотека славянских исследований. ИДВ предоставляет гранты по научной программе, включающей вопросы отношений между Севером и Югом Кореи, объединения страны, международные проблемы Северо-Восточной Азии.

Директор Института - профессор Квак Тэ Хван - автор ряда крупных научных трудов, в том числе "Стратегия переговоров между Югом и Севером Кореи", "Корейско-американское сообщество: настоящее и будущее" и др.

В конференции, помимо представителей научных центров Республики Корея, приняли участие ученые Японии, России, США, Израиля, Тайваня. Программа конференции включала следующие темы: экономические проблемы и вопросы внутривосточного положения КНР; вопросы военной политики и безопасности КНР; отношения между КНР и Тайванем; Китай и формирование системы безопасности в Северо-Восточной Азии.

Во вступительной речи бывший посол Республики Корея в КНР Ро Чжэ Вон, характеризуя ситуацию в Северо-Восточной Азии, заявил, что в отличие от Европы, "холодная война" здесь "похоже, еще не окончилась": страны этого региона, питая подозрения в отношении целей и намерений друг друга, продолжают поддерживать свои вооруженные силы на высоком уровне, нет никаких признаков ослабления военной конфронтации на Корейском полуострове, не говоря уже о политическом конфликте между двумя частями Кореи. Ро Чжэ Вон в позитивном духе высказался о политике КНР в СВА. КНР, по его мнению, поглощена задачами экономического развития и потому нуждается в мире и сотрудничестве с другими странами. "Сохранение мира в СВА, - подчеркнул Ро Чжэ Вон, - является для Китая не просто моральным обязательством, но очень важной потребностью". Этим же определяется готовность КНР играть конструктивную роль в обеспечении мира и стабильности на Корейском полуострове.

Участники конференции в целом высоко оценили достижения экономического развития КНР, отмечали возможности дальнейшего роста китайской экономики на пути продолжения реформ.

Профессор Йеннамского университета Ким Си Чжунь выделил следующие факторы, обеспечивающие успех китайских реформ: постепенность их осуществления; опробование намечаемых преобразований путем эксперимента; отказ от глобальной приватизации; использование так называемой “двухколейной” системы перехода к рынку, когда новые экономические формы внедряются без предварительного разрешения старых; децентрализация управления; открытость для внешнего мира. Ким Си Чжунь подчеркнул, что Китай смог добиться значительных экономических успехов без преобладания частного сектора. Отсюда, по его мнению, следует вывод, что форма собственности сама по себе не является решающим фактором эффективного функционирования рыночной системы.

Рассматривая перспективы экономики КНР, Ким Си Чжунь допускает три варианта: действительное создание уникальной социалистической рыночной экономики, что будет означать открытие некоего третьего пути экономического развития; переход к обычной рыночной экономике с некоторой китайской спецификой; формирование госкапитализма. Сам Ким считает наиболее вероятным второй вариант.

В докладе профессора Кйоннамского университета Ким Ви Сэна о ходе реформ в Китае, особо отмечается роль зарубежных этнических китайцев. Гигантская цепь часто связанных семейными узами фирм и торговых партнеров, которые образуют мощную экономическую структуру, охватывающую всю Азию. 50 млн. этнических китайцев, проживающих вне Китая в Восточной Азии, создают ВВП стоимостью около 450 млрд. долл., что почти равно стоимости ВВП КНР. На этнических китайцев, составляющих менее 10% населения Юго-Восточной Азии, приходится 86% всех миллиардеров в регионе.

Возникновение ряда экономических трудностей в КНР в ходе реформ в докладе объясняется тем, что принципы рыночной экономики восторжествовали еще далеко не в полном объеме и не во всех сферах народного хозяйства.

Автор настоящего сообщения представил на конференции доклад о внутривнутриполитическом положении КНР, о ситуации в китайском руководстве и перспективах ее развития. В основу доклада был положен тезис о том, что в результате выдвижения на первый план задачи экономического развития и достижения консенсуса о путях ее решения, произошли принципиальные изменения в процессе формирования китайского руководства. Главным критерием отбора в верхние эшелоны власти становится критерий деловых качеств. Это сопровождается расширением круга лиц, принимающих участие в принятии к осуществлению согласованных решений. Эпоха харизматических лидеров после смерти Дэна закончилась. Сейчас каждая крупная инициатива сверху проходит через “сито” многочисленных законодательных и административных органов, как центральных, так и местных. Далекое идущее воздействие на роль центрального руководства оказывает переход к многоукладной экономике, расширение частного сектора.

Положения в центральном руководстве будет определяться процессами общего развития КНР. Эти процессы не обещают быть гладкими и спокойными. Однако анализ сегодняшнего положения в КНР и наиболее вероятных перспектив ее развития приводит к выводу, что по крайней мере в ближайшем десятилетии страна удержится на траектории социально-экономического подъема. В этих временных рамках практически исключена вероятность возникновения в КНР таких кризисов, которые были бы способны

повлечь за собой утрату центром контроля над социально-экономической обстановкой и дезинтеграцию страны.

Положения доклада не вызвали существенных возражений других участников конференции.

Центральное место на конференции занял вопрос о так называемой "китайской угрозе", якобы связанной со стремительным экономическим ростом КНР в последний период. "В Азии и в других регионах мира, - утверждалось в докладе профессора Института оборонных исследований (Республика Корея) Ким Дэ Хо, - идут интенсивные обсуждения того, каковы будут последствия взлета Китая и как наилучшим образом международного сообщества может реагировать на это". По словам Ким Дэ Хо, "широко распространилось мнение о Китае как о державе, становящейся все более мощной, националистической и даже неуправляемой в своих притязаниях".

Ким Дэ Хо и профессор университета штата Портленд (США) М.Гуртов в своих докладах оспорили такого рода точки зрения. М.Гуртов, проанализировав различные аспекты военной модернизации Китая, приходит к заключению, что она имеет своей целью не подготовку условий для реализации агрессивных либо гегемонистских устремлений, а обеспечение безопасности страны. Несмотря на возрастание роли военных, определение приоритетов в расходовании бюджетных средств и принятие стратегических решений остается в руках высшего партийного руководства; КНР не располагает возможностями резко увеличить расходы на военные нужды, так как это сорвет общую стратегию экономического развития страны, а также вызовет обеспокоенность соседей Китая, в первую очередь Японии, которая даже может пойти по пути превращения в ядерную державу. По мнению М.Гуртова, уровень военной промышленности КНР все еще не высок, техническое оснащение НОАК далеко отстает от западных стран и эту отсталость не компенсируют закупки вооружения за рубежом, в том числе в России. Военные шаги Пекина (например, в районе Тайваньского пролива или в отношении спорных островов в Южно-Китайском море) не являются показателем его агрессивных намерений. Они призваны продемонстрировать наличие у КНР военной мощи, способной обеспечить ее собственную безопасность. В целом пока нет оснований относиться к Китаю как к неукротимому государству или поднимающемуся гегемону.

Доклад Ким Дэ Хо так и называется: "Миф о Китае - гегемоне. Военное измерение". Докладчик отвергает возможность того, что КНР станет сверхдержавой XXI в. Более того, она не достигнет статуса гегемона и в Северо-Восточной Азии, поскольку другие страны региона не примут этого при наличии здесь широкомасштабных экономических и стратегических интересов США и американского военного присутствия.

Ким Дэ Хо также не считает, что КНР вынашивает экспансионистские планы. Скорее всего, полагает он, цели внешней политики Пекина будут и впредь заключаться в том, чтобы улучшать экономическое сотрудничество с другими странами и способствовать стабильности окружающей обстановки в интересах решения главной внутренней задачи - подъема экономики Китая.

В докладах, посвященных отношениям между КНР и Тайванем, рассматривались перспективы их воссоединения и нынешнее состояние связей между ними. Профессор Сеульского городского университета Кым Хье Уон, касаясь первого момента, отмечал, что для Пекина тайваньский вопрос имеет не только самодавляющее значение, ибо он затрагивает также судьбу Тибета, Синьцзяна, Внутренней Монголии, Северо-Восточного Китая. Таким образом, утверждает он, речь идет о будущем Китая, о его целостности. Вместе с тем

Кым Хйе Уон полагает, что Пекин не пойдет на решение тайваньского вопроса силой, поскольку изменение нынешнего статус-кво противоречило бы интересам экономического развития КНР, отвлекло бы значительные ресурсы от реализации программы модернизации. По крайней мере, Пекин не прибегнет к силовым методам, пока не завершит политическую консолидацию в районе Гонконга и Макао. Кроме того, Пекин не располагает достаточными военноморскими средствами для вторжения на Тайвань. Наконец, от развязывания военного конфликта Пекин удерживают опасения резкой реакции со стороны США, а также значение экономических связей между КНР и Тайванем.

Корейский ученый отметил отсутствие четкости в позиции США по тайваньскому вопросу: Вашингтон признает, что существует только один Китай, и Тайвань представляет собой часть Китая. Однако такое “признание” не обязательно означает согласие с мнением Пекина о принадлежности Тайваня КНР.

Возникли и факторы, которые, по мнению Кым Хйе Уона, могут способствовать продвижению Тайваня к независимости. самым важным среди них является то, что Запад больше не нуждается в Китае как противовесе Советскому Союзу и потому может позволить себе пренебречь обещаниями, которые он ранее давал Пекину. Снижение ценности КНР в глазах Запада развязало заданным странам руки для более тесного сотрудничества с Тайванем, включая поставки вооружений. В результате Тайвань стал одним из главных рынков сбыта продукции военной промышленности Запада. Пекин же не может ответить на это должным образом из-за опасений нанести ущерб своим экономическим связям с западными странами.

Профессор Тайваньского института социологии Майкл Сяо рассмотрел экономические, культурные и иные связи между Тайванем и КНР. К 1996 г. тайваньские инвестиции в КНР достигли 6,9 млрд. долларов. Еще в 1990 г. Тайвань по размерам инвестиций в КНР занял второе место, уступая только Гонконгу. В настоящее время в КНР действуют около 20 тыс. тайваньских фирм. С 1994 г. Тайваню принадлежит 4-е место во внешней торговле КНР. В 1995 г. товарооборот между островом и материком составил 22 млрд. долларов, за 9 месяцев 1996 г. - около 18 млрд. долларов. только в 1989-1990 гг. более 2 млн. тайваньцев посетили КНР. К октябрю 1996 г. число жителей Тайваня, обратившихся за получением сертификатов на посещение КНР, превысило 10 млн. человек.

М.Сяо отмечал, что в тайваньских политических кругах, выступающих за независимость Тайваня, существует оппозиция чрезмерной экономической интеграции острова с материком. Выражается, в частности, опасение за судьбу тайваньских инвестиций в КНР.

В докладе профессора Гавайского университета (США) Со Элвина были рассмотрены последствия возвращения Гонконга Китаю. В докладе говорилось, что в экономическом плане Гонконг послужит образцом для КНР, но одновременно Гонконг с его нравами и демократическим движением может породить политические конфликты и нанести ущерб стабильности в КНР. Не исключается также усиление трений между Гуандуном и центральным правительством по финансовым вопросам, поскольку финансовые доходы от Гонконга теперь будут в меньшей мере доставаться Гуандуну. В конечном счете, это усилит регионалистские настроения в Южном Китае, будет способствовать проникновению в КНР прозападных идей.

Несколько докладов на конференции были посвящены проблеме формирования системе (организационной структуры) Северо-Восточной Азии. Профессор Колумбийского университета (США) Самуэл С.Ким подошел к

этой проблеме с точки зрения превращения Китая в сверхдержаву. Он опирается на известные данные о том, что по стоимости ВВП, достигшего в 1994 г. 3 трл. долларов (при исчислении его на основе покупательной способности), экономика КНР вышла на второе, после США, место в мире. В 1996 г. КНР явилась вторым крупнейшим получателем прямых иностранных инвестиций, объем которых составил около 42 млрд. долларов. Ее валютные запасы равняются 100 млрд. долларов. К 2010 г. Китай будет располагать ядерным арсеналом, способным поразить всю Азию, Россию и Восточное побережье США.

Ким напомнил о мерах в ответ на рост мощи Китая, которые были рекомендованы в докладе "Американская стратегия безопасности для региона Восточной Азии и Тихого океана", разработанном в 1995 г.: приостановить намечавшееся сокращение численности американских войск в регионе, сохранив их на прежнем уровне около 100 тыс. чел., с размещением главным образом в Японии и Южной Корее; усилить двусторонние союзы США в регионе с опорой на Японию; укрепить механизм региональной безопасности как дополнение к американской руководящей роли в регионе.

Признавая быстрое наращивание мощи Китая, Самуэл С. Ким вместе с тем отмечал, что в определенной степени КНР остается "незавершенным национальным государством и незавершенной сверхдержавой; это внутренне слабое государство, претендующее на то, чтобы быть напористой военной державой в АТР". Тем не менее, в ближайшем будущем станет определяющим фактором развития обстановки в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Как и другие ученые, Ким рассматривает ряд сценариев предстоящего развития Китая: первый - сохранение ныне существующей в КНР социально-экономической системы; второй - крушение этой системы под воздействием социального, экономического, демографического межнационального кризисов, распад Китая, коллапс ныне существующей многонациональной китайской империи; третий - постепенная, но не обязательно протекающая спокойно, трансформация нынешней системы в более плюралистическую, с большим участием в политической жизни различных социальных слоев. Наиболее вероятным Ким считает первый сценарий.

По мнению Кима, Корейский полуостров - чрезвычайно важный геостратегический перекресток, где четыре великие державы - США, Япония, Китай и Россия соперничают в осуществлении своих стратегических планов. Япония рассматривает объединенную Корею как огромную угрозу своей военной и экономической безопасности и поэтому стремится поддерживать стратегический дисбаланс между двумя Кореями. Россия настойчиво пытается вернуться к участию в игре, чтобы обеспечить мирную и стабильную обстановку на своем Дальнем Востоке, а также снизить растущее влияние других держав, особенно Японии. США усматривают угрозу своим гегемонистским позициям со стороны России, Китая и Японии. Главная причина, почему США придают столь большое значение Корейскому полуострову, заключается в том, что они хотят посредством наращивания здесь своего военного присутствия и усиления военных связей с Южной Кореей сдерживать Китай, Россию и Японию. Конечная цель США состоит в следующем: вовлечь Северную Корею в свою орбиту с тем, чтобы создать объединенную Корею политической системой западного типа.

Все четыре великие державы, полагает Ким, предпочли бы мирное существование двух корейских государств хаосу и массовому потоку беженцев, которые возникли бы в случае крушения нынешней системы на Севере. Вследствие этого КНР, считает Ким, не проявляет особого рвения к объединению Кореи. Пекин не может допустить падения посткимисенского ре-

жима и по ряду других причин. Воссоединение Кореи по германскому образцу означало бы реализацию западной стратегии “мирной эволюции”. Ликвидация Северной Кореи как социалистического государства явилась бы для КНР не только идеологическим вызовом, но и создавало бы стратегическую угрозу Китаю, поскольку Пекин рассматривает регион Кореи как буферную зону между КНР и США. Пекин также не сомневается в том, что Пхеньян скорее пойдет на войну, чем согласится на германский вариант воссоединения. Даже если Северная Корея потерпит крах, это не повлечет за собой мирное поглощение ее Южной Кореей. Крушение нынешнего режима на Севере приведет к развязыванию там кровавой гражданской войны. Все сказанное ставит Пекин перед чрезвычайно сложным выбором. Опасаясь идеологических и стратегических последствий воссоединения Кореи, Пекин, считает профессор Ким, может пойти на вмешательство во внутренние дела КНДР для спасения посткимирсеновского режима, обеспечивая тем самым для себя стратегический заслон в северной части Корейского полуострова и предотвращая наплыв корейских беженцев в северо-восточные провинции КНР.

Но даже если предположить, что воссоединение Кореи произойдет мирным путем, то и тогда, утверждает профессор Ким, Пекин столкнется в отношениях с объединенной Кореей с широким кругом сложным проблем, таких, как взаимные территориальные притязания, споры по вопросам рыболовства, добычи минеральных ископаемых, нефти и газа в Желтом море. Некоторые из этих проблем уже стали предметом переговоров между КНР и Республикой Корея. Не следует упускать из вида, что в северо-восточных провинциях КНР находится самая многочисленная диаспора этнических корейцев. Уже сейчас это будоражит воображение некоторых слоев населения в РК. Там действует насчитывающая 50 тысяч членов организация, которая заявляет, что в прошлом Маньчжурия принадлежала Корее и что придет день, когда она снова станет корейской.

По мнению проф. Кима, этот аспект китайско-корейских отношений следует рассматривать и в более широком плане, поскольку национальные меньшинства численностью свыше 80 млн. человек проживают в стратегически уязвимых автономных районах, составляющих около 64% территории КНР. Пример ставших после развала СССР суверенными казахов, киргизов, узбеков, таджиков может вдохновить коренных жителей Синьцзяна, Тибета, Внутренней Монголии на борьбу за более полную реализацию своей национальной самобытности.

Линия Пекина в отношении РК и КНДР, его позиция по вопросу объединения Кореи рассматривалась также в докладах профессора Католического университета Кореи Пак Кын Ена и профессора японского Института экономического развития Накаи Есуфуми. В первом из них, в частности, отмечалось, что Китай, помогая КНДР сохранить стабильность, будет добиваться реализации Пхеньяном китайской модели развития. По данным Пак Кын Ена, руководство КНР полагает, что эти его рекомендации будут приняты. Как считает Пак, Пекин не стремится к выводу американских войск из Южной Кореи, рассматривая их присутствие там в качестве стабилизирующего фактора. По его словам, в последнее время Пхеньян также и по тем же причинам не настаивает на полном выводе американских войск.

Проф. Такаи рассматривает проблему создания системы безопасности в СВА через призму японо-китайских отношений. Главное внимание он уделяет обоснованию новой интерпретации японо-американского договора безопасности, связывая это с событиями в Тайваньском проливе в марте 1996 г. Названные события, утверждает он, убедили творцов японской внешней по-

литики, что в Азии могут возникнуть обстоятельства, подобные войне в Персидском заливе, к чему необходимо быть готовыми.

По мнению Накаи, Китай играет как позитивную, так и негативную роль в строительстве системы отношений в Северо-Восточной Азии. В позитивном плане он действует в рамках режима международной безопасности, мероприятий региональной безопасности и двусторонних диалогов со своими прежними противниками (Россия, Вьетнам и Индия), а также с азиатскими соседями. В этом случае Китай наряду с Россией, Кореей и Японией выступает как один из главных факторов сохранения статус-кво в Азии. Однако с другой стороны, Китай склонен рассматривать специфические вопросы безопасности в контексте двусторонних отношений. Улучшение двусторонних связей Китая с его соседями, Японией, Кореей и в конечном счете с Соединенными Штатами Америки составило краеугольный камень внешней политики Пекина в 90-е годы.

В целом конференция способствовала прояснению широкого круга проблем, касающихся взаимоотношений Китая со странами Восточной Азии, роли КНР в жизни этого региона в настоящее время и в обозримом будущем. К сожалению, жесткий регламент не позволил провести на конференции широкую многостороннюю дискуссию, что придавало перечисленным докладам характер "сольных выступлений". Высказать свое мнение по поставленным в докладах вопросам практически смогли лишь заранее обозначенные дискуссионты.

Рецензии

С.Л.Тихвинский. Путь Китая к объединению и независимости. 1898-1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., Наука. Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1996. 575 с.

Выход в свет новой книги С.Л.Тихвинского не мог не стать событием для российской синологии. Впрочем, публикации и других его работ всегда были заметным явлением нашей науки. И прежде всего это относится к его первой монографии, посвященной Кан Ювэю и реформаторскому движению на рубеже XIX и XX вв. (1959 г.). В то время, когда советская историография акцентировала все свое внимание на исследовании революционных процессов в Китае, С.Л.Тихвинский опубликовал книгу, в которой содержался не только глубокий анализ взглядов и деятельности реформатора и монархиста Кан Ювэя, но иплицитно присутствовала и апология реформаторства. Смелый творческий шаг был сделан, и наша историография получила очень важный импульс для своего развития. Сужу об этом в том числе и по себе: под влиянием этой книги и бесед с ее автором я обратился к изучению совсем не модного тогда сюжета - истории Гоминьдана и его социально-экономической политики.

В дальнейшем С.Л.Тихвинский продолжил серию "исторических портретов" (термин автора). Этот жанр историописания - исторические портреты - мне представляется очень важным для изучения Китая XX в., особенно для истории китайской революции, ибо советская ("марксистская") трактовка этой истории сводила ее в основном к истории КПК, а последнюю - к деятельности Мао Цзэдуна (причем это относится как к периоду идеологического согласия между КПСС и КПК, так и к периоду их противостояния). Новая книга С.Л.Тихвинского не просто расширяет круг "действующих лиц", но привлекает внимание к жизни и деятельности политического лидера, сыгравшего во многом ключевую роль в борьбе КПК за власть. В значительной

мере это делается понятным только теперь - после публикации рецензируемой книги.

Автор не скрывает своей глубокой симпатии к своему главному герою, сумев показать его человеком талантливым и незаурядным. Родившийся в родовитой шэньшуйской семье в пров. Цзянсу, он получил хорошее начальное традиционное (конфуцианское) семейное образование, которое продолжал уже в школе современного типа в Нанькайском университете (г.Тяньцзинь). Учился в течении двух лет в Японии. Почти четыре года, работая и учась, провел во Франции. Хорошо владел японским, английским, французским и русским языками. Чжоу Эньлай был человеком разнообразных способностей, высокообразованным китайским интеллигентом. Автор хорошо показал мировоззренческую эволюцию своего героя, во многом типичную для выходцев из шэньшуйской среды, потерявшей в начале XX в. свой высокий социальный статус и свои основные доходы, и вступавших в самостоятельную жизнь в обстановке национального духовного подъема. Характерен приводимый автором пример влияния на Чжоу Эньлая в годы его учебы журнала "Синь циннянь": "Он стал разделять пропагандировавшиеся журналом взгляды на реакционность насаждавшейся бэйянскими милитаристами ортодоксальной конфуцианской идеологии, отказался от своего увлечения буддизмом с его учением о нирване" (с. 38.). В Японии он узнает и о революционных событиях в России. Здесь же по японским журналам он впервые знакомится с марксистскими идеями. На позиции марксизма он прочно становится уже во Франции, где в среде китайской молодежи, приехавшей учиться и работать, шла напряженная идейная борьба. Чжоу

Эньлай "покинул Китай в конце 1920 г. после участия в "движении 4 мая 1919 г." и полугодового тюремного заключения как революционный демократ, тяготеющий к марксизму; он вернулся на Родину убежденным коммунистом" (с. 108).

В идейно-теоретической борьбе среди левонастроенных китайцев, живших во Франции, открывается еще одна черта его общественного темперамента: "Ряд сторонников Гоминьдана осуждал курс Сунь Ятсена на единый фронт с КПК и на союз с Советской Россией. Анархисты и этатисты критиковали как Гоминьдан, так и КПК. Лидеры Китайского союза молодежи требовали "всеобщей, тотальной революции", выступая против нерешительной, по их мнению, политики Коминтерна. На этих собраниях в полной мере проявились ораторские и организаторские способности Чжоу Эньлая, его умение примирять враждующие стороны на платформе патриотизма и антиимпериализма" (с. 107). Здесь проявилась также, если идти вслед за автором, важнейшая черта его мировоззрения - его убежденность в необходимости и возможности "сделать Китай богатым и сильным". Автор приводит очень показательный эпизод еще из школьной жизни нашего героя: "Когда на уроке учитель задал вопрос: "Зачем вы учитесь?"; Чжоу Эньлай, не задумываясь, ответил: "Чтобы возвысить Китай!" Слова, сказанные тринадцатилетним мальчиком, стали целью всей его жизни" (с. 34. - Подчеркнуто мною. - А.М.).

Мне представляется, что выявление автором этого националистического императива Чжоу Эньлая, как определяющего его политическую деятельность, многое объясняет в его политической биографии. Уже в 1923 г. в Париже он вступает в члены европейского отделения Гоминьдана и вскоре избирается одним из его руководителей. После распада единого фронта в 1927 г. он вышел из Гоминьдана, "но навсегда сохранил приверженность" суньятсеновским идеям. Не случайно Чжоу Эньлай имел "заслуженный авторитет среди многих руководителей ГМД и командиров НРА" (с. 7.). Эти аргументированные выводы автора позволяют, как мне кажется, лучше понять прежде неизвестный (мне во всяком случае) факт: в апреле 1927 г. видный гоминьдановский деятель Сун Цзывэнь предупредил Чжоу Эньлая о том, что Чан Кайши отдал приказ об его аресте, и тем самым,

возможно, спас ему жизнь (с. 161). В этом историческом контексте понятнее и роль Чжоу Эньлая в мирном разрешении "сианьского инцидента" (гл. XXIII).

Все эти факты, вполне естественно, определили огромную роль Чжоу Эньлая в создании нового единого фронта перед лицом японской агрессии. Именно он стал со стороны КПК главным "переговорщиком" с гоминьдановскими властями. В военные годы хорошо выявился его незаурядный талант дипломата, его способности найти компромиссное решение для самых сложных политических проблем. Эти дипломатические способности Чжоу Эньлаю пришлось использовать и в первый послевоенный год в ходе переговоров с гоминьдановцами при американском посредничестве. И хотя мирного решения найдено не было, деятельность Чжоу Эньлая помогла КПК приобрести имидж миролюбивой силы, усилить свой политический авторитет в Китае и за рубежом. Это были вынуждены признать и американцы, в частности ген. Маршалл, с которым Чжоу Эньлаю "удалось установить хорошие личные отношения" (с. 413).

Наконец, автор отмечает интерес Чжоу Эньлая к теоретической работе, подчеркивая, что он "был менее известен широкой общественности как теоретик, хотя ему принадлежал несомненный приоритет в разработке стратегии маневренной войны КПК и тактики единого фронта" (с. 8). К сожалению, этот интересный тезис не подкреплён в книге достаточным убедительным теоретическим текстом, хотя один сюжет все-таки позволяет увидеть еще одну ипостась Чжоу Эньлая. Речь идет о давно и хорошо известной статье в журнале "Коммунистический Интернационал" в 1940 г., написанной им в Москве. В центре внимания автора этой статьи, естественно, проблемы борьбы с японской агрессией. Однако она содержит также развернутую программу демократических преобразований, реализация которой должна гарантировать победу в антияпонской войне и мирное развитие политики и экономики на демократических началах в послевоенные годы (сс. 344-345). Эта программа демократических реформ полностью перекликается с концепцией "новой демократии", примерно в то же время выдвинутой в статьях Мао Цзэдуна. Вероятно, эта принципиально важная для судеб Китая концепция была плодом коллективных теоретических уси-

лий (и в этом я полностью согласен с Л.А.Березным), но в силу условий режима "культ личности" у партии мог быть только один идеолог - на это место Мао Цзэдун назначил себя, не деля эти тяжелые обязанности со своими соратниками.

В краткой рецензии, конечно, трудно отметить все авторские ходы, позволяющие показать политическую талантливость Чжоу Эньлая и объясняющие тот факт, что в рассматриваемое время "не было ни одного крупного события в жизни Китая, в котором Чжоу Эньлай не принимал бы самого деятельного участия" (с. 5.). Во всяком случае, автору удалось хорошо объяснить причины быстрого роста его авторитета в КПК (и в Коминтерне), что позволило Чжоу Эньлаю занять "в руководстве КПК и Красной армии с конца 20-х до середины 30-х годов несравнимо более высокое, нежели Мао Цзэдун, положение" (с. 10). Естественно, что взаимоотношения Чжоу Эньлая и Мао Цзэдуна не могли не стать одной из главных сквозных тем рецензируемой книги.

Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай в 20-е годы были на очень разных уровнях партийной и военной работы и непосредственно не сталкивались. Их судьбы пересеклись в начале 1931 г. в связи с "футяньскими событиями". В конце 1930 г. части Красной армии, которыми командовал Мао Цзэдун, вышли в советский район в юго-западной Цзянси, с партийным и военным (20-я Красная армия) руководством которого у Мао Цзэдуна были большие политические разногласия. Используя свое военное превосходство, Мао Цзэдун под предлогом "борьбы с вражеской агентурой" арестовал в Футяни почти весь командный и политический состав 20-й армии и активистов местной парторганизации (более 4 тыс. человек). В ответ началось восстание. Политические и человеческие жертвы этой междоусобицы были огромны. Политбюро ЦК КПК образовало специальную комиссию во главе с Чжоу Эньлаем для разбора "футяньских событий". Осудив междоусобные споры и столкновения, комиссия вместе с тем фактически вывела Мао Цзэдуна из-под удара (с. 228-230).

Следующая подобная "встреча" произошла в октябре 1932 г. в Нинду, где расширенный пленум парткома Центрального советского района обсуждал директиву ЦК КПК, в которой, в частности, содержались персональные обвинения

Мао Цзэдуна, неумелое руководство которого рассматривалось как причина военных неудач. Большинство участников пленума поддержало ЦК в критике Мао Цзэдуна, напомнив ему к тому же о "футяньских событиях". Однако "по рекомендации Чжоу Эньлая на пленуме была принята компромиссная формулировка об освобождении Мао Цзэдуна от руководства фронтовыми операциями по причине болезни и необходимости отправить его в тыл для лечения" (с. 239).

И, наконец, знаменитое "совещание в Цзуньи", состоявшееся в январе 1935 г. в условиях тяжелейшего поражения советского движения на юге Китая, в обстановке Великого похода китайской Красной армии на северо-запад Китая. Чжоу Эньлай был фактически политическим руководителем похода. На этом "расширенном совещании Политбюро ЦК КПК с участием командных и политических кадров Красной армии и представителей советского правительства" развернулась острая политическая борьба. На совещании председательствовал Чжоу Эньлай. Мао Цзэдун и его сторонники, прежде всего из числа военных, резко критиковали партийно-политическое и военное руководство, возлагая на него вину за поражение советского движения и неудачи похода. Чжоу Эньлай признал свои ошибки и полностью согласился с критикой в его адрес. При поддержке Чжоу Эньлая руководство походом перешло к Мао Цзэдуну (с. 255). Это совещание открыло Мао Цзэдуну дорогу к руководству КПК, а затем и Китаем.

Автор акцентирует, как мне кажется, внимание читателя на переломный для взаимоотношений Мао и Чжоу характер событий, произошедших в Цзуньи: "Чжоу Эньлай на совещании в Цзуньи в январе 1935 г. решительно и безоговорочно признал руководящую роль Мао Цзэдуна в партии и армии. С той поры вплоть до свое кончины Чжоу Эньлай сохранил личную преданность Мао Цзэдуну, несмотря на несправедливые и порой грубые действия последнего в отношении его самого" (с. 10.). Этот принципиальный тезис был сформулирован автором в предисловии, а затем, после основательного изучения этих взаимоотношений, он возвращается к этому тезису: "Как последовательный сторонник единства в руководстве КПК, Чжоу Эньлай, не задумываясь, еще в начале 1935 г. в Цзуньи окон-

чательно и бесповоротно связал свою судьбу с Мао Цзэдуном и неукоснительно выполнял его указания, правда, опираясь на свой собственный многолетний революционный опыт, он вносил творческий вклад в их реализацию" (с. 391). Причем, как указывает автор, это безоговорочное признание не сняло подозрительности со стороны Мао, не ослабило его зависть к авторитету Чжоу Эньлая, которому "стоило немалых усилий доказать свою полную лояльность и преданность лидеру КПК" (с. 391).

Автор неоднократно до и после образования КНР встречался с Чжоу Эньлаем и эти встречи, судя по рецензируемой книге, произвели на него огромное впечатление. Однако тот факт, что автор, как мне кажется, находится под обаянием своего героя, не помешало ему объективно показать и оценить политическую биографию Чжоу Эньлая. Даже те немногие цитаты из рецензируемой книги, которые я здесь привожу, показывают, что внимательный читатель может дать и иные оценки деятельности Чжоу Эньлая, не совпадающие полностью с мнением автора. Однако эти разночтения не могут коснуться главного вывода книги - Чжоу Эньлай внес выдающийся вклад в политическое развитие Китая в первой половине XX в. В этой связи можно только пожелать автору продолжить исследование непростой жизни Чжоу Эньлая уже во второй половине XX в.

Но на этом точку в рецензии еще поставить нельзя, ибо эта книга не совсем обычна. Конечно, это прежде всего политический портрет одного из выдающихся лидеров нового Китая. Но не только, а, может быть, и не столько. На мой взгляд, эта монография вполне закономерно претендует быть исследованием истории Китая в первой половине нашего века, подводящим некоторый итог развития советской ("марксистской") исторической науки в изучении новейшей истории нашего великого соседа. Большой объем книги позволил автору дать биографию Чжоу Эньлая в контексте новейшей истории Китая. Причем речь идет не об исторических декорациях к биографии героя кни-

ги, но о достаточно полной исторической картине развития китайской революции, активным участником которой был Чжоу Эньлай. На мой взгляд, исследование автором актуальных проблем истории китайской революции несколько потеснило биографию главного героя (в книге есть главы - VII, XI, XVI, XXII - где имя Чжоу Эньлая даже не упоминается). И это, как мне представляется, является достоинством книги.

Монография С.Л.Тихвинского стала первой обобщающей работой по новейшей истории Китая в нашей синологии, вышедшей в свет в "постперестроечное" время. Во многом она подводит итог работы китаеведов на уже вполне завершившемся этапе развития российского обществоведения вообще и китаеведения в частности. На том долгом этапе, на котором идеология управляла наукой. Рухнула прежняя идеологическая система, а вместе с ней и прежние "правила игры". Китаеведение получает новые возможности своего творческого развития. Однако позволю себе высказать вполне обоснованную надежду, что этот новый этап развития китаеведения будет базироваться не на нигилистическом отрицании сделанного прежде, а на его критическом освоении. И в этом смысле, рецензируемая книга весьма знаменательна: здесь "как на ладони" сильные и слабые стороны нашей апологетической историографии китайской революции, здесь легко просматриваются прежние табуированные сюжеты и темы, здесь хорошо видна полемичность позиции автора по многим проблемам, открыто поставленным уже на современном этапе. Книга подталкивает к размышлениям, к обсуждению, к полемике с автором. Но это тема уже другой рецензии, другой статьи.

И, наконец, последнее. С.Л.Тихвинский приближается к знаменательному юбилею - к своему 80-летию! И первое, что хочется сделать, прочитав эту книгу, это высказать восхищение талантом научного поиска и неумной жадной научного творчества автора. Сергей Леонидович сделал себе (и нам тоже!) замечательный подарок к своему юбилею.

**В.В.Малявин. Китай в XVI-XVII веках.
М., Искусство, 1995, 287 с., илл.**

Коль скоро книга обращена отнюдь не к одним китаистам, дилетант имеет полное право на то, чтобы выразить свое к ней отношение. Мне это сделать тем легче, что я настолько не испытывал никогда приязни к культуре Китая, что знаю о ней мало. Ровно столько, сколько мог знать человек, не вполне чуждый истории искусств и потому, разумеется, читавший почти все, что попадалось под руку: в детстве это были трогательные истории, вроде "Маленьких китайцев", позже военные трактаты в переводах Конрада, сборники древнекитайской лирики, "Путешествие на Запад", "Сон в красном тереме"... За исключением Конрада, китаеведов я, к стыду своему, не читал. В Китае, в отличие от Японии, не был. По сугубо внешним эстетическим соображениям всегда считал, что после Чжоу и Шань происходил неуклонный упадок вкуса в керамике и особенно в бронзе, не компенсированный, мне казалось, ни изобретением фарфора, ни развитием живописи. Таким образом, в роли читателя я должен рассматриваться как чистый лист.

Книга состоит из ряда глав. У глав есть привлекательные названия: "Разбитое зеркало, или Пространство культуры"; "Путь сердца: жизнь "Сокровенного человека"; "Глубина знаков"; "...И бездна без глубины"; "Лики и блики"; "Среди потерянных следов". Однако мне кажется, что только одна глава, посвященная безыскусности Рая, воплощенного в китайских садах эпохи Минь, обладает некоторой самостоятельной законченностью. Все остальное мнится мне одним журчащим ручьем, природа которого не слишком меняется от извивов или перекаатов. И это, я думаю, если и по правилам, то удивительно верно.

Станным образом при чтении книги мое скептическое "Я" входило в резонанс с предметом малявинского интереса, как бы минуя самого автора. По мере путешествия по тексту происходило проникновение в Китай, чуждость которого отнюдь не ослабла к концу чтения, может быть, даже выросла. Культура Китая, возро-

дившегося после монгольского полувека, предстала передо мной исполненной достоинства, которое на Западе следовало бы назвать стоическим, и борющейся с всепоглощающей энтропией, сохраняющей генетическое родство с Хаосом. Хаос хаосу рознь. Здесь невозможным, немислимим для европейца образом великий первичный Хаос сливается до неразличимости с хаосом мелким, даже мелочным, с которым, казалось бы, так несложно совладать посредством ритуала. Но нет, не удается. Бегство в классификацию, бегство по кругу, переброс от триады к триаде - все это было бы трагично, когда бы заимствованное нами у греков понятие трагизма имело смысл в отношении эпохи, которую последний ее владыка завершил с подлинно царственной иронией.

У ручья есть длина, ширина, у него есть начало и конец, но узнать природу ручья можно, только зачерпнув из него воду то здесь, то там. Мне почему-то легче черпать от финала текста к его истоку, причем без комментариев. Единственное, что я себе позволил, - выделить курсивом связки слов, взывающих к особому вниманию.

"Принимать друзей подобало не во внутренних покоях дома, что могло дать повод заподозрить хозяина в излишней открытости, а саду, на фоне живописного вида. Отвесив приветственные поклоны, хозяин и гость усаживались в кресла, поставленные в ряд на солидном удалении друг от друга. Теперь каждый из них видел не столько своего собеседника, сколько пейзаж, открывавшийся перед его взором, и, казалось, целый мир вовлекался в разговор друзей. Бесконечное разнообразие мира обещало непреходящую радость Встречи, вечного открытия нового. Нужны ли тем, кто вместил в себя вселенную, многословные рассуждения и показное музицирование? Достаточно было строчки стихов, одного аккорда, и безбрежный простор общительности друзей восполнял недосказанное и непрозвучавшее." (с. 240).

"В каждом уголке сада господствовала ассиметрия, значимость вещей ме-

нялась в зависимости от ситуации, и каждая из них могла выступать и в роли "господина" и в роли "гостя", то есть быть главным или второстепенным элементом пейзажного ансамбля (Двоевластие здесь, разумеется, исключалось). Так в пространстве Хаоса вписывались, не разрушая его, отношения иерархии... Охватывая все способы взаимного преобразования большого и малого, наполненного и пустого, близкого и далекого и т.д., принцип "заимствования вида" выражал то самое выведение глубины на поверхность, которым выявлялось внутреннее, символическое пространство "сокровенных превращений" мира, творилась истинная, бездной сердца восчувствованная жизнь сознания. Недаром Ли Юй сравнивал чувство "заимствованного пейзажа" с высшей просветленностью и добавлял, что он "никому не может его передать". Речь идет, помимо прочего, об игре воображения, в котором человек и мир живут наравне и не посягают друг на друга, ибо они равны в своей неопределенности". (с. 220).

"Знатоки вдыхали "испарения" картин. Старинные бронзовые сосуды не в последнюю очередь ценили за их запах. Фарфоровые чаши и декоративные камни в саду слушали, ударяя по ним палочкой". (с. 187)

"Классическая живопись Китая может быть названа иллюзионистской в том смысле, что она указывает на реальность, существующую вне изображения. В отличие от первобытного, мифологического в своей основе искусства, которое, по замечанию Э.Гомбриха, требует "полноты существенных черт" и выдает "страх случайного", эта живопись являет собой тень, сокращение, запись действительности, она взывает к воображению и предполагает существование литературной традиции, хранящей знание о возможных значениях образа и, главное, об их внеземном прототипе. Иллюзионизм китайской живописи весьма своеобразен: он чужд натуралистического правдоподобия и, скорее, внушает ощущение реальности несбыточного". (с. 183)

"Вместить в себя внешний мир означало перевести восприятие вещей-объектов в переживание хранимой внутри всего живого "подлинности" бытия. Смотреть на вещи "в лучах вечности" означало видеть их неотвратно уходящими и в конечном счете увековечивать все сущее в опыте смерти". (с. 174)

"Таким образом, по китайским понятиям, все сущее есть в действительности превращение единого потока бытия и в конечном счете - "превращенное единое". Недаром слово "превращение" было в китайском языке синонимом слова "явление". Образ в таком случае ничего не выражает, не символизирует и даже не напоминает; он призван вовлекать, сообщать, то есть соприкасаться с инобытием". (с. 134)

"Заставляя пережить бессмысленность осмысленного и осмысленность бессмыслицы, фантастические пейзажи XVII в. выявляли ограниченность всякого смысла и всякого понимания демонстрируя нереальность демонстративно реалистической манеры классического пейзажа (даром что их порой называли "подражаниями" работам сунских мастеров), они показывали воочию, что такое уклончивая природа стильной живописи, что такое игра с традицией, игра в традиции... бывают случаи, когда фантастичность изображения оказывается мерой его правдивости.

"Но для минского художника, казалось бы, более чем когда бы то ни было связанного наследием его предшественников, творчество стало постоянным экспериментом, испытанием, примеркой на себе масок прошлого." (с. 107)

"Минские компендиумы "изящного" быта целиком состоят из скрупулезных перечислений предметов, которые "входят в число типов", и эти каталоги архивариусов от искусства нагляднее всех трактатов показывают, что наследие традиции в Китае - это не идеи, даже не ценности, а только Хаос типизированных и даже, точнее, самотипизирующихся форм, которые не обозначают сущности, а указывают на предел всего сущего и, более того, саму предельность существования". (с. 79)

"Каждая вещь, великая или малая, несет в себе утонченную истину, - писал в середине XVI в. ученый Ли Кайсянь в предисловии к своему сочинению о живописи. - Эта истина выходит из сокровенных превращений, которые сами по себе таковы. В мире бесчисленное множество вещей, и у каждой вещи своя истина..." (с. 71)

"Китайский город предстает огромным скоплением людей. Не больше, но и не меньше. Говорить о нем - значит рассуждать о тех качествах человеческого существования, которые выплавляются

толпой с ее чрезвычайно интенсивными, но допускающими полную анонимность контактами между людьми... город в Китае жил, так сказать, нескончаемостью мгновения, претворял свою историю в цепочку единичных, но непреходящих моментов. Неудивительно, что городская культура старого Китая насквозь пропитана жаждой наслаждений, жаждой игры, ибо игра предполагает постоянную отсрочку конца и вместе с тем осознание его неизбежности". (с. 35)

Формула минской культуры скрыта, быть может, за изобразительной поверхностью поздней сунской серии Ма Юаня, которой художник дал наименование "Картины вод": "Рябь на озере Дунтинху", "Воловороты на Хуанхэ" (За исклю-

чением финальной части книги, иллюстрации почти издательским образом не соотнесены с текстом, по поводу чего, как водится, следует принести особую благодарность художественному редактору Л.А.Ивановой).

На стр. 83 автор поместил двустороннюю, замечательно отражающую формулу "обоюдного забытья" (цзянь ан):

"Летающий гусь не желает отразиться на поверхности пруда.

Воды пруда не желают удерживать в себе отражение гуся".

Владимиру Малявину удалось, мне представляется, мягко понудить воды пруда, отразить если не самого гуся, то след его полета меж облаков, подозрительно похожих на драконов.

**А.В. Ломанов. Современное конфуцианство: философия
Фэн Юланя М., Наука. Издательская фирма
"Восточная литература" РАН, 1996. 246 с.**

Так получилось, что в течение многих десятилетий политики, ученые, деятели культуры современного Китая представляли в отечественной печати какими-то безликими и неподвижными "носителями" идей — "прогрессивными мыслителями", "контрреволюционерами", "реакционерами", "прислужниками реакции" и проч и проч. Но вот чад идеологических кампаний понемногу рассеялся, и на месте грубо раскрашенных манекенов мы не без удивления стали различать просто *мыслящих людей*, наделенных нормальными человеческими чувствами, очень разных, часто очень непохожих на нас, но даже своей непохожестью помогающих нам лучше понять самих себя. Среди этих заново открываемых лиц одно из первых мест бесспорно принадлежит Фэн Юланю (1895-1990) — патриарху "новой философии" Китая, создателю сложной философской системы и человеку не менее сложной судьбы. Примечательно, что рецензируемая книга открывается предисловием ее научного редактора М.Л. Титаренко, в котором много говорится именно о личности философа. Как если бы нам уже недостаточно просто знать об идеалах и понятиях китайцев, и мы хотим угадать тайну китайского духа, всматриваясь в жизнь и облик тех, кто свидетельствуют о нем..

Монография А.В. Ломанова впервые содержит объективный и всесторонний, совершенно очищенный от идеологических штампов разбор духовного пути виднейшего китайского философа. Написана она в добром старом жанре кандидатской диссертации, что предполагает, к счастью, добросовестность изложения, компетентность анализа и, к несчастью, известную робость в оценках и выводах. Впрочем, как не быть осторожным в оценках системы, предстающей на первый взгляд какой-то немислимой мешаниной философских идей Китая и Запада? Хайдеггер утверждал, что у каждого философа есть только одна идея. Возможно, Хайдеггер и прав применительно к Европе, где каждому человеку полагается иметь одну веру, каждому философу —

одно убеждение, а каждому художнику — одну творческую манеру. Не так было в Китае, где художники могли совмещать в своем творчестве разные стили, а китайские мыслители могли исповедовать, по крайней мере, три разных учения. Философия Фэн Юланя могла бы служить ярким образцом знаменитого китайского "синкретизма": здесь и конфуцианство, и буддизм, и аналитика венской школы, и американский неореализм, и герменевтика. Откуда эта идейная эклектика? От философской моды 20-30х годов, когда складывались воззрения Фэна? Или от обстоятельств, в значительной мере случайных, его жизни и учебы в Америке? Каков бы ни был ответ, нужно признать, что "эклектическое заимствование" идей есть на самом деле правило в процессе взаимодействия философских систем, принадлежащих разным культурным традициям. Вот и русская философская мысль многим обязана в высшей степени вольному обращению отдельных наших мыслителей с наследием Канта, Гегеля, Шеллинга, Ницше. Здесь просматривается еще мало осознанная тема философской компаративистики: национальная специфика как "искажение", экстравагантное преломление иностранной религии и философии. Китай, конечно, не был исключением из этого правила.

Главная цель и главный пафос философских построений Фэн Юланя — соединение китайской и западной философии. Это обстоятельство хорошо известно. Но внимательное чтение книги А.В. Ломанова открывает наличие как бы двух уровней в фэнъюланевском проекте. На поверхности мы наблюдаем попытку истолковать китайскую духовную традицию в терминах логического анализа и реализма платоновского типа — попытку явно неудачную. Автор приходит к очень важному выводу о том, что стремление Фэн Юланя "модернизировать конфуцианство на основе западного метода логического анализа вошло в противоречие с самим духом китайской философской традиции, ориентированным на синтети-

ческое и неформализованное освоение мира". (с.55) Однако глубинный уровень или, если угодно, исходная посылка философии Фэн Юланя состоит в том, что методы западной философии привлекаются здесь для решения специфических проблем традиционной китайской мысли. Вся историко-философская концепция Фэн Юланя, изложенная в его знаменитой "Истории китайской философии", нацелена на решение проблемы единства всеобщего и конкретного или, в китайской терминологии, "принципа" и "события", "сущности" и "применения", "небесного" и "человеческого". Фэн Юлань представляет историю китайской философии как процесс последовательного сближения этих двух логических полюсов вплоть до их отождествления. Его схема, однако, заключает в себе два серьезных методологических затруднения. Первое затруднение логическое: невозможно определить большую или меньшую степень самого неразличения между вещами, отчего китайская философия у Фэн Юланя в действительности не имеет истории и заканчивает тем же, с чего начинается. Вторая трудность историографическая: если совершенство китайской философии измеряется степенью выявленности в ней "великой целостности" (термин Фэн Юланя) бытия, то как объяснить тот факт, что именно на позднем этапе китайской истории наиболее последовательные проповедники "всеобъемлющего единства всех учений" оказывались фигурами маргинальными, а нередко и прямо опальными. Все дело в том, что понятийный каркас традиции был не зеркалом ее духовного содержания, а ее оградой, призванной не выявлять, а, напротив, укрывать истину; попытка рационального истолкования традиции грозит разрушением последней. И есть своя закономерность в том, что поздний китайский синкретизм, питавшийся стремлением понять и объяснить заветы древних, стал не столько вершиной китайской мысли, сколько объектом репрессий властей. (Причиной этого был, впрочем, не рациональный метод сам по себе, а стремление критиков традиции свести истину к предельной конкретности "внутреннего понимания", не оставлявшего места для каких бы то ни было внеш-

них, публичных установлений.)

Фэн Юлань — возможно, не вполне осознанно — признавал и принимал традиционный для Китая путь разрешения трудностей традиционного самопознания, который он окрестил "негативным методом". Его последним словом стало *право молчать*: апофазис, мистическое молчание об истине выявляет ее неопределимое присутствие в опыте и... допускает любую речь, даже самую лживую. "Если истинное становится ложным, ложное становится истинным", гласит известная китайская максима. Причудливое сочетание логики и мистики, предложенное Фэн Юланем, не спасло его от суровых нападок со стороны как марксистских, так и консервативных критиков: первые обвиняли его в приверженности традиции и идеализму, вторые — в увлечении рациональным знанием. Но не та же ли приверженность мудрому молчанию позволила философу благополучно пережить все бури политической истории Китая от Чан Кайши до Дэн Сяопина? И все с тем же отрицательным для истории мысли результатом: многообещающий синтез в очередной раз оказался чем-то маргинальным. А.В.Ломанов определяет философию Фэн Юланя как "постконфуцианство" — термин вполне приемлемый, хотя и вызывающий нежелательные ассоциации с посттрадиционными явлениями внутри самой китайской традиции.*

Так выясняется, что Фэн Юлань воспроизвел в своем "творческом пути" историческое движение всей китайской мысли, но при этом упрямо не принимал его неизбежного исхода: срыва в ничем не ограниченный волюнтаризм и эмпиризм (я имею в виду в особенности интеллектуальные движения XVI-XVII вв., оцениваемые Фэн Юланем как упадок китайской философии). Ответом китайской традиции на свою неспособность к развитию собственно историческому всегда был поиск, так сказать, внутренней социальности, воплощенной в замкнутых школах, монастырских общинах, народных сектах и прочих квазисемейных институтах, где развитие носит характер преемственности и углубления опыта. Этим же, по-видимому, объясняется и большая жизненность "субъективно-идеалистического"

См. В.В.Малайвин. Синкретические религии в Китае в XX в.: традиционное и посттрадиционное. — "Религия мира", 1987, М., 1989.

(определение А.В.Ломанова) течения в современном конфуцианстве, непосредственно продолжающего традицию (Сюн Шили, Моу Цзунсань и др.). Философия же Фэн Юланя ориентирована, скорее, на гражданскую и национальную социальность и разделила все слабости националистической идеологии в Китае.

Невозможно обойти вниманием, наконец, и причудливую карьеру Фэн Юланя в КНР, его неоднократные отречения от прежних взглядов и клятвы в преданности к социализму сообразно “последним установкам партии”. О возможных корнях подобного конформизма в философских воззрениях самого Фэн Юланя уже упоминалось выше. Китаисты, конечно же, будут искать в поведении Фэн Юланя характерные черты китайской жизненной философии. Но приводимые А.В.Ломановым сведения о реакции на публичные покаяния Фэн Юланя некоторых его коллег — например, о ледяном презрении к нему Сюн Шили или страстной отповеди Чжан Цзюньмая — напоминают, что и китайцам отнюдь не чужды

нравственный ригоризм и стремление не отделять учение философа от его личности (и то, и другое является, впрочем, вполне традиционным компонентом китайского мирозерцания). Но нужно отдавать себе отчет и в том, что в XX в. китайцы оказались перед мучительной дилеммой того, что я назвал выше “внутренней” и “внешней” социальностью. Марксизм в Китае победил еще и потому, что он был наиболее радикальной формой идеологии “внешнего” общества; поэтому он обладал и обладает в Китае неотразимой привлекательностью. В известном смысле весь китайский народ оказался в нашем столетии перед необходимостью совершить “большой скачок” от традиционного “внутреннего” социума к марксистской общественности. Но этот разрыв должен был заполняться уже не идеями, а *тслами*. Фэн Юлань — мученик этой сверхзадачи современного Китая, проживший в своем роде трагическую жизнь. Ибо подлинное, то есть трагическое, величие человека обретается там, где ему дается сознание своей слабости.

© 1997

В.В.Малыгин,
д-р исторических наук

Г.А.Ганшин. Экономическая реформа в Китае: эволюция и реальные плоды. М., Наука. Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1997 г. 205 с.*

Тема социально-экономических преобразований в КНР в течение последних двух десятков лет постоянно присутствует в отечественном Китаеведении. Практически каждая из работ по экономике Китая в той или иной степени касается различных аспектов хозяйственной реформы. В научных и публицистических изданиях (в том числе и в "Проблемах Дальнего Востока") помещены десятки статей на эту тему. В то же время исследований, специально и целиком посвященных реформе, не так много. Среди них можно назвать книги А.Н.Ремыги, В.Г.Гельбраса, В.Я.Портякова. В этом плане монография Г.А.Ганшина представляет несомненный интерес. Можно согласиться с аннотацией Издательства к книге в том, что последняя "...дает краткую и в то же время достаточно разностороннюю характеристику хода экономической реформы, ее эволюции и практических результатов, достигнутых в Китайской Народной Республике".

Структура рецензируемой монографии выдержана в основном в хронологическом плане: в ней ход экономической реформы рассматривается последовательно, шаг за шагом. В то же время на каждом этапе автор выделяет самые важные для того времени проблемы, стремится показать тесную взаимосвязь между реформой и развитием народного хозяйства, его модернизацией. Как видно из всего содержания книги, в формуле "реформа и развитие" заключен один из главных принципов экономической политики Пекина: реформа не должна быть самоцелью; ее задача - создать условия для ускоренного и устойчивого роста производства. В свою очередь, как подтверждают приводимые в книге факты, только динамичное и стабильное развитие народного хозяйства, благоприятный социальный климат, поддержка ре-

формы большинством населения создают необходимые предпосылки для успешного осуществления экономических преобразований.

Не пересказывая содержания монографии, хотелось бы акцентировать внимание на основных, принципиальных положениях, которых придерживается автор, подтверждая их соответствующими конкретными аргументами и фактическим материалом. Как в названии работы, так и в самом тексте часто присутствует слово "эволюция", подчеркивается, что при проведении реформы руководством КНР не допускались, как правило, "резкие движения", способные нарушить общественно-политическую стабильность. Наглядной иллюстрацией может служить описываемая в работе ценовая политика: исключив "шоковую терапию", в КНР осуществляли "отпуск" цен на все виды товаров по мере насыщения ими рынка, нормализации финансово-экономического положения страны в целом.

Эволюционный метод реформы обещивается и тем, что в КНР не допустили слома действовавшего хозяйственного механизма; происходила постепенная замена отживших элементов старой экономической системы рыночными методами регулирования народного хозяйства. Только с 1992 г. хозяйственная модель была определена как "система социалистической рыночной экономики". Постепенность проведения реформ содержит в себе определенные издержки, которые, однако, компенсируются высокими темпами развития страны. Особенно наглядно это показано в книге на примере двух предыдущих пятилеток (7-й и 8-й), когда среднегодовой темп роста ВВП приближался к 10%.

Значительное место в монографии отведено анализу специфических для Китая особенностей перехода к рыночному

* Расширенная и несколько измененная версия данной работы под названием "Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента" опубликована также в Информационном бюллетене ИДВ РАН, 1997. - № 3. - 216 с.

типу хозяйства. В процессе разгосударствления экономики руководство страны практически отказалось от применения приватизации (в обычно принятом, в том числе и у нас, смысле). Тем более не допускалось "разбазаривания общенародной собственности, государственного имущества". Устами своего Премьера Правительство КНР заявляло, что оно будет "...решительно препятствовать тому, чтобы превращать государственные фонды в акции по заниженным ценам или передавать их безвозмездно частным лицам" (с. 172). Формирование многоукладной экономики, адекватной рыночным принципам, открыло дорогу частному, групповому предпринимательству, что, естественно, вело к постепенному снижению удельного веса государственного сектора. Однако последний продолжает занимать доминирующее положение в ключевых отраслях промышленности, на современном транспорте, в финансово-банковской сфере. Применение подобных макроэкономических методов, особенно в 90-е годы, позволяет государству, как считает автор монографии, держать под надежным контролем огромный по масштабам, крайне разнокалиберный хозяйственный организм страны.

В рецензируемой книге уделяется повышенное внимание тому обстоятельству, что экономическую реформу в Китае приходится вести в чрезвычайно напряженной демографической ситуации. Кардинальная перестройка системы земельных отношений (введение семейного подряда), обеспечив сравнительно быстрый рост основных отраслей сельского хозяйства, одновременно серьезно обострила проблему занятости на селе: "лишним" оказались более 100 млн. крестьян. В значительной мере эта проблема решается за счет развития уникальной для мировой практики системы "сельской промышленности", других видов несельскохозяйственной деятельности. В отраслях городской экономики сама логика реформ неизбежно требует "жертв" в виде сокращения численности работников. Такое сокращение, как показано в книге, происходит постоянно; однако используются разного рода социальные "стабилизаторы" (например, повторное трудоустройство), позволившие не допустить повышения планки безработицы в городах и поселках более чем до 3-3,2%.

На всех этапах реформы, подчерки-

вает автор, по мере роста производства имеет место постоянное (хотя и не столь быстрое) повышение жизненного уровня населения, обеспеченности средствами материального и культурного благосостояния. Важно, что такое положение относится практически ко всем слоям населения. Внедрение рыночных начал в экономику неизбежно порождало имущественное неравенство, которое, кстати, продолжает расти. В целом этому процессу руководство страны не препятствует, вместе с тем строго наказывая лиц, наживающих богатство несправедливым путем.

Однако наибольшую экономическую и политическую угрозу обществу представляет инфляция, рост цен, индекс которых в отдельные годы превышал 20%, что, естественно, снижает реальные доходы, порождает неустойчивость на потребительском рынке. Поэтому борьба с инфляцией остается в числе первоочередных задач для правительства КНР. В равной мере это относится к повышению экономической эффективности крупных и средних государственных промышленных предприятий, убыточность значительной части которых (до 30-40%) тяжелым бременем лежит на государственных финансах. Как показано в двух последних главах монографии, в КНР усилено внимание к вопросам социальной политики: введены гарантированные размеры заработной платы, производится упорядочение системы социального обеспечения, многое делается для улучшения жилищных условий. Руководство страны придерживается принципа, согласно которому любые "непопулярные меры" (повышение цен, сокращение штатов и т.п.) должны проводиться при строгом учете возможной реакции населения, его способности "переварить" такого рода меры.

Особое место в современной экономической политике КНР, и это нашло значительное отражение в книге, занимает сочетание реформы с "открытой внешнеэкономической политикой". Создав необходимую правовую базу, КНР активно использует зарубежные капиталы, технологию, опыт в интересах ускорения модернизации страны. Сотрудничество это - масштабно и многообразно по форме. Только число предприятий с участием иностранного капитала превышает 120 тыс., а с освоенными ими зарубежными инвестициями приближаются к 135 млрд. ам. долл. При этом правительство КНР дер-

жит под контролем структуру иностранных капиталовложений, всемерно поощряя их направление в базовые отрасли промышленности, в высокотехнологичные производства, в транспортную инфраструктуру. Новым импульсом в этом процессе станет еще более активное включение в экономическую жизнь КНР влившегося в его состав Гонконга. Весомое место в экономическом строительстве занимает внешняя торговля, при этом активное торговое сальдо позволило Китаю иметь значительные валютные резервы (к концу 1996 г. - более 100 млрд. долл.).

Самостоятельный интерес, на наш взгляд, представляет заключительная глава монографии, где автор высказывает некоторые соображения о будущем развитии Китая. В КНР не делают секрета из того, что эволюционный путь развития, модернизации потребует очень длительного времени - до 100 лет! В этом историческом периоде выделены три этапа ("шага"), каждый из которых содержит конкретные материально-статистические показатели. Выполнение таких "шагов" до сих пор шло в Китае с "опережением графика". Хотя на этом пути предстоит взять немало высоких и трудных барьеров, автор выражает убежденность (и подкрепляет это рядом аргументов), что в соответствии с намеченными в КНР планами, к середине XXI в. в стране будет в основном завершено реформирование ее экономики, осуществлена модернизация, обеспечено повышение жизненного уровня населения, которое к тому времени может составить более 1,5 млрд. человек.

Судя по всему, в КНР отчетливо видят трудности, которые предстоит преодолеть для достижения поставленных целей. Часть из этих трудностей носит объективный характер: относительная ограниченность природных ресурсов (особенно нехватка пахотных земель), сохраняющиеся диспропорции в структуре и размещении производительных сил, преобладание экстенсивных методов экономического роста, низкий уровень грамотности большей части населения и др. Немалые проблемы возникают и в ходе реформирования экономики. Среди них: несоответствие между совокупным общественным спросом и предложением, несбалансированность потребительского рынка, чрезмерные темпы капитального строительства. Все это порождает перманентные всплески инфляции, рост цен. Не

найлены пока и радикальные средства для повышения эффективности государственного сектора экономики.

В Пекине, как это показано в разных местах рецензируемой работы, постоянно идет поиск путей преодоления этих и других трудностей и просчетов. Руководство страны за годы проведения реформы не раз демонстрировало способность искать выход из кризисных ситуаций, периодически прибегая к "урегулированию" экономики. Распознавая симптомы болезни ("перегрев" экономики, рост инфляционных процессов, ассортиментные диспропорции и др.), вырабатывался комплекс мер, позволявший выправлять сложившуюся в экономике нездоровую ситуацию. Не исключено, что подобные меры потребуются Китаю и в дальнейшем.

Одним из сложных вопросов, стоящих перед КНР и вызывающих, естественно, большой интерес за ее пределами, состоит в том, хватит ли руководителям страны воли и умения последовательно придерживаться курса на развитие "рыночного социализма". Удастся ли сохранить и упрочить оптимальное сочетание рыночных элементов в экономике с удержанием государством важнейших рычагов управления народным хозяйством? Окончательный вердикт, - полагает автор, - здесь будет выноситься не на основе научных дискуссий и пропагандистских установок, он явится результатом реального хода экономического развития страны, усиления ее совокупной мощи, неуклонного улучшения условий жизни людей (стр. 198).

Рассматриваемая работа не лишена, разумеется, недостатков. Многие из них связаны, как представляется, с заданной ограниченностью размеров монографии (менее 11 п.л.). В этих условиях автору сложно было дать развернутую характеристику всех аспектов экономической реформы; большего внимания заслуживают такие сферы, как финансы, налоговая система, фондовый рынок, приобретающий в Китае в последние годы все большее значение. Большой интерес представляет социальная политика Пекина в современных условиях; ее приспособление к рыночным условиям.

Другой упрек автору, который представляется уместным, - некоторая идеализация как самих реформаторских действий Пекина, так и их результатов. Нет,

автор отнюдь не стремится к лакировке действительного положения; в работе сказано немало критических слов о трудностях, проблемах, ошибках, допущенных в ходе социально-экономических преобразований. И все же некоторый налет увлеченности достигнутыми Китаем успехами, может быть подчас и помимо воли автора, местами просматривается. Возможно здесь сказывается то, что он посвятил около 50 лет своей творческой жизни изучению этой страны, ее народа, и не скрывает своих симпатий к ним.

Все сказанное выше, включая и критические замечания, дают основания

сделать вывод, что вышедшая в свет книга Г.А.Ганшина являет собой серьезный и полезный труд. Следует упомянуть и такую важную ее особенность: она написана лаконичным, четким, доступным для широкого круга читателей языком. Сказалось, несомненно, то, что автор сочетает научную деятельность с преподавательской работой в высших учебных заведениях. Думается, что и в данном случае основной читательской аудиторией монографии будут студенты, аспиранты, все те, кто заинтересован в ознакомлении с китайскими реалиями в научном, общепознавательном или практическом планах.

© 1997

*А.Круглов,
кандидат экономических наук*

Г.Д.Тягай, В.П.Пак. Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX века. М., Наука. Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1996. 232 с.

В 1971 г. и 1983 г. в России (бывшем СССР) вышли из печати три книги российских исследователей-корееведов Г.Д.Тягай¹ и В.П.Пака². В них подверглась глубокому анализу деятельность идеологов "Сирхак", достигшая своего расцвета в творчестве мыслителей "Пукхак" (конец XVIII - первая половина XIX в.), и их идейных наследников - представителей "кэхва ундон" и культурно-просветительского движения. Впервые в советском корееведении Г.Д.Тягай исследовала проблемы формирования идеологии национально-освободительного движения и соотношения национальных и интернациональных факторов, прогрессивных и реакционных черт и тенденций в общественной мысли Кореи с XVII в. до аннексии ее Японией в 1910 г., а В.П.Пак проанализировал проблемы народного образования в Корее в свете просветительского движения в стране и за рубежом с середины XIX до начала XX в. включительно.

Предлагаемое вниманию читателей очередное издание является продолжением цикла исследований по истории общественной мысли Кореи эпохи позднего феодализма и нового времени, где главное внимание уделяется изучению роли национальной идеи в развитии освободительной просветительской мысли в Корее и среди корейской эмиграции за рубежом в один из переломных моментов корейской истории - накануне и в первые годы после аннексии Кореи.

Как видно из монографии, узловыми проблемами книги являются новые подходы к оценке истории развития национальной идеи, культурных и религиозных традиций, путей развития реформаторской просветительской мысли, идеологии массовой народной борьбы накануне и в первые годы после установления японского колониального господства на Корейском полуострове. Одна из отличительных черт этого нового подхода - попытка рассмотреть внутрикорейское развитие освободительной, просветительской мысли в тесной взаимосвязи с эмигрантским корейским освободительным движением в Китае, России, США и Японии. Считаю необходимым обратить на последнее обстоятельство особое внимание, ибо изучение ан-

тиколонизального движения в Корее, идеологических воззрений антияпонских обществ и организаций и их лидеров особенно после аннексии Кореи невозможно, да и немислимо, без тесной увязки с деятельностью эмигрантских политических организаций, потому что в первые годы после аннексии Кореи центр корейского национально-освободительного движения (нисколько не преуменьшая роли этого движения в самой Корее) переместился в Китай, Россию, США и Японию. Но об этом речь пойдет ниже.

Первые три главы и глава 5 исследования посвящены в основном развитию освободительной мысли, просветительства, национальных идей в Корее с конца XIX в. до конца периода протектората, а также движению за буржуазные реформы ("кемон ундон") в первые годы после аннексии (1910-1914). На основе многочисленных архивных источников на корейском, русском и английском языках, материалов корейского архива библиотеки им. А.С.Пушкина г.Алма-Аты, тщательного изучения предшествующей историографии и привлечения многочисленных трудов русских, корейских, западноевропейских и американских ученых авторы монографии приходят, на мой взгляд, совершенно правильно к выводу о том, что движение за реформы "кэхва ундон", развивавшее идеи сирхак, возникло в новой внутривосточной и международной обстановке в 70-е гг. XIX, когда экономическое вторжение капиталистических держав, главным образом Японии, повлекло за собой изменения в социальной структуре корейского общества и создавало психологические предпосылки для роста антииностранных настроений в широких массах. Они пишут, что "в идеологии корейских просветителей, буржуазных реформаторов-националистов в 80-90-х гг. XIX в. уже явно проявилось влияние синтеза традиционных дальневосточных учений и просветительской мысли, получившей широкое распространение не только в Европе и США, но и в Японии" (с. 9). В этой связи в монографии анализируется влияние различных течений общественной мысли как со-

предельных стран Востока, так и Запада, на формирование идеологии "кэхва ундон" и "Тонхьяп хёпхве"³. Это - влияние паназиятизма, идей китайских просветителей-реформаторов Кан Ювэя и Лян Цичао, проникших из Японии и Китая социалистических теорий, социал-дарвинистских концепций, а также воззрений китайского революционера Сунь Ятсена.

Просветительство и национальная идея особенно сильно овладевают умами передовой корейской общественности в годы протектората (1905-1910). В эти годы серьезное воздействие на формирование духовно-нравственных понятий корейской нации оказала идеология "кэмон ундон", которая впитала в себя идеи конфуцианства, буддизма, даосизма, христианства и национальных учений - Тонхак (восточное учение) и Чхондогё (Учение небесного пути). Здесь очень важно отметить, что Г.Д.Тягай и В.П.Пак отошли от установившихся старых, традиционных в российской историографии оценок роли христианских миссионеров, религиозно-проповедническая деятельность которых сочеталась со стремлением внушить корейцам уважение к своей национальной культуре, способствовала развитию экономических отношений Кореи с их странами. Авторы книги, справедливо отмечая, что иностранные миссионеры в Корею реализовывали экономические и политические планы своих правительств, одновременно указывают и на их цивилизаторскую миссию, на их серьезное воздействие на развитие патриотического молодежного движения, как и всего культурно-просветительского движения в целом. Накануне и в период протектората позиция американских протестантских миссионеров расходилась с официальной политикой правительства, именно они выступили на международной арене в защиту независимости Кореи, против агрессии Японии. Совершенно справедливо в этой связи строки книги: "Разнообразная просветительская активность иностранных миссионеров влияла на формирование нового миропонимания, нового духовного мира. Корейские юноши знакомилась с кодексом буржуазно-демократических свобод, общественным устройством западных государств, понятиями "конституция", "парламент". Не случайно большинство идеологов возрождавшегося корейского национализма были приверженцами "западной веры, принявшими протестантство" (с. 29-30).

Все это верно, и тем не менее рецензенту представляется, что в книге недоста-

точно освещена деятельность иностранных миссионеров в качестве проводников политики своих правительств, совершенно умалчивается их, особенно американских миссионеров антирусская пропаганда.

В новом освещении представлена в рецензируемой книге и деятельность религиозно-политической организации "Чхондогё", ее руководителя Сон Бён Хи, булущего идейного вдохновителя первоапрельского движения 1919 г., заповеди которых оказали огромное воздействие на формирование националистической, патриотической просветительской мысли. С большим интересом читаются страницы книги, где рассказывается о деятельности различных просветительских обществ, о популярности издаваемых ими газет и журналов и работе организованных обществами просветительных школ. В книге приводятся новые данные и о мировоззренческих позициях идеологов просветительства, проповедников национальной и мировой культуры Пан Ын Сяка, Сим Чхэ Хо, Чан Чжи Ена, Ли Ги, Юн Чхи Хо, Ли Дон Хана, Ю Гиль Чжуна и Ан Чхан Хо.

Культурно-просветительская деятельность лидеров "кэмон ундон" и религиозно-политической организации "Чхондогё" оказала огромное влияние на формирование общественного и национального самосознания в корейском обществе. Однако их концепция отличалась от идейного мировоззрения вождей партизанских отрядов, которые содержали свои особые черты национализма, хотя по мере нарастания угрозы колониального закабаления Кореи взгляды некоторых идеологов просветительства стали приближаться к пониманию необходимости борьбы за независимость, вооруженных действий против японских захватчиков. В чем же авторы книги видят основные черты национализма, присущего мировоззрению вождей "ьёйбён"⁴? Они считают, что в период японского протектората в среде корейских народных масс сформировалось на основе своеобразного синтеза традиционных верований, национальной религии тонхак и христианства сознание того, что их идеалом является доктрина тонхак об утверждении равенства всех людей на земле, создании государства всеобщего благоденствия, что путь к этому царству равенства по конфуцианской традиции должно проложить "пришествие избавителя" - нового избранного народом правителя государства, избавителя народа от тягот жизни.

Наиболее яркими представителями

конфуцианских идеологов, возглавивших отряды "Ыйбён", авторы книги считают Лю Нин Сока, Чхве Ик Хёна, Хо Ви, Ли Ик Хёна, Хон Бом До, Ли Бом Чюна и др., которые выступили с патриотических, националистических позиций, но взгляды которых отличались от взглядов бойцов "Ыйбён", а также части реформаторов-просветителей, возглавивших борьбу повстанцев и выступавших за буржуазные преобразования в корейском обществе. Конфуцианцы - вожди отрядов "Ыйбён" боролись за сохранение традиционных порядков, иерархии чиновников, они пропагандировали лозунг изоляции страны, объявляли ересью культуру, научно-технические достижения иностранных государств.

Видным идеологом этих конфуцианских лидеров вооруженной борьбы "Ыйбён" был Чхве Ик Хён (1833-1906), который в своих сочинениях утверждал неизбежность традиционной сословной структуры общества. Он был истинным патриотом Родины, но его патриотизм сочетался с верой в неизбежность учения Конфуция и Чжу Си, с убеждением в неизбежности сословно-консервативной структуры монархии.

Однако в последующие годы в воззрениях конфуцианских лидеров появляется стремление по-новому осмыслить экономическое и политическое положение страны и найти выход из этого положения. Это нашло отражение в философских размышлениях другого руководителя движения "Ыйбён" Лю Нин Сока (1842-1915). Он начал понимать, что Корее нужны реформы, в первую очередь сословной структуры общества, как устаревшей. Ученый предлагал изменить традиционную социальную систему и создать такую, при которой все категории общества - ученые, крестьяне, ремесленники, торговцы и военные - должны овладеть военным делом, чтобы сделать страну богатой и сильной. Он утверждал, что "конфуцианские ученые должны быть сведущи в сельском хозяйстве, ремесле, коммерции, военном искусстве, а не только заскоружлыми в своей учености" (с. 112).

Серьезное воздействие на подъем общественного самосознания, рост патриотизма оказало убийство одним из организаторов отрядов "Ыйбён" Ан Чжун Гыном Ито Хиробуми на харбинском вокзале в октябре 1909 г. Находясь в японской тюрьме в Порт-Артуре, он написал (это впервые становится известным российским читателям из книги Г.Д.Тягай и В.П.Пака) "Трактат о мире на Востоке", в котором он выразил

взгляды многих просветителей-реформаторов, а также вождей "Ыйбён" на политику Японии на Дальнем Востоке в период русско-японской войны 1904-1905 гг. и в годы протектората. Авторы книги пишут, что "политика Японии в этот период привела их к мысли о необходимости организации борьбы против колонизаторских акций Страны восходящего солнца, о необходимости установления отношений с государствами Западной Европы, США, России, чтобы не утратить независимости" (с. 116). С этим трудно не согласиться.

Очень важным представляется вывод авторов монографии о том, что низшие социальные слои корейского общества, вступившие в ряды "Ыйбён", по-иному представляли свои цели, чем конфуцианцы-руководители "Ыйбён". Они мечтали о "возвращении" к мифическому "золотому веку" древности, утопическим идеалам религиозных учений, отодвигая на второй план решение социальных проблем. Но всех борцов за свободу Родины, как и просто антияпонски настроенное население Кореи, России, Маньчжурии, объединяла национальная идея "священной войны" против колонизаторов. Идея слияния нации сплотила представителей самых различных социальных групп.

Существенным вкладом в изучение формирования национальной идеи и просветительства в Корее в начале XX в. является глава 4 монографии "Корейцы в эмиграции (1905-1914)", в которой авторы продолжили исследование истории корейской эмиграции в Китае, русском Приморье, на Американском континенте и в Японии.

В конце XIX - начале XX в. основная масса корейских переселенцев обосновалась в северо-восточных пограничных с Кореей районах Китая. В годы протектората корейские эмигрантские центры образовались в Пекине и Шанхае, но основным прибежищем переселенцев оставался населенный корейцами район Цзяньдао, получивший у корейцев название Кандо. Он стал базой вооруженной борьбы отрядов "Ыйбён" и деятельности антияпонских просветительских обществ, самыми многочисленными из которых были "Канминхве" (Народное общество) и "Коньдокхве" (Общество конфуцианской морали). Затем возникли "Комутё" (Общество земледелия) и общество "Правовой союз", членами которого стали офицеры, эмигрировавшие из Кореи после роспуска в 1907 г. японским генеральным резидентом корейской армии. Его возглавил бывший капитан корейской армии Хан Сон

Гён. Все эти общества открывали корейские школы, которые становились не только местом обучения, но и очагами пропаганды буржуазно-националистических и анти-японских воззрений. Кроме общеобразовательных открывали и военные школы для подготовки корейских юношей к вступлению в ряды "ъйбён".

В Маньчжурии развернули свою деятельность идеологи "кэмон ундон" Ли Сан Соль, Ан Чхан Хо, Сян Чхэ Хо, Ли Гап, руководители отрядов "ъйбён" Хон Бом До, Ли Дон Хви и др. После аннексии Кореи в Цзяньдао переехали также многие другие видные деятели национально-освободительного движения - Ли Чхун, Ян Ги Тхак, Им Чи Чжун. Вместе с ними, как показывают авторы монографии, прибыло более 60 политических эмигрантов. Ли Дон Хви и Ли Чжун установили также контакты с обществом "Канминхве", которое к тому времени возвратило уже свою деятельность в самой Корее и даже в русском Приморье. В 1910 г. в Южной Маньчжурии на базе "Синминхве"⁵ начало действовать новое общество "Кёнхакса" (Общество земледелия) во главе с Ли Си Еном, которое выпустило Декларацию, в которой корейские эмигранты в Маньчжурии, призывались к вооруженной борьбе против японцев и изучению истории борьбы за независимость в других странах. "Подумайте, - говорилось в Декларации, - какая сила помогла Голландии в XVI в. скинуть испанское иго, что помогло Греции освободиться от подчинения Турции и добиться независимости. Если есть цель и стремление, то не страшен никакой дьявол" (с. 133-134). В 1912 г. на базе "Кёнхакса" было создано новое общество "Цуминдан" (Организация оказания помощи народу).

Корейские политические эмигранты в Маньчжурии, руководство базировавшихся там отрядов "ъйбён" выступили в поддержку Синхайской революции. Они направили в Шанхай своих делегатов, чтобы договориться с китайскими революционерами об участии корейских эмигрантов в их деятельности и взаимной борьбе против японских агрессоров. Таким образом, революция 1911 г. в Китае, ее буржуазно-демократическая программа, лозунги освобождения от иноземного правления способствовали росту антияпонских настроений среди корейцев, их стремлению к решительной вооруженной борьбе против Японии.

После краткого обзора положения корейской эмиграции в Китае и русском Приморье в годы протектората и в первые годы

после аннексии Кореи Японией, отметив, что в Маньчжурии, как и в русском Приморье, происходило слияние двух форм национально-освободительного движения - просветительского и вооруженного, авторы монографии дают характеристику до настоящего времени мало известной российскому читателю истории корейской эмиграции на Американском континенте. На Гавайских островах и в Калифорнию эмигрировали и корейские политические деятели, которые устанавливали связи с эмигрантами из Китая и Японии, в частности с Сунь Ятсеном, что несомненно оказывало влияние на население корейской общины. Ан Чхан Хо, Ли Бён Гу, Чан Хан Ген и Ли Сын Ман на Гавайях основали "Синминхве", подобно тому, что в Корее, создавали культурно-просветительские общества. Их пресса, обращения к корейскому населению, собранные ими на патриотические цели денежные средства - все это распространялось в самой Корее и было направлено против колониального закабаления корейского народа. Крупнейшими центрами корейской общественно-политической мысли в США стал г. Сан-Франциско, а на Гавайях - г. Гонолулу, где 1 июля 1907 г. был созван съезд 24 корейских организаций, которые решили создать объединенное общество корейцев ("Ханн халсон хёнхве") и распустить все мелкие корейские объединения. Те же процессы происходили в Калифорнии, где также было создано единое корейское общество "Коннип хёнхве", которое открыло многочисленные отделения в других городах США. Так корейские просветители-националисты, заключают авторы монографии, создавали "своеобразный фронт борьбы за независимость Родины".

Начавшийся процесс объединения был продолжен в 1909 г., когда представители гавайского общества "Халсон хёнхве" и калифорнийского общества "Коннип хёнхве" создали в Сан-Франциско учредительный съезд, на котором провозгласили создание единой Корейской Национальной ассоциации "Тэхан кунминхве" с целью координации действий всех зарубежных корейцев не только на Гавайях, но и в Соединенных Штатах, Приморье и Маньчжурии в борьбе за независимость. В книге приводится интересный факт созыва лидерами корейской эмиграции Ли Сын Маном, Ли Бён Гу, Пак Ён Маном летом 1909 г. в г. Дэнверке съезда всех корейских эмигрантских организаций, куда прибыли также корейцы из Владивостока, Токио, Маньчжурии и Кореи. Такая

многогранная деятельность корейских патриотов на Американском континенте впервые получает научное освещение в рецензируемой монографии. В ней показано, что мировоззренческие позиции у части идеологов корейского национализма на Американском континенте эволюционировали от чисто просветительских до призывов к вооруженной борьбе. При этом они сохраняли надежды на помощь правительства США и др. европейских государств. В этой связи необходимо указать, что российскому корееведению надлежит (и как можно скорее) пересмотреть оценку деятельности Ли Сын Мана и некоторых др. лидеров освободительного движения, которых незаслуженно называли только "проводниками политики США в Корее" и при этом умалчивали об их роли в организации антияпонского движения.

Не менее важную роль в формировании национальной идеи и организации просветительства сыграли корейские студенты и политические эмигранты в Японии. В книге Г.Д.Тягай и В.П.Пака впервые в российской историографии приводятся новые данные о деятельности корейских студенческих организаций в Токио и других крупных городах Японии. Корейские студенты, обучавшиеся в Японии, поддерживали тесные связи с соотечественниками. "Приезжая на родину, студенты знакомили своих соотечественников с теориями Спенсера, Лассала, Дарвина, Маркса, Кропоткина, что несомненно оказывало серьезное воздействие на формирование новых политических программ, способствовало росту общественного

и национального самосознания", - такими словами заканчивается глава 4 монографии о деятельности корейской эмиграции в 1905-1914 гг.

Настоящая рецензия не содержит оценки всех проблем, поднятых в монографии Г.Д.Тягай и В.П.Пака. Она касается только главных, узловых, на взгляд рецензента, вопросов развития корейской общественной мысли и просветительства накануне первой мировой войны. Их анализ показывает, что труд Г.Д.Тягай и В.П.Пака - это новое слово в российском корееведении, весомый вклад в мировое корееведение, хотя в монографии остались не до конца исследованными некоторые проблемы идеологии корейского национально-освободительного движения. Да и сами авторы указывают на то, что такие проблемы, как историческая роль в корейском обществе национальных учений Тонхак и Чхондогё, а также христианства могла бы составить предмет самостоятельного исследования. Следует указать и на то, что выглядят спорными и некоторые новые термины, содержащиеся в рецензируемой монографии. Вряд ли вполне правомерным следует народное движение или восстание 1919 г. в Корее, известное в корейской историографии как "первомартовское движение", именовать "общекорейским крестьянским восстанием 1919 г." (с. 223), имея в виду социальный состав участников этого движения. Далее. На мой взгляд, не следует также, без всяких оговорок, называть движение "Ыйбён" партизанским движением, ибо это не понятно корейскому читателю.

© 1997

Б.Д.Пак,
д.и.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ

1. Г.Д.Тягай. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. - М., 1971; Там же. Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. - М., 1983.
2. В.П.Пак. Просветительское движение и система образования в Корее во второй половине XIX - начале XX в. - М., 1983.
3. В переводе - "Общество независимости".
4. Ыйбён - Армия справедливости, общее название антияпонских партизанских отрядов корейских националистов начала XX в.
5. "Синминхве" - "Новое народное общество".

В IV квартале 1997 г. выходит в свет очередной, двадцать второй, выпуск ежегодника "Китайская Народная Республика. Политика, экономика, культура в 1995-1996 гг." Он издается Институтом Дальнего Востока РАН с 1973 года.

Как и в предыдущих выпусках в нем освещаются основные события, которые происходили в КНР в 1995-96 гг. Читатель найдет в ежегоднике материалы о сессиях ВСНП и пленумах ЦК КПК, положении в экономике, внешне-политической деятельности КНР, о развитии культуры и образования в стране. В приложении дается хроника основных событий внутренней жизни КНР и ее внешней политики.

Ежегодник подготовлен коллективом научных сотрудников Института. Книга рассчитана на специалистов и читателей, интересующихся современным Китаем.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.08.97 г. Подписано к печати 15.09.97 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл.кр.-отт. 13,6 тыс. Уч.-изд.л. 14,6 Бум. л. 5,0
Тираж 1032 экз. Зак. 2295.

Оригинал-макет © 1997 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в Московской типографии №2 РАН, 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., в.